

Сетевой научный журнал

Научный результат

Том 1
№1 2015

Research result

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Социальные и
гуманитарные
исследования*

ISSN 2408-932X

9 772408 932009

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-932X

Том 1. №1(3), 2015

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ольхов П. А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Волкова О. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР:

Мотовникова Е. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Носова Т. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ:

Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор, декан социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

RESEARCH RESULT

SERIES «SOCIAL
STUDIES AND HUMANITIES»

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-932X

Volume 1. №1(3), 2015

Founded by:

Belgorod State University

EDITOR-IN-CHIEF:

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

DEPUTY CHIEF:

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

DEPUTY CHIEF – MAKE-UP EDITOR:

Elena N. Motovnikova, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

EXECUTIVE SECRETARY:

Tatiana V. Nosova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

ENGLISH TEXT EDITOR:

Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, National Research University “Belgorod State University”

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD:

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Dean of the Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Пенской В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Денисова И.В., кандидат исторических наук, директор музея Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданская И.А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Мусаелян Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Иванова И.И., доктор философских наук, профессор кафедры философии науки Кыргызско-Российского славянского университета, Республика Кыргызстан

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемакин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Deputy Dean for Research and International Activities, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Irina V. Denisova, Ph.D. in History, Associate Professor, Director of the University Museum, National Research University "Belgorod State University"

Irina A. Maidansky, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Elena N. Musaelyan, Ph.D. in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Pedagogical Institute, National Research University "Belgorod State University"

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of civilization and Museum management studies department, Institute of Cultural Studies and Museum management studies of Moscow State University of Arts and Humanities

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Olga B. Buksikova, Doctor of Art study, head of the department of theory and methodology of choreography, producing, dramatics and choreography faculty of Belgorod State Institute of Arts and Humanities

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics

Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

Nikolai N. Veresov, Doctor of philosophy, Professor, The Monash University, Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de Philosophie et d'Esthétique à l'UPJV d'Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

Irina I. Ivanova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science, the Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of National Research University "Belgorod State University"

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, National Research University "Belgorod State University"

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, National Research University "Belgorod State University"

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета

Лапина С.В., доктор социологических наук, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, профессор кафедры административно-правых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Малай В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Центр Балканских исследований, государственный Нишский университет, Республика Сербия

Ойттинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Старостенко К.В., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, культурологии и политологии государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса в г. Орле, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Чович Б., доктор филологических наук, академик, профессор Паневропейского университета, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Svetlana V. Lapina, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Administration and Social Sphere and Belarusian Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Pedagogical Institute, National Research University “Belgorod State University”

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vera V. Malai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations and Ukrainian studies, Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, National Research University “Belgorod State University”

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeskina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University

Ljubiša Mitrović, Doctor of Science, Emeritus Professor at the Center for Balkan Studies, State University of Nis, Republic of Serbia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University

Konstantin V. Starostenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political sciences at the State University – Educational, Research and Manufacturing Complex in Oryol

Harri Taliga, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia.

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University

Zhu Tszyanggan, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of Philology at the University of Suzhou, the People’s Republic of China, Jiangsu Province.

Branimir Čović, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Professor of Pan-European University, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

Annett Jubara, Dr. Phil., Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

ОТ РЕДАКЦИИ

Ольхов П.А.

Эпистемологическая взаимность.....6

ИССЛЕДОВАНИЯ

Бирюков Н.И., Сергеев В.М.

Принципы демократии.

Метаинституциональный базис
современного общества.....8

Шилов В. Н. Майдан в Москве:

август 1991 года и современность.....17

Богомилова Н. Модели и «философия»

преподавания религии в современной

Европе.....27

Черкашина А. А., Матвеев А. С.

Глокализация современных
развлекательных телеформатов
в России (на примере реализации
оригинального формата

«Nothing ut the Truth»).....32

Кинаш Л. А., Жиров М. С.

Музыкальное мышление Г. В. Свиридова
(опыт аксиологического комментария)...37

Жиров М. С., Алексеева О. И.,

Жирова О. Я. Генезис народной песни:

историко-культурный контекст.....45

АРХИВ

Пенской В. В. Нарвская «конфузия»:

взгляд со шведской стороны.....53

Граф Карл Вреде – отцу, 24 ноября

1700 года из Нарвы.

Пер. А. Г. Чередниченко, коммент.

и общ. ред. перевода В. В. Пенского.....56

Московкин В. М., Моисеева С. А.

Публикации об инкунабулах
в открытом доступе Интернета.....64MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ,
ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

Быстрянец С. Б., Салов А. И.

«Миграционный навес» в российской
экономике.....73Жиляков С. В. Жанровая проблема
после М. М. Бахтина (онтологические
заметки).....79

Лин О. В. Сказители Лао Шэ:

странствующие мастера слова

и хранители традиций.....85

RESEARCHES

Olkhov P.A.

Epistemological reciprocity.....6

Biryukov N.I., Sergeev V.M.

The backbone of democracy.

The metainstitutional basis
of modern society.....8

Shilov V. N.

Maidan in Moscow: August, 1991

and the present.....17

Bogomilova Nonka

The models and “philosophy” of religious

education in contemporary Europe.....27

Cherkashina A. A., Matveev A. S.

Glocalization of modern entertaining
TV formats in Russia (by an example of
«Nothing but the Truth» original format)....32

Kinash L. A., Zhirov M. S.

Return to the logos, the word of God

in Russia (on the musical thinking
of Georgy V. Sviridov).....37

Zhirov M. S., Alekseeva O. I.,

Zhirova O. Ya. Folk songs genesis:

historical and cultural context.....45

ARCHIVE

Penskoy V. V. The Narva confusion:

a view from the Swedish side.....53

Count Karl Wrede to his father,

November 24, 1700 from Narva.

Translated by Andrey G. Cherednichenko,

edited by Vitali V. Penskoy.....56

Moskovkin V. M., Moiseeva S. A.

Publications about the incunabula
in the open Internet access.....64MISCELLANEOUS: MESSAGES,
DISCUSSIONS, REVIEWS

Bystryantsev S. B., Salov A. I.

«Migration overhang»

in Russian economics.....73

Zhilyakov S. V.

Genre problems after Bakhtin

(ontological notes).....79

Lin O. V. The Lao She's drumsingers:

the travelling masters of words

and keepers of traditions.....85

ОТ РЕДАКЦИИ

Павел Ольхов, главный редактор

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ

В новом номере серии «Социальные и гуманитарные исследования» публикуются материалы, которые связаны с особыми, созидательными настроениями, все более распространяющимися в академическом мире России и Европы. Умозрительная эпистемология мало-помалу уступает место эпистемологии ответной и ответственной; устаревает и положение исследователя как исключительно возвышенного, «внешнего» наблюдателя. Российское социальное и гуманитарное знание проникается этикой участия; в нем все более заметно присутствие «целостного человека познающего» (Л.А. Микешина). Эту новую познавательную установку так или иначе принимают или вырабатывают авторы нашего нового номера.

Уже в первой статье петербургских коллег, Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева, обдуманной и написанной по-английски, речь идет об **органическом единстве или «взаимности»** известных **социальных форм**, соблюдение которых позволило бы укрепить и развить «*становой хребет*» *новой российской демократии* (the backbone of democracy). К этим формам относятся *академическая наука, банковско-биржевая система и представительные законодательные институты* (с тремя институтами поддержки – свободной прессой, рациональной бюрократией, и независимым судом). Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев рассматривают эти формы в порядке их «минимальной конфигурации»: ни одна из этих форм не является определяющей, но утрата каждой из них меняет осанку демократии, так или иначе деформирует ее. В своем единстве эти формы обеспечивают возможность действительного социального поведения.

С этой работой теснее всего связана статья белгородского политолога В.Н. Шилова «Майдан в Москве: август 1991 года и современность»; здесь предлагается ценностно-идеологическое исследование комплекса политических событий в России в 1991 году и на Украине в 2014-м; обосновывается важность формирования новой конкретно-исторической идеологии для России, которая отвечала бы вызовам эпохи и повышала политическую конкурентоспособность страны в глобальном соперничестве.

Отдельную группу образуют материалы номера, ориентированные на исследование **ценностно-нормативных условий актуальных практик социального управления**.

В статье о возможностях европейского религиозного образования, неявного, конфессионально ангажированного или, напротив, внеконфессионального, болгарская коллега Н. Богомилова наиболее подробно трактует *неконфессиональный подход к религиозному образованию*. Актуальный в европейском образовательном пространстве (и вполне соответствующий общим принципам ООН), этот подход становится предметом государственной заботы о свободе религии и свободе убеждений и реализуется в систематическом историко-религиозном и этическом просвещении. Этот подход, как замечает Н. Богомилова, оказывается трудно реализуемым: «самым трудным является сбалансированный подход, сообразный с потребностями и интересами подростков, при котором информация связывается с мудростью человеческого опыта, с фундаментальными экзистенциальными ценностями». Предпосылки внеконфессионального подхода трудно назвать безупречными именно экзистенциально – этот подход ангажирован вполне идейно и является в своем основании секулярным. Общее религиозное образование должно фиксировать, с некоторой эмпирической полнотой, социальную достоверность религиозного знания и ставить

вопрос о его глубоко личностном статусе. Но сама эта необходимость не аналитична; она должна быть пережита, а не преподана. Это ставит под вопрос не столько информационную полноту религиозного образования, сколько его личностную достоверность – со стороны педагога, прежде всего. И, стало быть, ставит в зависимость от его личных переживаний другую сторону религиозно-образовательного диалога; *под вопросом*, стало быть, не столько основания того или иного подхода к религиозному образованию, сколько *тот, кто решается говорить*.

Два других материала – статья белгородцев А.А. Черкашиной и А.С. Матвеева «Глокализация современных развлекательных телеформатов в России (на примере реализации оригинального формата “Nothing but the Truth”)» и обширное эссе петербуржцев С.Б. Быстрянцева и А.И. Салова «“Миграционный навес” в российской экономике». Разность эпистемологических стилей только подчеркивает общую *проблему усвоения иноэпистемологического опыта*: как далеко может пойти заимствование и интерпретация алгоритмов социального управления в отечественной социокультурной и экономической среде?

В группе материалов, посвященных **проблемам толкования исторического наследия** – применительно к событиям, довольно далеко отстоящим от нашей современности, – своя взаимность.

Белгородец В.В. Пенской и крымчанин А.Г. Чередниченко предлагают перевод обширного письма отцу графа Карла К. Вреде, камергера и вице-гофмаршала шведского короля Карла XII, написанного 24 ноября 1700 года в Нарве, когда шведская армия одержала верх над русской армией. *Победа*, по слову Петра I, «*зело печально чювственная*» для России, была и весьма полезной. К. Вреде описывает эту победу как «великую», и предлагает своего рода ее анатомию, в т. ч. и как «великий ужас», который настиг «многих храбрецов» с российской стороны. Исторические перспективы этого ужаса известны и могут быть вполне поучительны в ситуации нашей ближайшей повседневности.

Свой вклад в сохранение исторически удаляющейся Гутенберговой галактики вносят В.М. Московкин и С.А. Моисеева, выявившие *степень представленности в Интернете научной литературы об инкунабулах*. В результате систематического поиска в Google Books идентифицированы каталоги инкунабул классических университетов Санкт-Петербурга, Казани, Саратова, Томска, Харькова и Львова; актуализирована необходимость создания своего электронного каталога инкунабул научных библиотек постсоветских университетов.

Самая, пожалуй, тематически насыщенная группа материалов номера – статьи и сообщения о **культурных практиках XX столетия и их познавательных структурах**. Л.А. Кинаш и М.С. Жиров предлагают аксиологический комментарий к основам музыкального мышления Г.В. Свиридова. М.С. Жиров, О.И. Алексеева и О.Я. Жирова трактуют историко-культурный контекст, в котором возникает народная песенная культура, – принимая во внимание многовековую, многослойную народную культуру Белгородчины. Аналитическое описание образа традиционного китайского сказителя, как он представлен в романе китайского писателя Лао Шэ «Сказители», одного из самых раздумчивых китайских интеллектуалов прошлого века, предлагает О.В. Лин. Конкретное единство китайской народной культуры воплощается в практиках сказителей, канонических и, одновременно, странствующих, имевших опыт уникального общения.

***

Взаимность, которая проявилась в материалах этого номера, не была, разумеется, предписана их авторам. Она дала себя знать именно как некое настроение, стилистический избыток мышления авторов самых разных проблемно-тематических ориентаций. Этот эпистемологический стиль, надо полагать, имеет свою историчность и свою судьбу, в которой принимают участие авторы, предложившие к публикации свои труды.

ИССЛЕДОВАНИЯ

*Nikolai I. Biryukov,
Viktor M. Sergeev*

**THE BACKBONE OF DEMOCRACY.
THE META-INSTITUTIONAL BASIS
OF MODERN SOCIETY**

Biryukov Nikolai Ivanovich,

*PhD in Philosophy, Associate Professor; Moscow State Institute for International Relations (University);
76 Vernadskiy Ave., Moscow, 119454, Russia; E-mail: nibiryukov@yandex.ru*

Sergeev Viktor Mikhailovich,

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Global Problems of the Institute
for International Studies at MGIMO University
Moscow State Institute for International Relations (University); 76 Vernadskiy Ave., Moscow, 119454, Russia;
E-mail: sasergeev1@rambler.ru*

АБСТРАКТ

The article deals with the «minimal configuration» of social institutions that ensure sustainable development not by adapting to the environment (the adaptive behaviour characteristic of traditional societies), but through uninterrupted generation and implementation of innovations that transform environment to meet the changing needs of humankind. This type of active adaptive behaviour characteristic of modern society could not be maintained in the absence of three basic «metainstitutions» of modernity, viz. 1) science, 2) the banking and exchange system, 3) institutions of representative democracy (parliaments), plus three «support institutions»: 4) free press (mass media), 5) rational bureaucracy, 6) independent judiciary.

Key words: innovations; metainstitutions; modern society; science.

*Бирюков Н. И.,
Сергеев В. М.*

**ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИИ.
МЕТАИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
БАЗИС СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Бирюков Николай Иванович, кандидат философских наук, доцент
Московский государственный институт международных отношений (Университет)
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия; E-mail: nibiryukov@yandex.ru

Сергеев Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра
глобальных проблем Института международных исследований МГИМО(У)
Московский государственный институт международных отношений (Университет)
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия; E-mail: sasergeev1@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается «минимальная конфигурация» социальных институтов, обеспечивающих устойчивое развитие не путем приспособления к «окружающей среде» (тип адаптации, характерный для «традиционных» обществ), а посредством непрерывной генерации и внедрения инноваций, меняющих «окружающую среду» соответственно нуждам и запросам общества. Этот тип активной адаптации, характерный для «современного» общества, был бы невозможен без трех базисных метainститутов современности: 1) академической науки, 2) банковско-биржевой системы; 3) представительных законодательных институтов и трех «институтов поддержки»: 4) свободной прессы, 5) рациональной бюрократии, 6) независимого суда.

Ключевые слова: инновации; метainституты; современное общество; наука.

**THE BACKBONE OF DEMOCRACY.
THE META-INSTITUTIONAL BASIS OF MODERN SOCIETY**

Basically, being an international event, the Peace of Westphalia is also interesting as a marking point in Europe's social and cultural history. It introduced or reestablished a number of practices that were to prove crucial to the development of modern society. It provided for religious toleration in Germany and, more important perhaps, confirmed the United Provinces of the Netherlands and the Swiss Confederation in their capacity as independent modern-type republics. In this, as well as in its other provisions, it marked the shift of historic initiative from the Mediterranean to other countries (the Nordic *et alia*), where modern society was being forged. If not the birthday, it can thus be viewed as, at least, the day of confirmation of modernity. But it also marked a cultural rift between European nations, it would take a centuries-long and arduous effort of modernisation to heal.

From "Natural Selection" to Active Adaptation. A question to be asked about modernity is why this kind of social order, despite its apparent advantages and often irresistible appeal, is so difficult to borrow or, for that matter, to impose? The usual, almost "natural" answer is that transition to modernity is a response to a set of challenges that is open only to societies that have reached a certain phase of development. The explanation is however wanting on, at least, one crucial point: societies at the same – presumably, technological – phase of development are known to respond to similar challenges in different ways. The obvious conclusion is the process in question does not follow a clear-cut line of development. It is seductively easy to theorise in terms of phases that every society will have to pass sooner or later; it is much more difficult to substantiate this kind of theory. There is no reason to believe that all societies will end at the same place after having passed the same route. In fact, social development is remarkably analogous in this respect to the biological evolution: a wolf may be good, a crocodile, perhaps, even superb, in their own niches, but this does not mean they are steps to a human being. In a similar way, a community may discover its own niche and drag on without visible changes simply because no one seeks to oust it. Admittedly, social life is characterised by the scarcity, not to say – virtual absence of unoccupied niches. In this, it is different from natural life and its challenges prove more imperative.

If this general (evolutionist) approach is accepted, the viability (survivability) of societies appears in the following perspective. Roughly speaking, the evolutionist theory knows two adaptation strategies: either "narrow" specialisation (securing dominance in a specific niche), or development of a "universal" mechanism that would enable an organism to analyse the changing environment and facilitate the species' expansion to other niches. The latter function is performed by the brain, which is of use, to be sure, in isolated niches, but becomes much more important with the development of technology. To pursue the metaphor, good clothes make all weathers good!

If we review the historic process from this evolutionist perspective, we shall come across a great number of stagnant societies that fail to generate their own, internal resources for development and may be viewed as analogues of vegetable or animal species that have got control over their own niches and exist in equilibrium with their environment, but are doomed to perish when the resources supplied by that environment are exhausted. And we shall find out only *one* type of social order that has proved to expand into all possible niches and shows no signs of stagnation, but is, on the contrary, characterised by *sustainable development* [10]. This society, usually referred to as *modern*, dates back, at least, to the Age of Discoveries.

Our principal argument here is as follows. Just like the development of the brain is the beginning of a process that eventually replaces somatic changes as a principal means of adaptation for a selected species of living beings by technological development, so the emergence of a social order that would enable societies to live and expand by adapting environment rather than by adapting to environment is a radical, absolutely radical, change that likewise terminates "natural selection" in the social sphere. Unlike earlier, "traditional" societies, "modern" societies respond to challenges not so much by reshaping themselves, as by reshaping their environment, i.e. in a way that is characteristic of human adaptation. But just like humans cannot help being affected by this and must, at least, learn to live with the kind of stress that goes with the lifestyle in question, so do the societies.

Modernity is not immune to criticism, and this type of criticism is an important part of the

modern political discourse. The irony of this criticism is that when it comes to modernity traditionalists and postmodernists are sometimes extremely difficult to distinguish between (compare Konstantin Leontiev to Herbert Marcuse, for instance) [5]. The message of ecologists is that by destroying environment technologically the civilisation digs its own grave [9]. But is this not what man has been doing for millennia? Most deserts on earth owe their existence to human activities. Not only in modern times, man has always changed its environment, provoking new challenges. This is a law of technological adaptation. It would be irresponsible to ignore the problem, of course, but from Russian Slavophil philosophers of the nineteenth century and Oswald Spengler to Herbert Marcuse and the Roman Club theorists, all critics of modernity follow the same line of argument: the threatening trends are extended to infinity, while the principal feature of modern societies – their *innovative potential* that helps solve the problems – is ignored.

In the meantime, the very idea, the core of modernity is to solve problems generated by technological development by means of further technological development. Innovations are innovations precisely because they cannot be “calculated” in advance (cf. Karl Popper [8]). Incidentally, this is why criticism of modernity appears plausible (at least, many have found it convincing), but in real life, problems turn out to be solved: we witness industries to disappear and new industries to emerge.

The situation can only be explained if we admit that, starting from a certain minimal level of institutional complexity, societies are no longer destroyed by unanticipated challenges, but learn to respond to them *adequately*.

The question is what is the minimal level of institutional complexity or, to be more specific, what is the configuration of institutions that enables societies to give an *innovative response* to virtually any challenge? If this question can be answered, the classification of societies (civilisations) into those that are capable of sustainable development and those that are not is no longer a display of arrogance, of Euro- (or for that matter, some other) centrism, but an intelligent point of distinguishing between two types of social adaptation and survival. From this standpoint, stagnant societies that do not maintain a

regular flow of innovations share the fate of living species adapted to a specific niche: their survival is a matter of luck, viz. whether this niche is sought by a better adapted rival or not.

The principal difference between natural and social history, however, lies in the fact that once a society capable of sustainable development has emerged, it cannot help *upsetting the equilibrium of eventually all other societies* – by its very existence, by the continuous flow of innovations that create new problems to be solved by further innovations, in short – by destroying other societies’ specific niches simply because the Earth is too small and no social niches are truly isolated.

Needless to say, the process is painful, for all other societies, for all their distinctive achievements, are faced with, in fact – are forced to face a hard, often uninspiring dilemma: either to lose their identity and modernise or to disappear. To “disappear” does not necessarily mean to literally “die out” (the “human matter” can be preserved at the expense of social structures), but extinction is not excluded and is sometimes quite probable – as a number of small, “too” traditional societies have all but learnt from their own experience.

To come back to the “minimal configuration” of social institutions that “starts up” modernity one has to revise the institutional developments of the areas where modernity originated at the time of its origins. What institutions were known to the countries in question, what was lacking and had to be created?

It is not difficult to discern in Northern Europe of the seventeenth century the unique simultaneous existence (in some cases, first appearance) of social institutions that are characteristic of modernity, but unknown to the traditional societies. These include (1) the parliament, (2) rational bureaucracy, (3) independent judiciary, (4) academic science, (5) financial institutions, (6) mass production, (7) mass media (book-printing) [1; 7].

On their own, these or similar institutions could exist and in fact existed earlier in other societies (parliaments, for example, date back to High Middle Ages, rational bureaucracy is a well-known Chinese phenomenon [see 2]), but did not produce similar consequences. Our principal hypothesis is that of critical importance was their *simultaneous* existence, i.e. their interaction, or rather *self-support*. This self-support is our next theme.

The "Backbone" of Modernity. Let us now pursue the metaphor and consider the system of social institutions as the social analogue of the brain or, to put it more adequately, as the society's institutionalised mind.

Like everything else that exists in the world as a part of it, societies must interact with their environment; and like everything else that interact with the environment, they require certain functional organs. They need organs that could "see" and "apprise" the situation; let us call them "the eyes". They need organs that could "interpret" the situation. They need a set of rules guiding, or rather triggering behaviour; let us call them "the instincts". They need "effectors" that could change the environment or else move from the unfavourable environment to a favourable one. And they need resources of energy and, last but not least, a mechanism that would help them assess how (for what purposes and to what extent) these resources must/may be spent.

Primitive societies (like lower animals) may manage with rigid behaviour traits and rigid "judgement" rules, but more sophisticated systems would require special organs and mechanisms that could adapt the "rules of behaviour" and "value systems" to the environment or – in still more "advanced" cases – to the *desired* environment [3].

Once developed, such mechanisms would essentially function like "metaprograms", transcending the immediate task of "supporting life". It is, therefore, obvious that the transition from the simplest – responding – mechanism to a mechanism supporting deliberate adaptation of the environment is a *structural leap* that involves development of "metaprograms". In the case of the brain we think we understand how this shift to a purposeful active adaptation was achieved – by the development of new sections of the brain, viz. cortex (which is bigger in size than all its other sections taken together) – and know when it took place.

The leap thus implies the development of a new organ: such a change in behaviour patterns would be impossible unless supported *instrumentally*. There is no reason to believe a similar transition in social life can be achieved without an appropriate instrumental support: "metaprograms" must apparently be realised in the form of new, hitherto unknown institutions. And these new institutions would have to account for a *considerable part* of the society in question: a

couple of clever heads would obviously not suffice.

If we now turn to modernity and summarise the changes that distinguish modern societies from their predecessors, we shall at once come across these "metainstitutions", i. e. the institutions that fulfil the function of "metaprograms": *parliaments* whose basic task is to set the "rules of the game" depending on the changing environment (situation); *science* that is supposed to generate innovations (including ideas of new "rules"); and economic institutions (*the banking and exchange system*) that regulate the resources on the basis of principles that go beyond the immediate needs. From this standpoint, *profit* is a metaprinciple because profit does *not* satisfy any "immediate needs"; once the profit mechanism is on, a totally different process begins. It is not surprising, therefore, that it is precisely this principle of profit that traditionalists renounce as the primary evil of modern times. And it is likewise no coincidence that the two other principal objects of traditionalist criticism happen to be representative democracy and science.

What is important here is the systemic aspect of modernity. If a society that seeks modernisation introduces – for whatever reason – the basic institutions of modernity only partially or formally (by this we mean that institutions may be established but the basic principles of their operation are rejected), the attempt at modernisation is doomed to fail [6, p. 4.].

For the principles of modernity are not *human* principles. They transcend human understanding and human interests – in so far as by "human understanding" and "human interests" we mean the understanding and the interests of an individual human being. For this reason, it is so easy to criticise them – and so unrewarding. For it is precisely because they are "super-human", because they activate mechanisms that transcend immediate human needs and, moreover, appear sometimes to violate certain basic rules worked out at the previous stages of development, they constitute a breakthrough to a new stage of development, viz. modernity.

But they form a system that must operate as a system, that is as a set of interacting and mutually supporting elements. It would be useless to try to introduce the profit mechanisms in a society that has not developed institutions capable of originating and applying innovations. If

the principles of science are not recognised and supported by the appropriate institutions, the profit principle will produce nothing but usury. It would be likewise useless to introduce representative democracy if economic priorities cannot be assessed by the bodies that operate independently from the (presumably democratic) institutions of power. You will only get corruption.

We may thus identify three basic “metainstitutions” of modernity, viz. parliaments, science and financial system, that are supported and served by the rational bureaucracy, independent judiciary and mass media. The functions of the latter three are as follows:

(1) Rational bureaucracy operates as an *effector*. With this, it differs from particularistic bureaucracy: unlike the latter, it has no interests of its own and simply does what it has to do; otherwise it would not be able to serve as an effector. The functional difference between rational and particularistic bureaucracy is that the latter complicates the system by providing an additional focus of somewhat unintelligent decision-making (for it is not easy to judge on the factors that define bureaucratic interests and the motives behind their decisions) which is essentially under no one’s control.

(2) The basic function of the independent judiciary is conflict resolution. Civil cases are in the long run more important socially than criminal cases. The courts’ primary task is not so much to support a proper behaviour, but to secure the proper functioning of the social system by resolving conflicts within it. The bulk of these conflicts refer to civil suits. When courts try more criminal cases than civil ones, something is wrong with the system; this indicates serious dysfunction. A criminal case manifests a conflict between a citizen and his/her society, not between two citizens. If such conflicts are many, the society is in peril.

Another important difference between the criminal and civil law lies in the fact that the former is about *norms* (as embodied in the criminal code) and *deviations*, whereas the latter is about *justice* (fairness?). One can, of course, speak of punishments as just or unjust, but in that case the criterion, and hence the agency, of justice is something beyond the society, something above it – a transcendent entity that judges on us and distributes prizes and punishments. Civil case, however, deals with justice *within*

the society; and this justice is to be defined by the society itself, i.e. in fact by citizens, and not by some supersocial power. The obvious consequence is that criminal cases can hardly be tried independently of the state, for in actual life it is the state that plays the part of the transcendent judge, that, in particular, sets and maintains the norms. In civil cases, on the contrary, the state is generally neutral, for as a rule it has no interest and consequently needs to have no part in them. One may therefore conclude that the independence of the judiciary is directly proportional to the percentage of civil cases in the total number of cases tried in courts.

This conclusion is only strengthened if we consider a financial aspect of the matter. Courts try civil cases at the litigants’ expense, whereas criminal suits are carried on at public expense. The more civil cases courts judge on, the more independent financially they become. (It goes without saying that financial independence is an important aspect, if not the basis of independence in general).

(3) The mass media are basically an information network. Knowledge must be disseminated if social mind, and the institutions it is embodied in, are to function, but it is of vital importance how it is disseminated. In particular, it is important whether dissemination is effected through a centre that can monopolise, and hence control, certain kinds of information.

What is significant in this is the fact that media *are foci* that accumulate, sort out and disseminate information. Their very existence makes transfer of information from one citizen to another largely irrelevant: the job is to be done anyway. If the free transfer of information and absence of barriers or filters between the sources and the recipients is a democratic ideal, the more such foci are on the scene and the farther they reach, the better. Ideally, we need many long-reaching foci of information, for small centres are obviously not enough.

History saw dramatic changes in this respect. The invention of book-printing resulted in the appearance of many and generally long-reaching foci of information. The situation was doubtless due to the fact that printing-shops were relatively cheap. This plurality trend was reversed when radio and television were invented. Since radio and TV studios were expensive, their number was incomparable to that of printing-shops and publish-

ing houses; the result was considerable restriction on the free flow of information. It is well known that radio helped establish and consolidate the totalitarian regimes of the 1930s. The Internet has reversed the trend again. Moreover, we are not simply back in the book-printing era as it existed before radio and television; it may be that we are about to enter a totally new era characterised by a potentially *infinite* number of information accumulating and disseminating centres.

Separation of the above institutions, both functional and institutional, is at least as important as separation of powers. The former must be regarded as a founding principle of the same rank. If the three functions of our metainstitutions, viz. the innovative, the distributive and legislative, are fused together in a single super-institution, the society will suffer – basically for the same reasons why it suffers when the legislative, the executive and the judiciary are fused together, i.e. because of the overlapping of interests and “crossinfluence”: the powers have to be separated precisely in order to prevent secondary interests from influencing the decision-making where such influence is undesirable.

The above principle has a number of vital consequences. It determines in particular the inefficiency of economic monopolism that de facto fuses the innovative and the distributive functions. The impact of monopolisation is well known: innovations become to be suppressed. That means that “the market of innovations” must be *institutionally* separated from “the market of resources”.

The CPSU Central Committee is the classic example of a body that sought to combine the innovative and legislative functions (in fact, all the three major metafunctions, including the distributive). The result is well known: it has been called “stagnation”. And it is after all not that important whether it is the distributive function that absorbs the rule-setting function or those who set rules and monopolise distribution of resources. The choice is between corruption (in the former case) and stagnation (in the latter case). From this standpoint, our recent transition from subduing resources distribution to rigid rules of the game to subduing rules to distribution of resources is hardly inspiring: we had financial institutions that were totally dominated by the state apparatus, now we have the state apparatus that is totally dominated by financial institu-

tions. Whether the society as a whole has gained anything from exchanging stagnation for corruption remains doubtful.

(A good example of what happens when the rules of the game are set by distributing institutions is provided by our recent pawn auctions. What is bad is not that banks see their interests satisfied – there is nothing wrong in satisfying bankers’ interests. Bad is the situation in which bankers themselves set the rules according to which their interests are going, in fact have, to be satisfied. This is obviously *not* in the public interest.)

Authoritative regimes generally tend to concentrate innovations (if these are allowed and even if they are proclaimed as the body social’s primary goal) and legislation in same hands. Hence, the principle of academic freedom as something that must be a point of concern not for academics alone, but for the society to which they belong in general. Any attempt to make science serve “the public interests” is in fact, for all its enchantment, an attempt to fuse the innovative and the distributive functions – usually with the most unrewarding consequences for both science and economy – and hence for society in general.

An important aspect of this problem is the responsibility of scientists for the results of their research work [4]. If this is demanded and, moreover, institutionalised, the legislative and innovative functions become inseparable. Just as financial independence (freedom of enterprise?) is a guarantee against amalgamation of the function of innovation and resource distribution, academic freedom (freedom from responsibility for scientific results) is a guarantee against amalgamation of the innovative and the legislative functions.

What happens when the legislative and the economic (distributive) functions are combined together is well known from experience. What is required here is correct formulation of the principle. Combining the two functions leaves science alone vis-à-vis the united political/economic power and makes scientists – contrary to their intuitive unwillingness and their own aspirations – behave according to the maxim: if your society wants you to solve a problem, solve it. The result is that science ceases to generate innovations and simply lags behind pondering problems that are defined by someone else. It

can no longer provide timely solutions for these problems, but is continually busy trying to catch up with the life that is far ahead. If there is anything that may be properly called “backwardness”, it is this. Gradually but steadily people grow accustomed to being always late in solving their problems – all despite the ostensibly reasonable official slogan of effective and useful science.

If science is generally regarded as a means to satisfy public needs, public opinion is likely to expect it to work miracles, not generate innovations. It thus ceases to be science and turns into a kind of magic – at least, in the public opinion. What happens to a miracle worker who fails to work the desired miracle is easy to imagine. What is important from the standpoint of this study is that this attitude destroys the science’s institutional structure: those able to fulfil this magic function are likely to get all the honours and, since no one is in actual life able to fulfil it (for magi do not exist, of course, and science is no magic), charlatans and scoundrels prosper at the expense of genuine and conscientious scientists. At least, they find themselves *at the head* of scientific institutions. In the long run everyone is disappointed: science yield neither miracles, nor innovations.

Modern Institutions and Modern Mind. As a form of conclusion we would like to consider the nature of the relation between the institutions in question. That the six basic elements of modernity, viz. representative democracy, academic science, financial system, rational bureaucracy, independent judiciary and free media, are in some way related to each other is a point of common knowledge. What usually escapes attention is the fact that this relation, though obvious to the democratic mind, is far less obvious to minds shaped in different ways, e.g. the authoritarian mind. In other words, if the relation exists (and we think we have made it clear that *in our opinion* it does), the knowledge of it is not a priori. It is no gift of “the democratic grace” – something like a natural reward of a “politically correct” thinking, no innate democratic idea. A modern mind usually possesses this knowledge, but, as we shall try to demonstrate, it owes it to experience, and there is therefore no reason to believe that this kind of knowledge preceded modernity and was moreover instrumental in creating it.

Let us consider, for instance, the relation of market economy to political democracy¹. A modern mind easily recognises that the two are interrelated and it seldom hesitates to assert that there can be no true market without political democracy as there can be no true democracy without market economy. Two reasons are usually given to substantiate this assertion (leaving aside the purely empirical argument that democratic countries are also market economies).

One of the arguments is sociological in nature. It emphasises the structural interdependence of market institutions and institutions of political democracy. It is often argued that only market economy can insure citizens sufficient economic independence without which they would never be anything but the objects of political manipulation and would never become independent political agents. The argument proceeds from the assumption (generally speaking, a correct one) that only economically independent agents can be politically independent. On the other hand, it is widely believed that only democratic institutions can guarantee freedom of economic activity to masses of citizens, rather than to a limited class of economic elite.

Both assertions are, though correct, irrelevant. It is true that political independence is a sheer illusion if it is not based on economic independence. But this does not mean a free economic agent is necessarily a citizen. On the contrary, most economic agents that enjoy freedom of market are *not* individual citizens, they are corporations. If corporations are economically independent, they are likely to be politically independent, but a system of politically independent corporations is not what we call “democracy”. It is conceivable for a society to allow economic freedom and political influence that goes with it to corporations while denying them to individuals. Modernity takes it for granted that the agents that enjoy economic and political rights and freedoms (including freedom of the press

¹ See, for example, discussion initiated by Mohamed Benmerikhi “Can democracy function without a free market economy, and vice versa?” URL: http://www.researchgate.net/post/Can_democracy_function_without_a_free_market_economy_and_vice_versa ; as well as Kurt Bayer’s blog “Does Market Economy require Democracy?” URL: <https://kurtbayer.wordpress.com/2010/04/06/does-market-economy-require-democracy/> (date of access: February 10, 2015).

and the right for legal protection) are individual human beings. But like everything that is said about human rights, this is simply an assumption and, frankly speaking, a surprising one. One may wonder, indeed, why the founding fathers of modernity never considered alternatives!

On the other hand, it is not exactly true that political democracy guarantees equal economic rights to all or, at least, to most citizens. Even if it is true, as, indeed, it seems to be, that there is no other way to secure economic freedom to the rank and file except through democratic institutions, it does not mean that these institutions actually fulfil the task. In fact, they do not. What they do (and one has to admit this is a job that is important enough) is to minimise the risks of economic inequalities, to prevent the resulting conflicts from destroying the society.

Another argument offered to prove that democracy and market always go together is psychological or, rather, socio-psychological. It is believed that the democratic mind is also a market-oriented mind and vice versa.

When combined together, the two arguments appear to amount to a plausible explanation of the interdependence between market and democracy. However, the explanation is not flawless because, though compatible, the arguments are logically independent. That means that the explanation is valid only if both conditions are fulfilled, i.e. if the democratic and market institutions cannot actually exist without each other's support *and* people know about this and base their efforts on this knowledge.

However, it is not easy to explain how the two conditions happen to be simultaneously satisfied. The first, sociological, argument is a classic *a posteriori* argument. In other words, people may come to believe it after they have learnt it from experience. They cannot be expected to believe it from the very beginning.

The second argument seems to be an *a priori* argument, but is in fact not. Or, to be more precise, *it operates like an a priori argument only within a particular social ontology*. Modernity supports the appropriate social ontology, and a democratic mind readily infers democracy from market and market from democracy. But if we assume, and it is not easy to see how one can avoid assuming this, at least, when we refer to the dawn of modernity, that not every mind is *ipso facto* a democratic mind, the link between market and democracy is

no longer self-evident. Is there any reason to believe that market skills always go with democratic beliefs or, at least, eventually produce them? Is a person of non-democratic convictions necessarily a bad businessman? On the other hand, does a democratically-minded person *have to believe* in the efficacy of market? Are there no *critics* of market that not only profess democratic beliefs, but base their criticism of market on them? Is there nothing to be said against market from the standpoint of pure democracy? What about economic inequality that no market has yet succeeded to overcome? Or is economic inequality irrelevant when it comes to political equality? Or is the latter irrelevant when it comes to democracy? Democracy can likewise be criticised from the standpoint of economic efficiency and, indeed, is often criticised.

We are in a vicious circle: in order to organise a society that would meet both conditions, i.e. be based on market economy and be democratically governed, people must understand that market economy and democracy always go together. But in order to understand this, they must either *live for a while* in a market-based democratic society and *learn from experience* that this is indeed so, or else *be born* in such a society and *be brought up in that creed*.

The same stands true for science and democracy. A dynamic science does indeed have some democratic features, but there is no reason to believe that scientific, less so educated, mind is necessarily a democratic mind or, for that matter, that an uneducated mind is necessarily an undemocratic mind. It would not be difficult to name notable critics of democracy of great intellect and knowledge (Heraclitus or Plato, for example). But even if we disregard these persons as sad exceptions, it cannot be denied that science, while requiring freedom, does not require equality. Whether we like it or not, science is elitist in nature. That equality and freedom are not easily married is true, but it is also true that democracy is not easily defined without reference to both (though, it seems, one can do without "fraternity").

On the sociological level, therefore, we have no reason to assert that there exists a cause-and-effect relationship between the various elements of modernity, that market economy, for example, *results* in democracy or vice versa. What we can assert on the basis of experience is that market and democracy *coexist*, not that they *generate* each other. If they do it, they only

do it through people who consciously work on it. The cause-and-effect relationship presupposes socio-psychological “mediation”: people must *believe* that democracy requires market and/or market requires democracy. If this belief is absent, the cause-and-effect relationship is doubtful. The belief is not absent, it may be argued. It is not in the modern market-based democratic society, because modern society goes to great lengths to bring its citizens up in this belief. But what about societies that have not been modernised? Would the explanation be of any avail in their cases?

This study seeks to substantiate the thesis that *coexistence* of market and democracy (as well as of all other basic elements of modernity) is due to *mutual support*, not to *mutual generation*. Market cannot regulate distribution of resources properly, *unless* it is supported by representative democracy, academic science etc. It thus either proves ineffective and is, consequently, discarded in favour of alternative economic mechanisms, or continues in some other capacity. In both cases it *does not* produce modernity.

The same stands true for democracy: unsupported by market economy and academic science, it breeds nothing but anarchy and *is willy-nilly discarded* for the sake of survival. Without democracy and market, science does not generate innovations or can find no use for them and remains a job for leisurely amateurs, i.e. a *marginal* activity. Unless supervised by democratic institutions, rational bureaucracy is corrupted and loses its definitive rational character, degenerating into particularistic bureaucracy etc. In other words, when *isolated*, the basic institutions of modernity either disappear or are transformed beyond recognition. This is why they *must* go together. This truth can be learnt, as any other truth can, and learning it facilitates modernisation. But there is no reason to believe that modernisation can be effected by introducing isolated institutions of modernity and then waiting for them to produce all other necessary institutions. It can hardly be effected even if all the basic institutions are reproduced, because, although vital, their self-support is by no means spontaneous. It must be secured – ideologically, but mainly institutionally.

REFERENCES:

1. Barbour, Violet. *Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1963. 171 p.
2. Constat, Helen. Max Weber's Two Conceptions of Bureaucracy. *American Journal of Sociology*. Vol. 63, No. 4. 1958. Pp. 400-409. URL: <http://www.jstor.org/stable/2774140> (date of access: February 10, 2015).
3. De Waal, Frans. The Bonobo and the Atheist. In Search of Humanism Among the Primates. W.W. Norton & Company. N.Y., London. 2013. 304 p.
4. Douglas, Heather E. The Moral Responsibilities of Scientists (Tensions between Autonomy and Responsibility). *American Philosophical Quarterly*. Vol. 40. No. 1 (Jan., 2003). Pp. 59-68.
5. Epstein, Mikhail. The Phoenix of Philosophy. On the Meaning and Significance of Contemporary Russian Thought. *Symposion. A Journal of Russian Thought*, Los Angeles: Charles Schlacks, Jr., Publisher (University of Southern California). Vol. 1. 1996. Pp. 35-74. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/ar_phoenix_philosophy.html (date of access: February 10, 2015).
6. Franke, Anselm. Death and Life of Fiction or the Modern Taowu. URL: http://www.taipei-biennial.org/2012/en/death_and_life_anselm_franke.pdf (date of access: February 10, 2015).
7. O'Brien, Patrick, et al, editors. *Urban Achievement in Early Modern Europe: Golden Ages in Antwerp, Amsterdam and London*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 361 p.
8. Popper, Karl. The Two Fundamental Problems of the Theory of Knowledge. Routledge: Troels Eggers Hansen. 2008. 510 p.
9. The Environment and Sustainable Development in the New Central Europe (Austrian and Habsburg Studies). Ed. by Gary B. Cohen & Zbigniew Bochniarz. Gardners Books. 2006. 260 p.
10. Tol, Richard S.J. Sustainable Development in Europe – Concepts, Evaluation and Applications – Edited by Uwe Schubert and Eckhard Stoermer. *Review of European Community & International Environmental Law*. Volume 17. Issue 1. April 2008. Pp. 136–137.

УДК 323.26(47+57)«1991»

Шилов В. Н.

**МАЙДАН В МОСКВЕ: АВГУСТ
1991 ГОДА И СОВРЕМЕННОСТЬ****Шилов Владимир Николаевич**, доктор философских наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: shilov@bsu.edu.ru**АННОТАЦИЯ**

Анализируются события августа 1991 г. в Москве с использованием теоретической модели майдана, понимаемого как протест организованного активного меньшинства, собранного в столице страны (обычно на его центральной площади), выступающего от имени народа и свергающего существующий политический режим. Майдан рассматривается как обязательный элемент «цветных революций». Акцентируется внимание на роли внешних сил в организации майданов. Выявляются общие черты «киевского майдана 2013-2014» и «московского 1991». Поражение СССР в холодной войне рассматривается как, прежде всего, поражение в информационно-психологической войне.

Обосновывается важность для России формирования идеологии, отвечающей вызовам современной эпохи и повышающей конкурентоспособность страны в глобальном соперничестве стран и регионов. Аргументируется стремление Запада организовать новый майдан в современной России, делается вывод о необходимости исключения повторения в России событий августа 1991 г.

Ключевые слова: майдан; политический протест; информационно-психологическая война; «мягкая сила»; «цветные революции»; Советский Союз; Россия; Украина.

*Vladimir N. Shilov***MAIDAN IN MOSCOW: AUGUST, 1991
AND THE PRESENT****Shilov Vladimir Nikolayevich**, Doctor of Philosophy, Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; E-mail: shilov@bsu.edu.ru**ABSTRACT**

The article analyses the events of August, 1991 in Moscow with the use of Maidan theoretical model. The latter is understood as the protest of the organized active minority which is gathered in capital city (usually on its central area), acts on behalf of people and dethrones the existing political mode. Maidan is considered as an obligatory element of «color revolutions». The paper tells about the role of external forces in the organization of Maidan. The general lines «Kiev Maidan 2013-2014» and «Moscow 1991» come to light. The defeat of the USSR in the Cold War is considered as the defeat in information and psychological war. For Russia it is important to form the ideology which measures up the calls of a modern epoch and raises the competitiveness of the country in global rivalry of countries and regions. The aspiration of the West to organize a new Maidan in modern Russia is shown. The author draws a conclusion about the necessity to exclude the renewal of events of August of 1991 in Russia.

Key words: maidan; political protest; information-psychological war; «soft power»; «color revolutions»; Soviet Union; Russia; Ukraine.

Майдан является неотъемлемым элементом цветных революций. Это есть политическая технология, относящаяся к демотехнике, когда порою небольшая по численности часть населения страны, собранная в одном месте, объявляет себя подлинным народом или берет на себя полномочия выражать его интересы. Чаще всего протестанты концентрируются на центральной площади столицы страны. Слово «майдан» вызывает, прежде всего, ассоциации с Украиной, с тем, что там происходило в последние месяцы и происходит до сих пор. Площадь по-украински – майдан, отсюда и подобное обозначение этого политического феномена¹. Власть, желая сохранить демократический имидж, не может действовать насильственно по отношению к «народу» и агрессивное меньшинство, объявившее себя народом, свергает власть [2]. При этом майдан, как правило, выступает в качестве орудия внешних сил, которые реализуют свои интересы вопреки реальным интересам большинства населения той страны, где используется технология майдана².

Нечто подобное происходило во многих странах, когда возбужденная толпа решала судьбу страны. Но именно Украина и ее столица Киев по длительности, по массовости, по интенсивности произошедшего и до сих пор происходящего там, в наиболее яркой форме представляет атрибуты майдана как политического феномена. Причем можно говорить не только о его событийной стороне, но и о существенных характеристиках: имеются в виду причины, закулисные акторы, международный контекст. Это позволяет использовать киевский майдан как некую теоретическую модель (концепт) для анализа событий подобного рода в других странах и в иное время. В этом плане интересно рассмотреть события августа 1991 г. в России. Насколько они укладываются в схему майдана?

Причинами киевского майдана 2013-

¹ Следует отметить, что в арабском и персидском языке «майдан» также означает любую открытую площадку, парк или площадь. См.: [4].

² По этому поводу остроумно было замечено на одном из телешоу, что майдан невозможен в Вашингтоне, потому что там нет посольства США. Именно США выступали в большинстве случаев в качестве внешней силы, инициирующей майдан.

2014 гг. были сложная социально-экономическая ситуация в стране, рост коррупции, высокий уровень безработицы. И неверие масс в то, что власть способна улучшить ситуацию. Поводом для массовых акций протеста - «киевского майдана 13/14» был отказ президента страны В. Януковича от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. В сознании масс, особенно их «продвинутой» части, элитных слоев, в евроинтеграции виделся путь решения всех проблем³. И вот власть в лице президента лишила народ «европейской мечты». Причем до этого в течение нескольких лет та же власть эту мечту сама внедряла в сознание населения, формируя представление об евроинтеграции как чем-то безальтернативном⁴.

Общими причинами недовольства населения СССР властью в 1991 г. были, прежде всего, дефицит на потребительском рынке, снижающееся качество жизни, нарастающий хаос во всех сферах общественной жизни. Поводом для массовых акций протеста населения Москвы в августе 1991 г., своего рода «московского майдана 91», было объявление о введении в стране чрезвычайного положения, создание ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению). Здесь так же наносился удар по мечте – мечте о новом, свободном (рыночном), демократическом обществе. В сознании масс, особенно интеллигенции, к этому времени прочно утвердились мифы рынка и демократии. Предполагалось, что внедрение частной собственности и рыночных отношений (прежде всего, свободного ценообразования) в течение короткого времени обеспечит рост производства; говорилось даже об «экономическом взрыве». Сами собой должны были быть обеспечены рост уровня жизни населения и товарное изобилие. В демократии виделся источник всякого рода свобод, эффективности управления, путь к снятию привилегий для представителей административно-командной системы, к равенству всех перед законом и прочим благам. И вот ГКЧП вводит ограничения, запреты, лишая тем самым

³ В качестве примера идеализированных трактовок «киевского майдана 13/14», где романтизируются его участники, см.: [12].

⁴ Подробнее о мотивах стремлений различных слоев населения Украины к евроинтеграции см.: [14].

страну перспектив на лучшее будущее. В то же время еще недавно власть в лице, главным образом, президента М. Горбачева говорила о «живом творчестве масс», о необходимости «введения народа в политику».

Под давлением протестующих масс, заполнивших улицы и площади столицы, ГКЧП был вынужден уступить (противостояние длилось 2-3 дня). И уже не было препятствий для реализации мечты о новом светлом рыночном, демократическом обществе.

Опыт прошедших двух десятилетий позволяет сравнить поставленную победителями цель и результат.

Несомненно, положительные результаты есть: преодолен товарный дефицит на потребительском рынке, в целом вырос уровень жизни, у населения появились возможности, какие отсутствовали в советский период, например, возможность свободного путешествия по миру и др.

Но после победы над «путчистами» произошло резкое ослабление государства (СССР), что вызвало его распад. (Так, сразу же объявила о своем суверенитете Украина). В ослабленной, «суверенной» России начались дезинтеграционные процессы, самым ярким проявлением чего была война в Чечне. Имело место и обрушение экономики, спад ВВП достигал почти половины обюююююема, в 90-е гг. резко снизился уровень жизни. Лишь к 2007 г. Россия по ВВП на душу населения и уровню жизни достигла высших достижений советского периода. Затем последовал спад вследствие мирового финансово-экономического кризиса, восстановление докризисного уровня состоялось лишь в 2012 г. И на сегодняшний день ВВП России превышает ВВП советского периода лишь на 10-20 %. При этом страна по существу лишилась многих принципиально важных отраслей экономики – электронной, станкостроительной и др. Существенно деградировал по сравнению с советским периодом и человеческий потенциал страны. В настоящее время Россия во всех мировых рейтингах занимает довольно скромное место [5], более скромное, чем в советский период.

Негативные последствия имеются и у «киевского майдана 13/14». Страна также оказа-

лась ослабленной, произошла утрата монополии власти на легитимное насилие, в силу чего произошел государственный переворот, а затем, как реакция на него, отторжение от страны Крыма с последующим его воссоединением с Россией. Целостности страны угрожает и стремление юго-восточных регионов страны обособиться от Украины. Разумеется, через какое-то время ситуация как-то разрешится, боевые действия на юго-востоке нынешней Украины прекратятся, но исторический результат будет весьма далек от замыслов активистов «киевского майдана 13/14», как кстати было и в случае «киевского майдана-2004» как центрального элемента «оранжевой революции» [3].

Общей чертой всех майданов является достаточно долгая их подготовка в плане формирования соответствующего общественного мнения, взращивания лидеров и идеологов майдана. И здесь велика роль внешних сил. Уже озвучена сумма расходов США за постсоветский период на формирование в Украине соответствующих их интересам фрагментов гражданского общества – 5 млрд. долларов¹. Деньги шли на спонсирование различного рода некоммерческих организаций, на выдачу грантов на проведение исследований, стажировки за границей и т. п. Таким образом, формировалось значительное количество агентов влияния, которые, становясь лидерами общественного мнения, соответствующим образом его формировали. Выделялись финансовые средства и на проведение протестных акций: «киевский майдан 13/14» во многом стимулировался деньгами, поступавшими из американского посольства. США ставили задачу привести к власти более прозападные силы, находящиеся под их идейным, организационным и финансовым контролем. Такой же была роль США и в организации «киевского майдана 2004», центрального эпизода «оранжевой революции» [7].

Значительная идеологическая работа была проведена и перед «московским майданом 91». В целом правильные идеи идеологического и политического плюрализ-

¹ Применительно к постсоветской России речь идет о 20 млрд.

ма, либерализации общественной жизни в конкретном историческом российском контексте оказались губительны. В условиях плюрализма стали доминировать идеи антикоммунизма, что естественным образом поставило вопрос о лишении КПСС статуса ядра политической системы, руководящей силы советского общества, после чего все процессы в стране приобрели неуправляемый, хаотический характер. В ходе реализации политики т. наз. «гласности» средства массовой информации обнародовали информацию, которая была ранее достоянием спецхранов: все советское прошлое страны предстало как цепь преступлений и ошибок. Вывод был один – «так жить нельзя» и «иного не дано», как свергнуть неэффективный, более того, преступный коммунистический режим. Десятки тысяч ученых-обществоведов, политических деятелей получили со стороны различных общественных фондов и правительственных организаций стран Запада финансовую поддержку для проведения научных работ в исследовательских центрах развитых стран, для чтения высокооплачиваемых лекций в западных университетах, да и просто для ознакомления с жизнью в мире рыночной экономики и либеральной демократии. Контраст между двумя мирами был разителен: вывод делался в пользу «свободного мира». Все мифы советского периода были осмеяны, его герои – дискредитированы. Оставалось одно: срочно с ошибочного пути вернуться на траекторию общего цивилизационного развития, вернуться к «общечеловеческим ценностям».

Поэтому попытка ГКЧП восстановить контроль над ситуацией в стране была воспринята значительной частью населения страны как стремление представителей отжившей административно-командной системы силой сохранить свои привилегии, воспрепятствовать прогрессивным преобразованиям, вернуть их в надоевший «совок». И наиболее «продвинутой» частью населения страны вышла на улицы и площади (майданы) столицы с протестом. Были среди протестующих и «сакральные жертвы»¹. Трое молодых муж-

чин погибло при попытках задержать движение бронетехники. Им было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. При этом было не важно, что акция погибших была бессмысленна, ибо она была направлена на технику, уже покидавшую столицу. И парадоксом является то, что звание Героя Советского Союза, было присвоено за действия, в конечном итоге, приведшие к разрушению Советского Союза.

Имелся у «московского майдана» и свой лидер – Б. Ельцин, поставивший перед собой цель избавиться от контроля со стороны союзного центра. Повышенную активность в роковые дни августа 1991 г. проявляло и американское посольство.

Когда речь идет о «холодной войне» и поражении в ней Советского Союза, представители постсоветской российской политической элиты отказываются признать, что имело место поражение, ибо, по их мнению, имел место добровольный выбор страной (Советским Союзом, Россией) нового пути развития, добровольное освобождение от пут тоталитарного режима. Да, действительно, распад страны и ее дальнейшая деградация были вызваны действиями, прежде всего, внутренних политических акторов. Но эти акторы были соответствующим образом подготовлены. Еще в 1982 г. заместитель директора «Голоса Америки» ставил следующую задачу: «Мы должны дестабилизировать Советский Союз и его союзников, способствовать разладу между народами и правительством. Нужно расшатать изнутри то, что составляет содержание марксистских взглядов и убеждений» [цит. по: 9, с. 91]. Советский Союз был повергнут не путем грубого военного вторжения, а путем использования «мягкой силы». Здесь речь идет об информационно-психологической войне, где в качестве основных целей, как отмечает А.А. Смирнов, выступает следующее:

«...- подрыв легитимности политической власти, международного авторитета атакуемой страны;

- дестабилизация ситуации в стране, провоцирование политических протестов, социальных конфликтов;

¹ Жертвами «киевского майдана 13/14» стало около

ста человек: их назвали «небесной сотней».

- провоцирование возникновения и развития иных негативных социальных явлений в стране, способствующих снижению ее жизнестойкости;

- подрыв морально-психологического состояния населения страны...;

- содействие самоуничтожению объекта воздействия или причинение себе вреда;

- изменение социально-культурной идентичности населения страны, национальных ценностей и устоев» [9, с. 87].

Можно сказать, что результатом войны со стороны идеологического и геополитического противника Советского Союза (России) было самоубийство страны. Победа Запада была несомненной, ибо был устранен противник, лидер «второго мира», да и сам «второй мир» (система социализма), который сковывал действия стран «первого мира». Этот поверженный противник Запада согласился на роль младшего партнера и ученика. Мир в политическом плане стал однополюсным. Да и в экономическом плане был устранен серьезный конкурент. Если в 1990 г. по произведенному ВВП (2,115 трлн. долларов) Россия (РСФСР) находилась на 3-ем месте в мире (между Японией и Германией), то в 2000 г. лишь на 10-ом (1,2 трлн. долл.) [13, с. 15]. Лишь к сегодняшнему дню по ВВП, по паритету покупательной способности Россия поднялась на 5-6-е место, но это далеко от расстановки сил в мировой экономике, имевшей место в советский период.

Самое неприятное: выяснилось, что «старший брат», в качестве которого виделся Запад, ведет себя далеко не по-братски, не готов к бескорыстной помощи, более того, использует ослабленное состояние России для решения своих проблем, поощряет дальнейший раскол России, заводит речь о том, что природные богатства России должны стать достоянием всего человечества. Окончательное отрезвление наступило после бомбардировок Югославии самолетами НАТО; стало ясно, что подобная участь может ожидать и Россию, если она, отстаивая свои интересы, пойдет на конфликт с Западом или просто отступит от западных стандартов демократии. И только обладание Россией ядерным

оружием спасает ее от участи Югославии. Выяснилось, что даже и при спокойном течении событий, без агрессии со стороны Запада России уготовано место в мировой полупериферии, с тенденцией перемещения на периферию, что роль России – быть сырьевым придатком развитых стран.

С целью выживания в качестве самостоятельного политического субъекта России пришлось проводить реинтеграцию постсоветского пространства, которой Запад активно противодействует, о чем свидетельствует хотя бы ситуация в Украине.

Но был ли у России или, точнее, у «большой России» – Советского Союза – шанс избежать социально-экономической и геополитической катастрофы? Если говорить о временах «московского майдана-91», то это было бы очень трудно сделать, но нельзя сказать, что невозможно. К этому времени руководство страны потеряло контроль над ситуацией, массы, измученные потребительским дефицитом и нарастающим хаосом, жаждали перемен, прихода рыночной свободы; руководство союзных республик стремилось избавиться от контроля со стороны союзного центра. Сам же союзный центр был в растерянности. В решающей мере течение событий зависело от позиции главного лица – президента СССР М. Горбачева. Но он уже в полной мере попал под влияние Запада, зависел от его мнения и не решился бы на жесткие меры. Он предпочел самоустраниться. Популярность на Западе М. Горбачев сохранил, но в памяти населения страны он остался как руководитель, принесший стране наибольший вред. В этом отношении он конкурирует с непосредственным разрушителем СССР – Б. Ельциным.

Несомненно, реформировать большую Россию – Советский Союз – было необходимо. Однако для этого нужно было иметь продуманный план и политическую волю. Страна должна была иметь политическую элиту, способную к социально-политическому творчеству, а не только к слепому заимствованию. Нужно согласиться с мыслью В. Сургуладзе, что «самое протяженное по своим размерам государство Земли не может идти в идеологическом и ценностном фарватере других стран

и цивилизаций» [10, с. 99]. Но в позднем СССР властителями умов стали остроумные дилетанты, ознакомленные с азами антикоммунистических теорий. Возобладало мнение, что полная свобода в сфере экономики и политики, внедрение конкуренции на всех уровнях само собой, автоматически решит все проблемы. Избранный в значительной через процедуру политической конкуренции Верховный Съезд СССР представлял собой своеобразный *майдан всесоюзного масштаба*, где экзальтированные депутаты кричали каждый о своем, обвиняли власть, не хотели слушать друг друга. Этот гигантский майдан не предложил каких-то реалистичных путей решения стоящих перед страной проблем, а был лишь серьезным фактором дестабилизации многонациональной страны.

Как показывает опыт Китая, за последние 20 лет утроившего свой ВВП, совсем не обязательно было отказываться от социалистического проекта. Лишь наиболее радикальные версии социалистической идеологии включают в себя искоренение частной собственности и рыночных отношений. Вполне возможно было постепенно внести в советский социалистический проект и частную собственность, и рынок, перейдя от структурной к ценностной концепции социализма. В последней социализм понимается как общественная форма решения задач по реализации ценностей свободы, справедливости, солидарности и др.¹ Социализм в самом широком смысле слова означает подход к решению всех проблем, исходя из приоритета интересов общества в целом. В этом его отличие от либерализма, ставящего во главу угла приоритет интересов отдельного индивида. При этом любая политика, связанная с ограничением социальной стихии, прежде всего, рыночных отношений, исходя из интересов общества в целом, может быть названа социалистической. Поэтому можно было «под знаменем обновленного марксизма-ленинизма» вести необходимые рыночные преобразования, что делалось и делается китайскими реформаторами, когда говорится о построении социалистического общества с китай-

ской спецификой. Но самое главное, нужно было сохранить руководящую роль КПСС как реформирующей силы общества. Именно лишение КПСС конституционного статуса ядра политической системы сделало общественные процессы в СССР окончательно неуправляемыми. Другой вопрос, могла ли она выполнять эту роль. К сожалению, КПСС не сумела предложить обществу реалистичной программы реформирования страны, в ней не нашлось своего Дэн Сяопина, способного провести страну между Сциллой и Харибдой социально-экономических и политических преобразований. Горе-реформатор М. Горбачев не справился с управлением, и «страну-корабль» выбросило на скалы, где она и разлетелась на части.

Нужно было постепенное, во многом, в ручном режиме, оздоровление экономики при внимательном учете интересов и возможностей каждого региона и каждого предприятия. Однако возобладало мнение о необходимости мгновенного перевода («нельзя преодолеть пропасть в два прыжка») страны в режим автоматического самоуправления через запуск механизмов экономической и политической конкуренции. В значительной степени именно эта наивная вера в творческую силу экономической и политической свободы привела к краху страны².

Лишившись социалистических мифов, страна оказалась полностью идейно и морально разоруженной, потеряла, как говорили раньше, морально-политическое единство. Сейчас это единство формируется вновь, но идейная база его сравнительно мала. Сюда можно отнести лишь общероссийский патриотизм. По этому поводу В.В. Путин на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания сказал следующее: «Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрес-

² Мы не касаемся здесь эгоистических интересов советской номенклатуры, увидевшей в одномоментной приватизации и переходе к рынку возможности конвертировать свою власть в собственность.

¹ О ценностной концепции социализма см.: [17; 15, с. 215-218].

сии, но противоборства – это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. И это никакие не фобии, ничего я здесь не придумываю, так оно и есть на самом деле. Это как минимум одна из форм конкурентной борьбы. Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий – это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна... Нельзя создать здоровое общество, благополучную страну, руководствуясь принципом «каждый – сам за себя», следуя примитивным инстинктам нетерпимости, эгоизма и иждивенчества. Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого все равно не придумаем» [1].

Но на сегодняшний день в стране «строится» потребительское общество. Главная задача – возбудить у населения покупательский ажиотаж, побуждать его брать кредиты. Покупательская активность оживляет производство, достигается рост ВВП. Но насколько индикатор роста ВВП отражает прогресс общества в плане его качественного изменения в сторону улучшения благополучия людей, совершенствования самого человеческого потенциала? Так всеобщую озабоченность вызывает спад продажи автомобилей в то время, когда движение на дорогах часто останавливается из-за пробок, вызванных большим количеством транспортных средств, когда автомобилями заставлены все дворы жилых микрорайонов. Но спад продаж – это спад производства, падение ВВП и т. д. Можно привести и массу других примеров. Логика рынка не обеспечивает гармоничного, пропорционального развития общества. Следует отметить и то, что в своей динамике потребительское общество порождает и экологический кризис: неизбежны истощение природных ресурсов и загрязнение планеты. Все громче звучат призывы перейти от роста к развитию [19, S. 66-67; 20, S. 63-64].

Но пока доминирует логика финансового рынка, логика, навязываемая миру главным бенефициарием ее распространения – США. Предлагая миру ничем не обеспеченную денежную массу, США потребляют реальных благ значительно больше, нежели их производят.

Необходима политическая корректировка этой финансово-рыночной динамики, но нет общего политического проекта, согласно которому это можно будет сделать. Нужны рациональные утопии, мифы, объединяющие общество, дающие ему перспективу устойчивого развития. Этого, к сожалению, нет. В современной России партия власти, «Единая Россия», заявляет о своей приверженности к идеологии консерватизма; главная опора этой идеологии – приверженность к традициям, но о каких традициях идет речь? [16, с. 211-212]. В современном российском обществе главными элементами должны быть ценности и нормы, обеспечивающие его конкурентоспособность в глобальном соперничестве. Поэтому от многих традиций, имеющих даже тысячелетнюю историю, в наши дни приходится отказываться. На новые вопросы, новые вызовы истории должны быть даны новые, адекватные ответы.

Несомненно, прав В. Сургуладзе и в том, что «сложно противостоять чужим ценностям, не имея, не формулируя, не отстаивая своих. Без своей собственной, альтернативной, в противовес навязываемой извне, картины мира отстоять национальную независимость либо очень сложно, либо невозможно. Именно поэтому обществу нужна система ценностей и идеология. Особенно важную роль понятное ценностное целеполагание, определяющее мотивы поведения, играет в информационную эпоху во внешней политике в качестве противовеса навязываемым извне правилам игры и критериям оценок, когда политическое противодействие обретает черты транслируемого на весь мир идейного противостояния» [10, с. 111-112].

У Китая также был свой майдан. Речь идет о событиях на площади Тяньаньмэнь (центральной площади китайской столицы)

четверть века назад, в 1989 г. Там демонстранты, вдохновленные событиями, происходившими в СССР, также требовали от руководства страны мер по ее демократизации. Но этот протест был жестоким образом подавлен, что вызвало осуждение у стран Запада. Но что было бы с Китаем, если бы требования студентов были удовлетворены, если бы «пекинский майдан 89» удался? Не распался ли бы Китай на ряд враждующих друг с другом провинций? Добился ли бы он таких впечатляющих успехов в модернизации экономики?

Скорее всего, у США не было бы такого конкурента, каким на сегодняшний день является Китай. Интересно, что опыт непродуманных реформ в Советском Союзе, приведших к его краху, внимательно изучается в Китае. Снят даже многосерийный фильм о так называемой перестройке в СССР. Своеобразный фильм-предостережение, который заставляют смотреть в обязательном порядке весь руководящий состав страны [6].

«Московский майдан 91» был финальным аккордом в цепи ошибок и упущенных возможностей со стороны руководства страны. Но если бы его не было, Советский Союз можно было еще сохранить.

Эпоха майданов далека от завершения. Новые информационные технологии усиливают эффективность действий возбужденной, определенным образом идейно заряженной толпы. Возвращение России к роли самостоятельного политического субъекта вызывает серьезную обеспокоенность Запада. Наряду с экономическими санкциями планируется обращение к уже испытанной технологии подрыва изнутри. Не случайно ряд политических деятелей США планируют выделение многомиллионных сумм на подготовку нового майдана в России [11]. Разумеется, при этом речь идет о развитии гражданского общества, о правах человека, о демократии и прочих замечательных иде-

ях и институтах, которые при соответствующем их использовании приобретают разрушительную силу.

«Возможности влияния Европы на официальную российскую политику будут все меньше. Отсюда важно поддерживать тех, кто в конечном итоге принимает решение о развитии России: российское общество. По меньшей мере, либерализация условий предоставления виз, что легко осуществить, могла бы стать первым шагом... нужно протянуть руку российскому обществу, не считая обязательной поддержку политических элит» [18, S. 33], - предлагает немецкая исследовательница Л. Фикс. Х. Цепель, политический деятель из ФРГ, пишет о том, что Евросоюз должен искать партнера в российском обществе, и намекает на то, что «в самой России есть возможность смены режима» [21, S. 40].

Несомненно, гражданское общество в России развивать необходимо и нельзя исключать возможности смены им политического режима. Важно, чтобы это происходило ненасильственным образом, чтобы не было больше майданов типа киевского в 2013-2014 гг. или московского августа 1991 г., на что часто ориентируются создатели «цветных революций» – нетерпеливые «борцы с авторитаризмом».

Ответом на возможную угрозу майдана в России явилось организационное оформление движения «Антимайдан». Члены этого движения планируют присутствовать на разнообразных акциях оппозиции, гарантируя общественный порядок наряду с сотрудниками правоохранительных органов. «Мы станем вместе, чтобы не допустить цветных революций хаоса и анархии», – говорится в манифесте этого движения [8]. События августа 1991-го года в России не должны повториться.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Встреча с представителями общест-венности по вопросам патриотического воспитания молодежи. URL: <http://kremlin.ru/news/16470> (дата обращения: 30.01.2015).
2. Кара-Мурза, С.Г. Государство переходного периода: исчезновение народа // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 17-22.
3. Кынев, А.В. Эффекты Майдана: политическая система Украины после кризиса 2004 г. // Полис. 2005. № 2. С. 63-71.
4. Майдан. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Майдан> (дата обращения: 30.01.2015).
5. Нисневич, Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. 2013. № 1. С. 100-111.
6. Пейдж, Джереми. Китай извлек новый урок из распада Советского Союза. URL: <http://inosmi.ru/world/20131224/215993823.html> (дата обращения: 30.01.2015).
7. Потапов, Д.В. Феномен Майдана и «оранжевой революции» в Украине // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 144-147.
8. Против «цветной революции»: в России появится движение «Антимайдан». URL: <http://ruposters.ru/archives/11132> (дата обращения: 30.01.2015).
9. Смирнов, А.А. Информационно-психологическая война // Свободная мысль. 2013. № 6. С. 81-96.
10. Сургуладзе, В. Майдан: делайте выводы //Международная жизнь. 2014. № 4. С. 94 -115.
11. США вложат гигантские деньги в российский Майдан. URL: <http://www.politonline.ru/comments/16484.html#hcm=1400936720281942> (дата обращения: 30.01.2015).
12. Ткаченко, В.Н. Общность исторической судьбы: испытание майданом // Политическая концептология. 2014. № 1. С. 55-68.
13. Трушков, А. Конец либерализма // Прямые инвестиции. 2008. № 6.С. 14-18.
14. Шилов, В.Н. К вопросу о геополитической ориентации современной Украины // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 1(172). Выпуск 29. С. 184-191.
15. Шилов, В.Н. Перспективы социализма как социальной демократии // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2009. № 9(64). Выпуск 11. С. 213-222.
16. Шилов, В.Н. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 1(72). Выпуск 13. С. 210-218.
17. Шилов, В.Н. Ценностная концепция социализма: философско-социологический анализ. М.: Философское общество СССР, 1991. 308 с.
18. Fix, L. Die Masken sind gefallen. Das Ende der Beziehungen zwischen der EU und Russland, wie wir sie kennen // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 30-33.
19. Lohmann, H.-M. Die Aporien des Fortschritts // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 3. S. 66-68.
20. Muller, M. Die Grosse Transformation – Zweiter Teil // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2013. № 10. S. 62-64.
21. Zöpel, Ch. “Der Westen” und Russland. EU-Strategie auf der Basis gemeinsamer wer-tegebundener Interessen // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 37-40.

REFERENCES:

1. Meeting with Public Representatives on Patriotic Education of the Youth. URL: <http://kremlin.ru/news/16470> (date of access: January 30, 2015).
2. Kara-Murza, S.G. The State of Transition Period: the Disappearance of People. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. № 1. 2006. Pp. 17-22.
3. Kynev, A.V. Effects of Maidan: the Political System of Ukraine after the 2004 Crisis. *Polis. Political Studies*. № 2. 2005. Pp. 63-71.
4. Maydan. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Maydan> (date of access: January 30, 2015).
5. Nisnevich, Yu.A. Post-Soviet Russia: Twenty Years Later. *Polis. Political Studies*. № 1. 2013. Pp. 100-111.
6. Page, Jeremy. China Spins New Lesson From Soviet Union's Fall. URL: <http://inosmi.ru/world/20131224/215993823.html> (date of access: January 30, 2015).
7. Potapov, D.V. The Phenomenon of the Maidan and the «Orange Revolution» in Ukraine. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. № 4. 2010. Pp. 144-147.
8. Against the «Color Revolution»: In Moscow Will the Movement «Antimaydan». URL: <http://ruposters.ru/archives/11132> (date of access: January 30, 2015).
9. Smirnov, A.A. Information and Psychological Warfare. *Svobodnaya mysl'*. № 6. 2013. Pp. 81-96.
10. Surguladze, V. Maydan: Make Your Conclusions. *International Affairs*. 2014. № 4. Pp. 94-115.
11. US Will Invest Huge Money in the Russian Maidan. URL: <http://www.politonline.ru/comments/16484.html#hcm=1400936720281942> (date of access: January 30, 2015).
12. Tkachenko, V.N. Common Historical Destiny: Maidan Experience. *The Political Conceptology: Journal Of Metadisciplinary Research*. № 1. 2014. Pp. 55-68.
13. Trushkov, A. The End of Liberalism. *Pryamye investitsii*. № 6. 2008. Pp. 14-18.
14. Shilov, V.N. On the Question of Geopolitical Orientation of Modern Ukraine. *Belgorod State National Research University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information Technologies*. № 1(172). Iss. 29/1. 2014. Pp. 184-191.
15. Shilov, V.N. Perspectives of Socialism as a Social Democracy. *Belgorod State National Research University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information Technologies*. № 9(64). Iss. 11. 2009. Pp. 213-222.
16. Shilov, V.N. The Party «United Russia» and the Ideology of Conservatism. *Belgorod State National Research University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information technologies*. № 1(72). Iss. 13. 2010. Pp. 210-218.
17. Shilov, V.N. The Axiological Concept of Socialism: the Philosophical and Sociological Analysis. Moscow: Philosophical Society of the USSR. 1991. 308 p.
18. Fix, L. Die Masken sind gefallen. Das Ende der Beziehungen zwischen der EU und Russland, wie wir sie kennen. *Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*. № 9. 2014. S. 30-33.
19. Lohmann, H.-M. Die Aporien des Fortschritts. *Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*. № 3. 2014. S.66-68.
20. Muller, M. Die Grosse Transformation – Zweiter Teil. *Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*. № 10. 2013. S. 62-64.
21. Zöpel, Ch. “Der Westen” und Russland. EU-Strategie auf der Basis gemeinsamer wer-tegebundener Interessen. *Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*. № 9. 2014. S. 37-40.

УДК 37.014

Богомилова Н.

**МОДЕЛИ И «ФИЛОСОФИЯ»
ПРЕПОДАВАНИЯ РЕЛИГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ**

Тодорова Нонка Богомилова, доктор философских наук, профессор
Институт исследований обществ и знания (Болгарская академия наук),
ул. Московская, 13А, София 1000, Болгария; E-mail: nonka_bogomilova@mail.bg

АННОТАЦИЯ

Важным аспектом отношений между государством и церковью является проблема обучения религии¹ в общеобразовательных учреждениях, которая и рассматривается в настоящей статье. Воспринятая модель отношений между государством и церковью в соответствующей стране отражается и на модели преподавания религии в светских учебных заведениях Европы, которые анализируются в контексте существующей типологии: 1) Обучение религии не фигурирует в качестве отдельного предмета; 2) Введена конфессиональная форма обучения религии; 3) Введена неконфессиональная форма.

Обосновывается тезис, что познание, понимание и принятие духовного и, в частности, религиозного различия лежит в основе перемен, происходящих в последнее время в этой сфере во многих европейских странах: в последние годы конфессиональное обучение религии подвергается критическому переосмыслению.

Ключевые слова: духовные ценности; религиозные ценности; преподавание религии; конфессиональный тип; неконфессиональный тип; философия преподавания религии.

¹ В статье используется устойчивое словосочетание «обучение религии», под которым понимается не собственно образование в рамках определенной религиозной конфессии, а различные аспекты институционализации отношений образовательных учреждений с религиозными организациями. – Прим. ред.

Nonka Bogomilova

**THE MODELS AND «PHILOSOPHY»
OF RELIGIOUS EDUCATION IN
CONTEMPORARY EUROPE**

Todorova Nonka Bogomilova, Doctor of Philosophy, Professor
The Institute for the Study of Societies and Knowledge at the Bulgarian Academy of Sciences
13-A Moskovska St., Sofia 1000, Bulgaria; E-mail: nonka_bogomilova@mail.bg

ABSTRACT

The paper analyzes the problem of religious education in public schools as a very important aspect in the State-Church relations. The established State-Church relation model in a particular country influences the religious teaching model in the public school. The paper analyzes a relevant diversity of forms and typology of religious education in contemporary Europe: 1). Religious education is not seen as a separate subject; 2). The introduction of a confessional subject; 3). The introduction of a non-confessional subject.

The Conclusion summarizes the confessional type of religious education in the public school. It undergoes critical rethinking today in many European countries as a result of understanding and accepting the significance of spiritual and religious diversities

Key words: spiritual values; religious values; religious education; confessional education; non-confessional education; philosophy of religious education.

В последнее десятилетие в Европе преподавание религии в общеобразовательных учреждениях является объектом усиливающегося публичного интереса и частых дискуссий [1; 5, р. 27; 9]. Причиной этого являются все более активные встречи и взаимодействия культур, экономик, религий в глобально взаимосвязанном мире. Серия конференций, посвященных этим вопросам, была инициирована Советом Европы.

Секулярный характер современного европейского государства – это один из самых часто встречающихся аргументов в пользу освобожденного от религиозных пристрастий гражданского образования.

Модели отношения между государством и церковью в современной Европе. Принято считать, что существуют три основные модели отношений между церковью и государством в развитых Западных демократиях, характерные для эпохи секуляризации: 1) Государственная церковь (Финляндия, Греция, Великобритания), характеризующаяся одной основной доминирующей религией. 2) Модель раздельного существования и сотрудничества, при котором церковь отделена от государства, но является частью общества (Германия, Австрия, Италия, Испания). 3) Строгое отделение церкви от государства: Франция – единственная европейская страна с категорическим разделением между церковью и государством [4].

Секулярный характер европейской государственности проявляется в отсутствии ссылки на конфессионально определенные религиозные тезисы и идеи в преамбулах конституций европейских стран. Такая ссылка имеется только в преамбулах греческой и ирландской конституций. Если французский принцип *laïcité*¹ гласит, что государство должно быть совершенно нейтральным по всем религиозным вопросам, то германская традиция допускает т. наз. *invocatio Dei*² – это различие отражалось и на противоположных позициях, которые эти две страны занимали при обсуждении данного вопроса относительно европейской конституции [8].

¹ *Laïcité* (фр.) – светскость, нерелигиозность. – Прим. ред.

² *Invocatio Dei* (лат.) – взывание к богу. – Прим. ред.

Секулярный принцип отделения церкви от государства проявляется и в новых конституциях стран Центральной и Восточной Европы: некоторые из них упоминают Бога в своих преамбулах (Польша, Украина); другие упоминают соответствующую религиозную традицию (Чехия, Словакия); у стран третьего типа нет вообще такой ссылки или нет преамбулы (Румыния, Латвия, Албания, Армения, Азербайджан); самый массовый случай связан с отсутствием какой бы то ни было ссылки на Бога (Беларусь, Босния, Болгария, Эстония, Венгрия, Литва, Словения и др.) [8].

Важным аспектом отношений между государством и церковью является проблема обучения религии в светских учебных заведениях [10, р. 145]. В то же время воспринятая модель отношения между государством и церковью в соответствующей стране отражается и на модели преподавания религии в системе общего образования [11, р. 57].

В зависимости от нескольких критериев европейские страны делятся на следующие группы:

А. Страны, в которых обучение религии не фигурирует в качестве отдельного предмета в какой бы то ни было форме в программах светских школ.

Классический пример – Франция, то же Словения (в Македонии, Албании и Черногории шли горячие дебаты о введении такого обучения) [2, р. 65-67]. Во Франции и Словении (как и в США) строго следуют модели отделения церкви от государства и религии от школы. По некоторым позициям эти страны самые последовательные в реализации просветительских ценностей для светского характера школы, секулярного государства и полного отделения церкви от государства. В то же время при такой модели ни одна религиозная группа не имеет преимуществ и считается, что религия не имеет значения в общественной жизни. Она рассматривается как частное дело, среди прав и обязанностей семьи. Считается, что таким образом отдается должное религиозной свободе, так как ни одна религия не фаворизируется со стороны государства за счет другой. У этой модели, которую некоторые авторы называют негативным плюрализмом, имеется и немало противников. По их мнению, выведение обучения религии за рамки школы – это не выражение нейтральности,

плюрализма и свободы, а выбор в пользу секулярного гуманизма.

Б. Вторую группу составляют страны, в которых введена конфессиональная форма обучения религии [6, р. 12-15].

Конфессиональная форма представляет собой обучение религии в рамках определенной религиозной традиции – католицизма, протестантства, православия, ислама и т. д. – в целях духовного развития детей в рамках этой традиции. Этот тип обучения может быть моделью так называемого единичного конфессионализма – выбора в пользу одной основной, доминирующей религии: католицизма в Италии, Испании, Португалии, Хорватии, Польше, Ирландии; православия в Греции и Румынии. И хотя эта модель соотнобразывается с доминантной религией в обществе, с исторически унаследованными стереотипами, при ней, однако, не соблюден принцип плюрализма и равноправия религиозных общностей, который является одним из основополагающих принципов Универсальной декларации прав человека.

Вторым подвидом в рамках конфессиональной модели является т. наз. сегментарный конфессионализм, где дети обучаются в нескольких отдельных религиозных традициях, одну из которых должны выбрать в соответствии со своей верой и убеждениями. Так, например, они могут выбирать между католицизмом и протестантством в некоторых германских провинциях, а также в Бельгии, Чехии и Австрии. И хотя в Австрии преобладает католицизм, формально законное право на религиозное обучение имеют все 12 официально зарегистрированных вероисповеданий – лютеранское и кальвинистское протестантство, православное христианство, ислам, иудаизм, буддизм и др. Но в Италии, например, где католицизм доминирует, маленькие протестантские церкви не имеют такой законной возможности, и они против конфессионального обучения. В некоторых странах маленькие религиозные деноминации, которые зарегистрированы официально, формально по закону тоже имеют права, но не могут ими воспользоваться, так как или не имеется достаточно учеников в данной школе, или нет специально подготовленных учителей, как, например, в Польше и Сербии [6, р. 15].

В большинстве стран с конфессиональным обучением оно относится к дисциплинам по

выбору, и таким образом реализуются права нерелигиозных людей. Их число в Западной Европе увеличивается во второй половине прошлого века, а в Восточной Европе оно, хотя и меняется в последние годы, тоже достаточно велико. Нерелигиозные ученики не обязаны посещать уроки по конфессиональному предмету и могут выбирать другие дисциплины, как «Этика», «Философия», «Нормы и ценности», – как это происходит в Германии, Латвии, Литве, Финляндии. Так, например, в Финляндии можно выбирать между тремя предметами: «Лютеранством», «Православием» и «Этикой». В программу конфессионального предмета иногда включаются и другие религиозные традиции, но трактуемые с точки зрения доминантной. Преподавателями могут быть профессиональные учителя со связью или без связи с церковью, но могут быть и церковные лица [6, р. 14].

Конфессиональное обучение религии предпочитается обыкновенно в странах с одной преобладающей религией, которая самостоятельно или в сотрудничестве с государством определяет программу, учебные пособия, преподавателей и пр. В Австрии, Германии, Италии, Испании и Голландии дети с 14-летнего возраста сами могут выбирать, посещать или нет конфессиональное религиозное обучение; в Норвегии, Португалии и Швейцарии – с 16 лет, а в Люксембурге и Баварии – с 18 лет [6, р. 12].

В большинстве посткоммунистических стран после демократических перемен введено конфессиональное обучение религии или идут дебаты об этом, за исключением Словении и Эстонии. Немало западных исследователей и исследователей из самих посткоммунистических стран оценивают введение этого типа обучения религии как компенсаторное, как возврат к прошлому, своеобразный реванш и реверанс в счет притеснения религии предыдущим режимом.

Причины заключаются в том, что в самой Западной Европе в последней четверти XX-го и в начале нового века конфессиональное обучение религии подвергается критике и переоценке [3, р. 37]. Этот тип обучения, хотя и отдает необходимую дань прошлому, традициям и культурному наследию, оказывается недостаточно пригодным для новых процессов и условий, которые несет с собой глобали-

зация. Этот тип обучения все больше связывается с религиозной и культурной сегрегацией, а неконфессиональное – с интеграцией различных религиозных общностей и традиций с точки зрения общечеловеческих нравственных ценностей в глобализирующемся мире.

Эти оценки соотносятся с Универсальной декларацией прав человека, принятой ООН в 1948 г.: люди имеют равные права независимо от цвета кожи, пола, языка, расы, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного или иного статуса. В то же время статья 18 той же декларации акцентирует внимание на равных правах и свободах всех вероисповеданий. Отмечается также, что родители имеют право обеспечить религиозное и моральное обучение своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями.

Познание, понимание и принятие духовного и, в частности, религиозного различия лежит в основе перемен, происходящих в последнее время в этой сфере во многих европейских странах.

Актуальные тенденции: неконфессиональное обучение. В последние годы конфессиональное обучение религии, часто квалифицируемое как сегрегирующий подход [7, р. 796], подвергается критическому переосмыслению, в результате чего многие из стран, применяющих его в своей образовательной системе, или обновили его в контексте плюрализма, или перешли к неконфессиональному обучению. Каковы же тенденции? Исследование, предпринятое в 1990 и 2000 гг. Межъевропейской комиссией по вопросам церкви и школы, показывает, что немало стран изменили традиционную модель религиозного обучения или она находится в состоянии изменения. Страны с традиционным конфессиональным образованием ориентируются на экуменический или даже мультирелигиозный подход. Среди них Англия, Норвегия, Исландия, Дания, в которых государство целиком берет на себя функции, которые раньше делило с церковью. Этот процесс идет параллельно с переформулированием базовых ценностей и целей образования, в котором принимают участие различные социальные и профессиональные группы. Все более важное место занимает уважение к личному выбору веры, а способ преподавания рассматрива-

ется как путь формирования критического мышления у подростков [7, р. 801-802].

Причины этой тенденции культурной «ревизии» коренятся в проблемах, которые обучение в рамках конкретной доминантной религиозной традиции часто создает в мультикультурном, секуляризованном глобальном мире: неучитывание прав религиозных меньшинств; несообразование с правом быть нерелигиозным; трудность воспитания взаимопонимания и толерантности к религии другого путем критического переосмысления собственных предрассудков и т. д. Поэтому предпочтение, которое большинство посткоммунистических стран проявили к конфессиональному обучению религии [1, р. 16-17], считается «компенсаторным» и обращенным к прошлому.

Среди стран с неконфессиональным религиозным обучением находятся Швеция, Норвегия, Дания, Англия, Уэльс, Голландия, Шотландия. В этих странах религия преподается как отдельный предмет, который предлагает знания о религиях, понимание и осмысление их ценностей и связанного с ними человеческого опыта. Исследователи указывают (D. Cush и др.), что Англия вводит этот подход в 60-е годы; он состоит в попытке относиться с пониманием, эмпатией, но без предрассудков и высокомерия к вере другого. Этот предмет может рассматривать темы и проблемы, общие для всех религий, но может давать и их систематическое изложение. Например, Голландия вводит в 1985 г. предмет «Духовные течения», Норвегия – подобный же предмет в 1997 г., а в Дании преподается мультирелигиозный неконфессиональный предмет с 1988 г. Какие религии включены в этот неконфессиональный предмет? В Англии и Уэльсе – ислам, христианство, индуизм, буддизм, иудаизм и сикхизм – основные религии, представленные в Англии. В Норвегии включены те же религии, но вместо сикхизма предлагается гуманизм. В Дании в рассматриваемый перечень включены также примитивные религии, китайские и японские религии – конфуцианство, синтоизм, даосизм [6]. Рекомендуются изучать этот предмет в неполной средней школе, а исследовательский, познавательный, академический подход предлагать в старших классах.

Неконфессиональное обучение организуется и контролируется государством: оно определяет программу, учебные материалы,

подготавливает преподавателей. Этот тип обучения нейтрален по отношению к отдельным религиозным мировоззрениям и традициям, его цель – быть одинаково приемлемым для всех религиозных общностей, транслировать знание и ценности, принадлежащие всем религиозным течениям. Неконфессиональный подход рассматривается как интегрирующий тип обучения, который предлагает знания и воспитывает уважение к различным религиям и традициям; способствует самопониманию и пониманию другого [7, p. 796]. Будет ли достигнут этот результат, во многом зависит от преподавателя – он может предложить только каталог фактов, приведенных в сухую и скучную систему, и таким образом превратить идею о толерантности и межкультурном взаимопонимании в абстракцию; может формировать у обучаемых релятивизм или, альтернативно, универсализм – взгляд, полагающий, что все религии – это пути к одной и той же цели.

Заключение. В соответствии с заключениями Комитета по правам человека при ООН и Европейского суда по правам человека, обучение религии должно давать знания о различных религиях нейтральным образом и путем плюралистического подхода. Этот подход может фокусироваться на истории религии и сравнительных исследованиях религии и морали как альтернативе обучению, направляющему подростков к отдельной религиозной вере, что несовместимо с правом человека на свободу религии и убеждений. В то же время этот подход не должен исключать право каждого иметь свою предпочитаемую религию или философию [7, p. 808-809]. Самым трудным является сбалансированный подход, соответствующий с потребностями и интересами подростков, при котором информация связывается с мудростью человеческого опыта, с фундаментальными экзистенциальными ценностями.

REFERENCES:

1. Basdevant-Gaudemet, Brigitte. Education et religion dans les pays candidats à l'Union Européenne. *Le statut des confessions religieuses des Etats candidats à l'Union Européenne*. Éd. Fr. Messner. Milano: Giuffré Editore. 2002. Pp. 5-26.
2. Bogomilova, Nonka. *Religion, Law and Politics in the Balkans in the End of the 20th and the Beginning of the 21st Century*. Sofia: Iztok-Zapad Publishing House. 2005. 243 p.
3. Ferrari, Silvio. L'enseignement des religions en Europe: un aperçu juridique. *Des maîtres et des Dieux. Ecoles et religions en Europe*. Ed. by J.-P. Willaime avec la collaboration de S. Mathieu. Paris: BELIN. 2005. Pp. 31-39.
4. Horvat, Vedran. Church in Democratic Transition Between the State and the Civil Society. *Religion in Eastern Europe*. Vol. 24. Iss. 2. 2004. Pp. 1-19.
5. Jackson, Robert. European Institutions and the Contribution of Studies of Religious Diversity to Education for Democratic Citizenship. *Religion and Education in Europe. Developments, Contexts and Debates*. Ed. by R. Jackson, S. Miedema, W. Weisse, J.-P. Willaime. New York, Munchen, Berlin: Waxmann Munster, 2007. Pp. 27-55.
6. Kodelja Zdenko and Bassler Terrice. *Religion and Schooling in Open Society*. Ljubljana: Open Society Institute. 2004. 56 p.
7. Plesner, Ingwill. Promoting Tolerance through Religious Education. *Facilitating Freedom of Religion or Belief: a Deskbook*. Ed. by T. Lindholm, W. Cole Durham, Bahia G. Tahzib-Lie. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 2004. Pp. 791-812.
8. Shmid, Konrad. In the Name of God? The Problem of Religious or non-Religious Preambles to State Constitutions in Post-atheistic Contexts. *Religion in Eastern Europe*. Vol. 24. Iss. 1. 2004. Pp. 24-32.
9. Weisse, Wolfram. The European Research Project on Religion and Education "REDCo". *Religion and Education in Europe. Developments, Contexts and Debates*. Ed. by R. Jackson, S. Miedema, W. Weisse, J.-P. Willaime. New York, Munchen, Berlin: Waxmann Munster, 2007. Pp. 9-25.
10. Willaime, Jean-Paul. Pluralism religieux. Etat et education. *Social Compass* Vol. 37. Iss. 1. 1990. Pp. 145-152.
11. Willaime, Jean-Paul. Different Models for Religion and Education in Europe. *Religion and Education in Europe. Developments, Contexts and Debates*. Ed. by R. Jackson, S. Miedema, W. Weisse, J.-P. Willaime, New York, Munchen, Berlin: Waxmann Munster, 2007. Pp. 57-66.

УДК 712.01/03

*Anna A. Cherkashina,
Alexander S. Matveev*

**GLOCALIZATION OF MODERN
ENTERTAINING TV FORMATS IN RUSSIA
(BY AN EXAMPLE OF «NOTHING
BUT THE TRUTH» ORIGINAL FORMAT)**

Cherkashina Anna Alexandrovna, PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; E-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

Matveev Alexander Sergeevitch, PhD Student, Department of Social Work

Belgorod National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; E-mail: matveev@belgorod.fm

ABSTRACT

The sociological phenomenon of glocalization is directly related to globalization interpreting global products or services through local ones. Nowadays there is a modern tendency to make glocal media products instead of buying foreign television content. As a typical example we take the original British TV format “Nothing but the Truth” that has been already adapted in more than 45 countries all over the world.

Here we have analyzed the Russian project “Detector Lzhy” according to the following criteria: thematic favours and restrictions, format heroes (players) and characters, structure and dramatic composition of the show, visual and audio maintenance.

The research result can be incorporated into academic subjects of TV journalism. It can be also effective among experts and practitioners of social and cultural activities. Key findings: a glocalization version implementation on the basis of the original project is a complicated process which demands, firstly, a deeper insight into the rules of the original format. Secondly, the detailed investigation of local tastes and preferences of the target audience. Thirdly, search for the unique modifications which will encourage a successful realization of the adjusted format.

Key words: glocalization; globalization; original and adjusted TV format; entertaining television.

*Черкашина А. А.,
Матвеев А. С.*

**ГЛОКАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ТЕЛЕФОРМАТОВ
В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ОРИГИНАЛЬНОГО ФОРМАТА “NOTHING
BUT THE TRUTH”)**

Черкашина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

Матвеев Александр Сергеевич, аспирант кафедры социальной работы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: matveev@belgorod.fm

АННОТАЦИЯ

Социологический феномен глокализации напрямую связан с процессом глобализации, интерпретируя глобальное (продукты или услуги) посредством локального. Современная тенденция формирования телевизионного контента демонстрирует целенаправленный переход телеканалов к увеличению доли глокализированного медиапродукта и уменьшению объемов закупки готовых программ. Типичным примером является адаптация оригинального формата британской развлекательной программы “Nothing but the Truth”, которая стала глобальной в связи с ее выходом более чем в 45 странах.

В данной статье проведен анализ адаптации оригинального формата в России посредством выявленных критериев: тематические предпочтения и ограничения, форматные герои и персонажи, структура и драматургия программы, визуальное и звуковое оформление.

Применение результатов исследования видится наиболее эффективным в процессе преподавания курсов по тележурналистике, а также среди специалистов и практиков социально-культурной деятельности. К основным выводам относятся следующие положения: создание глокализированной версии оригинального медиапродукта – сложный и многогранный процесс, требующий, во-первых, тщательного изучения правил и требований оригинального формата; во-вторых, исследования потребностей локальной аудитории; в-третьих, поиск уникальных изменений, которые будут способствовать успешной реализации адаптированного формата.

Ключевые слова: глокализация; глобализация; оригинальный и адаптированный телеформат; развлекательное телевидение.

Every day, when everyone turns on TV, most of us become unwilling viewers of new programmes appearing on it. Over the past few years, more TV formats were bought, than a decade ago. This fact can be explained by many factors; firstly, it happened because Russian TV consumers didn't want to watch original foreign programmes. Secondly, TV production in Russia lets us create our own TV projects which help to hold the target audience. Adjusting foreign formats, TV men from many countries achieve different results in getting people interested in these adapted TV programmes.

Each year, the growth and new trends of modern television content exert a vivid influence over already known TV classifications. Nowadays, not only informational, analytical (opinion), and publicistic genre groups are presented, but there is also the forth group – entertaining. That is why it becomes possible to describe new TV products that haven't been studied before because of their novelty. The main difference between format and genre is in their changeability. "Formats as well as genres contain <...> the system of values. But these values as well as formats are unstable and changeable according to new circumstances" [7, p. 55]. Researchers call this phenomenon as hybridity – a constant tendency of TV format to be refreshed. TV producers must never stop working at the mechanisms of TV format adaptation and its improvement, only then it can be possible to save top ratings of adjusted programmes.

Changeability on a local level is the basis of such sociological phenomenon as glocalization which often can be found in the studies connected with the culture of consumption. It is well-known that the sociologist Roland Robertson popularized the term of glocalization. The Italian researcher Giampiero Gobo in his work "Glocalizing methodology? The encounter between local methodologies" says that Robertson "states that glocalization describes the tempering effects of local conditions on global pressures <...> and means the simultaneity – the co-presence – of both universalizing and particularizing tendencies" [3, p. 428]. Therefore, the phenomenon of glocalization is a part of globalization and it

"resists the globalisation project by interpreting the global through the local [9, p. 1368]. Jonathan Matusitz and Laura Lord say that "glocalization is a combination of 'local' and 'globalization' <...> places value on the local by selling products and services adjusted to local tastes and preferences" [5, p. 82-83]. It means that it is also determined as "a balanced paradigm" [4, p. 132] between global and local. Characterizing the phenomenon of glocalization the American sociologist George Ritzer in his work "Globalization of Nothing" quotes a well-known Harvard anthropologist James Watson who focuses on the process of McDonaldization. In his works the researcher doesn't use the term 'glocalization' which is more popular among sociologists, however, he precisely depicts all the constituents of glocalization. So, J. Watson goes on to say that "our aim is to determine how McDonald's worldwide system has been adapted to local circumstances" in East Asia [8, p. 149-150].

It is important to mention that the phenomenon of glocalization is applicable to the technology of "the adaptations of global television formats in different countries reveals that these formats are used as carriers which are filled with specific cultural content by each national television" [9, p. 1368]. "In the age of globalisation, media as cultural or commercial products move globally, but are constantly domesticated in ways that create links of meaning between the media and the history, culture, politics, society, etc. of local viewers <...> how journalists tried to transform the event by adapting it to the relevant structure of a local audience, and converting foreign agendas into home agendas [10, p. 77].

People who make modern TV content spread it all over the world where it is adapted to local conditions and consumers' needs in order to get a maximum impact on TV audience. Obviously, "another cause for globalisation in the media industry is the market economy, to which global media need to customize their product in order to attract local people or audiences" [2, p. 324] Television producers choose the key format characteristics, and by varying them successfully, they achieve top TV ratings; if not, they just fail on local markets of different countries. On television,

the phenomenon of glocalization is expressed by adjusting different original TV formats in many countries. This process of adapting is very popular and wide-spread nowadays. Therefore, there are two types of formats: original and adapted. The original format is defined as “the bible of production”. It is a full description of the format (scenography, music, images of participants, and etc.) made by its franchiser. The adapted format is defined as a revised original format [6].

A well-known format “Nothing but the Truth” is very popular all over the world. It is a game show created by Howard Schultz, an American television producer. Firstly, it was broadcast in Colombia. The host asks the players a series of 21 increasingly personal and embarrassing questions for a huge jackpot. The format has been exported to many countries. In Great Britain, “Nothing but the Truth” was a game show hosted by Jerry Springer. In Russia, this TV show appeared as “Detector Lzhy” (“Lie Detector”) and it was firstly broadcast in July 2010. Andrey Malakhov, a well-known Russian showman, hosted this TV project. We made our analysis of this TV format adjusting according to the following criteria: thematic favours and restrictions, format heroes (players) and characters, structure and dramatic composition of the show, visual and audio support.

Thematic favours and restrictions. We have analyzed 24 programmes of this TV show and concluded that, first of all, players are mainly asked about their private life (matrimonial and family relations, problems connected with the generation gap etc.). There are also questions which deal with professional interests. We have noticed that there are no questions about religion at all. On the whole, the content of the adapted programmes mainly corresponds to the demands of the original format. But we cannot mention that straightforwardness of intimate questions in the Russian version of this TV format is not as direct as the questions in the original format. This restriction can be regarded as a corrective action toward the original format. We think, to some extent it may be explained by our country’s multi-cultural, multi-religious nature and also by “the moral taboo” inherited from the

Soviet Union which perhaps can still have an influence on Russian mentality.

Format heroes (players) and characters. We have revealed three dominant purposes of heros’ coming to this show. Thus, all players can be motivated by the following reasons:

- the opportunity to earn money. It means that a player wants to get money in return for being sincere;
- the opportunity to prove his/her friends and relatives that he/she can and wants to say the truth;
- the opportunity to realize his/her potential. It means that a participant wants to try himself/herself in the role of the main hero just because of self-interest.

For these reasons we have distinguished the main archetypes in the heros’ images:

- a person who is accused of a crime and is ready to answer discreditable questions because he/she is sure that he/she is not guilty;
- a person who is ready to reveal everything that he/she has never said before just because of getting money;
- a young man or a woman who has the protracted conflict with the members his or her family even probably from the childhood.

Each player has his/her support group consisting of the members of the family, friends, colleagues etc. At the beginning of a show, the anchorman has a talk with anybody from the player’s support group. And this talk can be regarded as a tool of tensing dramatic composition because both the player and viewers can see the emotions of any member from the support group.

The structure and dramatic composition of the show. As we have already noted, the form of a TV programme is defined by its content. On the whole, the structure of “Detector Lzhy” reflects the structure of the original format: the anchorman’s greeting, reminding the project rules for viewers, player and support group presentation, reminding the project rules in detail especially for the player, and a question-answer stage. In the Russian adapted show, there is also one vivid peculiarity. From the 22nd programme of the show the producers add two participants (pro-

fessional physiologists – Anetta Orlova and Eva Veselnitsakaya) whose aim is to comment on the player's answers only for viewers. It means that a player and his support group cannot hear what they are saying at the moment.

As far as dramatic composition of the show is concerned, we think that it is made by tensing the meaning of questions gradually. The longer the show goes on, the more revealing and tenser questions the anchorman asks. The producers also use some other ways to support the viewers' interest toward the show. First of all, the show is usually interrupted with a commercial before the polygraph lie detector announces "true" or "false". Generally, the closer the player is to get his/her absolute winnings, the longer "artificial" (made on purpose) pauses appear between his answer and the polygraph final announcement.

If the hero of the show decides to stop playing, the anchorman always tries to comment on his/her participation in the project. However, his/her comments are monotonous and unemotional in comparison with the original format where the anchorman Gerald Springer is not always serious and expresses different emotions.

Visual and audio support. In Russian version of TV project "Nothing but the Truth", the visual support differs from the colours of the original format. Obviously, a cold blue colour prevails in the adapted format instead of purple which is presented in the original show. It

is not easy to interpret why Russian producers chose this colour for the project, but if we turn to the colour test of the famous Swiss physiologist Max Luescher [1], we will see that a deep blue colour denotes appeasement and calmness. If a player says the truth the TV studio is lighted up with a green colour but if he lies we see a red colour on the screen. According to Luescher's RGB (red-green-blue) model, green denotes tension connected with confidence. Red is determined by the scientist as the colour of conflict. Thus, there is a combination of red, green, and blue colours that probably is "a special game" with people's subconscious. Thus, it is obvious that the spectrum of colours in the adjusted format is quite different from the original show. As far as the audio support is concerned, we see that all demands of the original format are carried out. It expresses emotions such as anxiety and nervousness. Mostly it is intriguing and mysterious.

In the conclusion it should be noted that the Russian producers mostly use the structure and thematic areas from the original format. However, in Russia, this TV show is called a *physiological project* and we can say that this project name is supported by the choice of colour for the TV studio, the image of an anchorman (always calm and imperturbable), and the comments of professional psychologists. So, all these modifications made by local TV people are used to create the originality of the project – its glocalized version.

REFERENCES:

1. Bazyma, B.A. Colour and Psycho. The Luescher Colour Test. *PSY-FACTOR: information and resource center in scientific and experimental psychology*. URL: <http://psyfactor.org/lib/colorpsy7.htm> (date of access: January 30, 2015).
2. Cho, S., Chung, J. We want our MTV: glocalisation of cable content in China, Korea and Japan. *Critical Arts: A South-North Journal of Cultural & Media Studies*. Vol. 23. Issue 3. 2009. Pp. 321-341.
3. Gobo, G. Glocalizing methodology? The encounter between local methodologies. *International journal of Social Research methodology*. Vol. 14. № 6. 2011. Pp. 417-437.
4. Hung, K. Tse, C. and Cheng, Sh. Advertising Research in the Post-WTO Decade in China. *Journal of Advertising*. Vol. 41. Issue 3. 2012. Pp. 121-146.
5. Matusitz, J. Lord, L. Glocalization or Globalization of Wal-Mart in the US? A Qualitative Analysis. *Journal of Organisational Transformation & Social Change*. Vol. 10. Issue 1. 2013. Pp. 81-100.
6. Nechushkina, A. Specific Features of Adaptation of Foreign Television Formats for Russian Television Market and its Legal Aspects. *Mediascope*. №3. 2014. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1558> (date of access: February, 17, 2015).
7. Novikova, A.A. Hybridity as a determinant characteristic of TV format. *Vestnik MSU. Journalism*. № 6. 2010. Pp. 56-65.
8. Ritzer, G. *Globalization of Nothing 2*. Pine Forge Press. California. 2007. 249 p.
9. Rulyova, N. Domesticating the Western Format on Russian TV: Subversive Glocalisation in the Game Show Pole Chudes (The Field of Miracles). *EUROPE-ASIA STUDIES*. Vol. 59. №. 8. 2007. Pp. 1367-1386.
10. Wu, D., Ng, P. Becoming global, remaining local: the discourses of international news reporting by CCTV-4 and Phoenix TV Hong Kong. *Critical Arts: A South-North Journal of Cultural & Media Studies*. Vol. 25. Issue 1. 2011. Pp. 73-87.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базыма, Б.А. Цвет и психика. Цветовой тест Люшера // ПСИ-ФАКТОР: информационный ресурсный центр по научной и практической психологии. URL: <http://psyfactor.org/lib/colorpsy7.htm> (дата обращения: 30.01.2015).
2. Cho, S., Chung, J. We want our MTV: glocalisation of cable content in China, Korea and Japan // *Critical Arts: A South-North Journal of Cultural & Media Studies*. 2009. Vol. 23. Issue 3. Pp. 321-341.
3. Gobo, G., *Glocalizing methodology? The encounter between local methodologies // International journal of Social Research methodology*. 2011. Vol. 14. No. 6. Pp. 417-437.
4. Hung, K., Tse, C. and Cheng, Sh. Advertising Research in the Post-WTO Decade in China // *Journal of Advertising*. 2012. Vol. 41. Issue 3. Pp. 121-146.
5. Matusitz, J., Lord, L. *Glocalization or Globalization of Wal-Mart in the US? A Qualitative Analysis // Journal of Organisational Transformation & Social Change*. 2013. Vol. 10. Issue 1. Pp. 81-100.
6. Нечушкина, А.С. Особенности адаптации зарубежных телеформатов для российского телевизионного рынка и её правовые аспекты // *Медиаскоп*. 2014. №3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1558> (дата обращения: 17.02.2015).
7. Новикова, А.А. Гибридность как определяющий признак телевизионного формата // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2010. № 6. С. 56-65.
8. Ritzer, G. *Globalization of Nothing 2*. Pine Forge Press. California. 2007. 249 p.
9. Rulyova, N. Domesticating the Western Format on Russian TV: Subversive Glocalisation in the Game Show Pole Chudes (The Field of Miracles) // *EUROPE-ASIA STUDIES*. 2007. Vol. 59. No. 8. Pp. 1367-1386.
10. Wu, D., Ng, P. Becoming global, remaining local: the discourses of international news reporting by CCTV-4 and Phoenix TV Hong Kong // *Critical Arts: A South-North Journal of Cultural & Media Studies*. 2011. Vol. 25. Issue 1. Pp. 73-87.

УДК 1:78.01:78.071.1

Кинаш Л. А.,
Жиров М. С.

**МУЗЫКАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ
Г. В. СВИРИДОВА
(ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО
КОММЕНТАРИЯ)**

Кинаш Лариса Александровна, аспирант кафедры философии
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: l.kinasch@yandex.ru

Жиров Михаил Семенович, доктор педагогических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: zhirov@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье выявляются и описываются ценностно-познавательные характеристики музыкального мышления Г.В. Свиридова. Особое внимание обращается на его «логосный» стиль – стремление быть «причастным к слову как началу начал», «сокровенной сущности мира».

Проясняя общую методологическую установку композитора на «выведение» музыки из живой речи, авторы статьи показывают, что конкретные формы этого выведения связывались им как с народной песней, с ее изначальным синкретизмом словесного и музыкального начал, так и с музыкальной повседневностью современной живой речи (ее ритмикой, темпом, мелодические интонациями). Уточняется, что первостепенное значение для Г.В. Свиридова имели поэтические тексты, обладающие наивысшей степенью перформативности, в т. ч. литургические тексты. Эта особого рода музыкальная словесность стала для Свиридова основой его метода «укрупнения» музыкального произведения, творческого уточнения неповторимости и незаменимости музыкального начала в целостном опыте человеческой речи.

Речь во всей своей полноте со временем понимается Свиридовым как ясные отклики человека на возвышенное Слово Божие. Отмечается также историческая метафизика Г.В. Свиридова, его понимание России в ее духовно-антропологическом статусе, жизненном единстве и святости. Эта метафизика национального образует поздний культурно-исторический контур свиридовского музыкального мышления.

Ключевые слова: русская философия музыки; музыкальное мышление; музыкальный язык; аксиология; «логосный стиль»; «мелос»; «логос»; метод «укрупнения».

Larisa A. Kinash,
Mikhail S. Zhiron

**RETURN TO THE LOGOS,
THE WORD OF GOD IN RUSSIA
(ON THE MUSICAL THINKING
OF GEORGY V. SVIRIDOV)**

Kinash Larisa Alexandrovna, *Postgraduate Student*

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: l.kinasch@yandex.ru

Zhiron Mikhail Semenovich, *Doctor of Education, Professor*

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: zhironv@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article identifies and describes some axiological dominants in the musical thinking of Georgy V. Sviridov. Particular attention is drawn to his *logos* style – the desire to be “involved in the way as the top began”, “innermost essence of the world”. Strengthening the tradition of Russian musical culture that focuses on unity *melos* and *logos*, Sviridov – it ought to be assumed – is committed to particular clarity in understanding and recreating this unity. Clarifying the overall methodological setting of the composer on “removing” the music out of living speech, the authors show that the specific forms of that removing are associated by composer with a folk reality (of its original syncretism or verbal archetypes and music) as well as an everyday living language (its rhythm, tempo, melodic intonations). The authors specify that the historical *logoi*, prophetic utterances or the texts with the highest degree of performativity (poetical, especially liturgical texts) are a practical measure of the method of Sviridov’ “consolidation” of musical works, artistic removing of music uniqueness and undisplaced in the holistic reality of *logoi*, the worlds of historic human being. All these words are understood by him as human responses, harmonious and simple answers to the exalted words, the Word of God; all these answers are the joyful and respectful attempts to be in a sublime or answerable fellowship with Him. There is also a historical metaphysics of George V. Sviridov; he thinks of historic Russia as a spiritual and holiness of life. This metaphysics of national forms is realized as some judgments of the composer in his own diary; it would be better to appreciate that metaphysic view as a cultural outline of Sviridov’s musical thinking..

Key words: philosophy of music in Russia; musical thinking; musical language; axiology; *logos* style; *melos*; *logos*; the method of “consolidation”.

Философское осмысление музыкального мышления Г.В. Свиридова (1915–1998) осложнено его особой историчностью. В нем интенсивно дают себя знать многочисленные жизненные перемены – опыт понимания мира, прошлого XX века, который в течение жизни композитора не раз радикальным образом уточнял свои ценностные предпочтения. При всей историчности, свиридовское музыкальное мышление повсюду проявляло себя исключительно личностно: откликаясь на разные культурно-исторические вызовы, оно оказывалось весьма устойчиво в аксиологическом отношении.

Исключительность этого мышления может быть предварительно описана в терминах метафизики национального, через обращение к категориям национального бытия, мировосприятия народа и национальной истории, духовного творчества и т. д. Эта метафизика имеет своим истоком русское религиозное самосознание или, точнее, традицию отечественной философской мысли, которая сделала это самосознание своим предметом. Но Свиридов никогда не принадлежал и не мог принадлежать к той когорте русских интеллектуалов, которые укреплялись в своем философском мышлении; он принадлежал к числу советских композиторов; его музыкальное мышление, уверенно самобытное, зрело отнюдь не в школе метафизических исследований. Г.В. Свиридов в философском отношении автодидакт; в его размышлениях трудно выделить собственно метафизическую доктрину.

На наш взгляд, исследование музыкального мышления Г.В. Свиридова требует уточнения именно ценностно-смысловых его начал – того экзистенциального выбора, через который прошел этот крупнейший музыкальный мыслитель, узнавший и высказавший немного, существенное о многом. В музыке Г.В. Свиридова – терпкие гармонии, аскетичный, внятный язык. Эти гармонии дают себя знать и тогда, когда он трактует пушкинскую «Метель», или пишет сюиту «Время, вперед!»; и тогда, когда звонко возвещает, проповедует о «недистиллированной» Руси, богатой святыми подвижниками, духовными свершениями. О чем бы ни

размышлял или повествовал Свиридов, он склонен держаться аскетических ценностных смыслов своего языка, который сам композитор осознает как язык принципиально неединственный, сосуществующий с другим, словесным началом в целостном опыте человеческого речи. «Я... причастен к слову (!!!), как началу начал, сокровенной сущности жизни и мира, – написал композитор в первой тетради своих дневников под заголовком «О критиках» <...> Наиболее действенным из искусств представляется мне синтез слова и музыки. Этим я занимаюсь» [14, с. 58].

Важнейшая, парадоксальная особенность исторической музыки Свиридова – ее «сверхисторичность»; ему привычно высказываться вглубь истории, приближаясь к тому «сверхисторическому» человеку, близость с которым обнаруживается в слове, особенно поэтическом, проникнутом музыкальным началом. Музыкальное мышление Свиридова «логосно», ориентировано на возобновление того музыкального подсознательного, которое, становясь яснее, чище, не портит слово – не посягает на него и не противостоит ему, а открывает ему новые направления.

Один из «духовных учеников» и последователей Г.В. Свиридова, композитор В.А. Гаврилин, называл его цезарем российской музыкальной поэзии, точно разгадавшим тайну поэтических текстов Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Блока, Есенина, Прокофьева, Маяковского, Твардовского и гениально претворившим их поэтический мир в музыкальных звуках [6, с. 38]. Во многих свиридовских произведениях поэт выступает действующим лицом: и как конкретно-исторический персонаж, но чаще как символ искусства, голос эпохи, образ своего времени. Для Свиридова поэт – не просто «мастер литературного цеха», он – вещий голос народа, олицетворяющий его мысль и совесть. Поэтому композитор обращается только к настоящим, подлинно большим поэтам, раскрывшим в своем творчестве разные исторические эпохи родной земли, дух русского народа – труженика и страстотерпца, правдоискателя и свободолюбца, борца за волю и справедливость, несущего миру высокое «слово любви и дружбы», зовущего к «новым берегам»

(М.П. Мусоргский) не только в творчестве, но и в жизни. В музыке Свиридова каждое поэтическое имя представлено группой произведений, что позволяет обозначить этапы его вокального творчества именами поэтов: пушкинский, прокофьевский, исаакьяновский, бернсовский, есенинский, блоковский и т. д. Бережно воссоздавая индивидуальные черты разных поэтов (преимущественно русских и советских), Г.В. Свиридов, тем не менее, сближает их уже в процессе отбора, контролируемого пристрастием к определенному кругу образов, тем, сюжетов. Однако «окончательное превращение каждого поэта в «единомышленника совершается под воздействием музыки, властно вторгающейся в поэтический материал и преобразующей его в новое художественное произведение, в котором решающей оказывается индивидуальность композитора» [18, с. 71].

Действительно, Г.В. Свиридов умел «читать» поэзию и был чрезвычайно внимателен и чуток к творческому стилю того или иного автора. К каждому из них композитор находит свой ключ, исходя из индивидуальных, историко-национальных особенностей творчества каждого. И это обращение всегда являло творческое открытие, воплощение простоты и естественности выражения, глубокое и органичное слияние музыки и слова, в результате которого поэзия раскрывалась по-новому, звучала громче, полнее. Слово будто рождалось заново, приобретая новое звучание, все больше наполняясь истинным смыслом. Есть основание говорить об особом вкладе Г.В. Свиридова в разработку проблемы осмысления в музыке поэзии разных эпох и народов и введение в «правило» композиторского творчества создание камерно-вокальных и вокально-симфонических циклов преимущественно на основе поэтических текстов высокого достоинства. По оценке Л.В. Поляковой, «поэтическое и музыкальное соединилось в творчестве Свиридова весьма изысканно и тонко. Сплетение это рождает ни с чем несравнимые, не испытанные ранее ощущения <...> каждый маленький союз поэзии и музыки творит целый мир. Собранные вместе в цикл, эти миры образуют необъятную Вселенную, бесконечно разнообразную

и сложную, но в то же время живущую по общим простым законам» [13, с. 72].

Г.В. Свиридов достойно развил и продолжил традицию «пластической интонации», (жест персонажа, манера говорить, речевая интонация, походка, мимика), приверженцами которой, как известно, были А.С. Даргомыжский и М.П. Мусоргский. И все эти внемузыкальные элементы приобретают в творчестве композитора музыкальные, «осмысленно-оправданные» свойства, поскольку подчиняются закономерностям музыки, которая нигде не теряет своей специфики, не поступает собственной образностью и художественной ценностью. Как показывает анализ, слово входит в них не в качестве дополнения и разъяснения собственно музыкального замысла, а как «самостоятельный и равноправный участник создания синтетического образа, как неотъемлемая сторона общей идеи произведения, которая является идеей музыкально-поэтической» [16, с. 287].

Соотношение слова и музыки в вокальных сочинениях Г.В. Свиридова приобретает различный характер: «певческая партия представляет собой речитатив «слово от поэта» – «Патетическая оратория» на стихи В. Маяковского; ариозное пение, промежуточное между речитативом и кантиленой («Разговор с товарищем Лениным»). Но более всего музыкально-поэтическая идея нашла отражение в песенности Свиридова, где она – и жанровая категория, и основа языка, и принцип образного обобщения. Равно как и М.П. Мусоргский, Свиридов ищет в ней «не отвлеченной кантилены, а «говорящей», «творимой говором» мелодии, обладающей при этом самостоятельной песенной образностью. Не удивительно, что в мелодиях композитора органично сливаются два начала: песенное и речевое, позволяющих музыке «говорить пением». Г.В. Свиридов феноменальным образом «выводит» музыку из живой, современной речи. Манеру речи, ее ритмику, темп, мелодические интонации он считает производными времени, а своими вокальными творениями убедительно подтверждает тезис «в этом кладезе – человеческой речи – таятся все сокровища музыки – и уже написанной, и будущей» [15]. Действительно, композитор широко использует выразительные возмож-

ности слова, речевой интонации, мастерски сочетая песенную гибкость и широту мелодии с точностью и психологической правдивостью декламации. Заслуживает внимания редкое умение композитора одним метким штрихом, одним характерным оборотом подчеркнуть в песенной фразе ключевое слово, не разрушая ее цельности, музыкальной логичности (изобразительно-ассоциативно, эмоционально, мелодическими, ритмическими, гармоническими средствами).

Музыка Г.В. Свиридова отличается редкой внутренней гармонией, страстной устремленностью к добру, правде, свету и одновременно ощущением трагизма, происходящего от глубокого понимания композитором величия и драматизма переживаемой эпохи. Утверждение в музыке гармонии внутреннего мира человеческой личности, в противовес хаосу мира, осознание высокого предназначения человека являются основой преодоления этого трагизма. Главный лейтмотив музыкальных полотен Г.В. Свиридова – формирование «человеческого в человеке», созидательно-го, деятельного начала в нем, духовно-нравственной сути, воли к жизни и организации социального пространства. Ввиду этого, музыка Г.В. Свиридова, бесспорно, занимает особое место в русском музыкальном искусстве, которое можно рассматривать не столько в виде рефлексии русской философии, сколько как пронизательное личное понимание душевно-жизненных начал.

Св. Григорий Нисский сравнивал ум со смычком, который, касаясь одушевленных органов, музицирует, являя посредством их звуков сокровенные мысли [4, с. 26-27]. Говоря о звуке, святые отцы имели ввиду не просто осмысленный, говоря словами св. Иоанна Дамаскина, «знаменательный», но очеловеченный звук. В соответствии с святоотеческой традицией, в языке «звук представляет собой тело, а значение – душу звука» [1, с. 402]. Эта полнота святоотеческого опыта, о которой постепенно узнавал Г.В. Свиридов, рано проявилась в его собственном творческом опыте.

Высшее в иерархии духовных ценностей для Свиридова – Слово, как незаменимое по своей определенности выражение мысли.

Вне мысли, ее глубокого духовного содержания нет для композитора и музыки. Ввиду этого вполне обоснованным представляется особое внимание художника к вокально-симфоническому жанру и утверждению своим творчеством тезиса о том, что «Союз симфонически масштабной музыки с пламенным поэтическим словом как нельзя лучше помогает выразить большие идеи, отвечающие духу нашей жизни» [15]. Музыка Свиридова, разумеется, из России: но не столько России умозрительной, философствующей, сколько из России словущей. Музыкант и композитор огромного национально-самобытного масштаба и дарования, Свиридов развивает в себе такое философско-эмоциональное видение мира, которое позволяет ему сделать слушателя соучастником ясного речевого действия, вовлекает его в переживание ясности подлинной речи, которая не затемняет какой бы то ни было ум, а подбадривает и зовет к размышлению и собственному высказыванию.

В записи «О главном для меня» Г.В. Свиридов говорит о главном призвании художника: по мере своих сил служить раскрытию Истины Мира, которая может быть заключена в синтезе Слова и Музыки. «На своих волнах (бессознательного) она (музыка) несет Слово и раскрывает его сокровенный смысл. Слово же несет в себе Мысль о Мире (оно предназначено для выражения Мысли). Музыка же несет Чувство, Ощущение, Душу этого мира. Вместе – они выражают (могут выразить) Истину мира» [14, с. 160-161]. Идеалом сочетания слова и музыки Г.В. Свиридов по праву считал подлинную народную песню, где словесное и музыкальное начала являют собой синкретическое единство.

Музыкальное мышление Г.В. Свиридова обращено к идее единения, всеобщей сопричастности к идеям «мелоса» (мелодическое, песенное начало в музыке) и «логоса» (мысль, разум), которые возвысились до вершин настоящей философии исповедального слова. Во многом именно по этой причине исследователи ищут истинный философский смысл в музыке композитора (инструментальной, вокальной: песни, романсы, вокальные циклы, кантаты, оратории, хоровые произведения),

в которой органично соединились его удивительное чувство стиха, глубина постижения поэзии, богатое мелодическое дарование. В музыке Г.В. Свиридова духовная мощь и философская глубина поэзии выражаются в мелодиях пронзительной, кристальной ясности, в богатстве оркестровых красок, в оригинальной ладовой структуре.

В свиридовском музыкальном мышлении обнаруживаются онтологические соответствия отечественной философской мысли. По утверждению А.Ф. Лосева, ядром и смысловым центром русской музыкальной философии является удивительное возвышение «мелоса» и «логоса», в результате чего последний обретает иной вектор развития, иное значение, меняя даже пространство. Такую музыку Лосев наделяет способностью бороться с обыденностью и указывать личности направление ее духовного восхождения (в качестве такого совершенного образца философ называет оперу «Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова, где «мелос» достиг ипостаси «логоса»). В большинстве музыкальных произведений Г.В. Свиридова произошло удивительное соединение рационально-логического и мелосно-иррационального в особое возвышенное единство; его музыка отчетливо целостна.

Специфика человеческого слова, уникальность человеческого слова состоит в том, что его звук значим. Слово есть осмысленный звук и озвученный смысл. Соединение смысла со звуком исследователи сравнивают с тайной соединения души и тела [8, с. 29]. И эта тайна требует сопричастности и соучастия более всего в поэтическом слове, где связь звука и смысла выявлена наиболее ярко, где «слова, сплетенные ... своими звуками, сближаются и сплетаются также и смыслами или частью своих смыслов...» [3, с. 110]. Для творчества Г.В. Свиридова, безусловно, особое значение имели поэтические тексты, обладающие наивысшей степенью перформативности (прежде всего литургические тексты), а также произведения авторов, наделенных пророческими чертами, подчинившими свое творчество и всю грядущую русскую литературу голосу правды и совести, подвижнически служивших своим искусством народу.

Свиридову была важна «действительная сила» (Святитель Григорий Богослов) текста, образный мир которого способен воздействовать на человека и изменить к лучшему его «движение души». Именно высокое, благородное движение души более всего ценил Г.В. Свиридов в поэзии, вкладывая в это понятие сокровенные мысли о ценности человеческой жизни, миссии человека на земле, роли музыки и искусства в духовном воспроизводстве нации. Композитор удивительным образом умел соединить воедино два великих искусства – поэзию и музыку, где слово и звук совершенно раскованы, независимы друг от друга и вместе с тем предельно соподчинены. И это не подбор подходящих мотивов на подходящие стихи, а «музыка, выплавленная из поэзии» [11, с. 25], где «общее неотрывно от личного, а личное – от общего, судьбы героя и народа сливаются, и объективное повествование неизменно проникнуто субъективностью раздумий о жизни, о природе, о человеке [16, с. 142].

Сила, что лежит «в глубине» музыкального языка Г.В. Свиридова, – энергия, порождающая осмысленное течение мысли и членораздельное ее изречение, – обнаруживает себя в мелодике языка, в его музыке, где мелодия есть символ души Боже-ственной или Человеческой; «мелодия есть поток силы... живая энергия... процесс развития напряжения внутри нас» [10, с. 35-36, 41]; искусство интонируемого смысла, поток «тонового напряжения», который Б.В. Асафьев называл интонацией [2, с. 163-276].

Интонационно-речевой контур языка, формируемый его акцентно-силовыми структурами, – «это как раз та, почти единственная область, в которой музыка не только встречается с поэтическим языком и приспособливается к нему <...> более того подражает ему» [10, с. 94]. Именно поэтому для Свиридова в поэзии было важно слово, извлекающее из сокровенного потока «внутреннего речения» автора истину, «несокрытость» [17, с. 135], а музыка впоследствии приобрела способность направлять течение мысли, помогать осмыслению текста, логосной смысловой энергии, поскольку «в пении участвуют твой дух и твой ум», – говорил святитель Василий Вели-

кий. Аналогичной точки зрения придерживался Свиридов, утверждая, что музыка на своих волнах бессознательно несет Слово и раскрывает сокровенный тайный смысл этого Слова [14, с. 58].

Пожалуй, верным будет сказать, что свиридовское музыкальное мышление драматургично: это мышление, которое обосновывает себя и вновь возникает в продуктивном сопоставлении образов и звуков, событийно «укрупняется» и удерживается в отчетливых ладовых порядках и высвобождается интонационно. Мышление это никогда не действует

само по себе; оно всегда является событием в общем зримом единстве речевых действий – жизненных поступков, которые совершают люди, стремясь остаться собою и стать лучше себя, освободиться от речевой суеты, в т. ч. и музыкальных суетных обременений. Эта драматургия мышления символически чистого и не замкнутого на себе, не изобретающего, а мыслящего всерьез свое жизненное предназначение, не может завершиться с уходом Г.В. Свиридова. У этого искреннего мышления не может не быть своего будущего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Августин. О количестве души // Августин. Творения в 11 частях / пер. Киевской духовной академии (1879-1908); переиздание в 4 т. Т. 1 сост. С.И. Еремеева СПб.: Алетейя-Киев, Уцимм-пресс, 1998. 752 с.
2. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс // Асафьев Б.В. Избранные труды в 5 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 163-276.
3. Вейдле, В.В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства / Сост., коммент. и послесл. И.А. Доронченкова. М.: Языки славянской культуры. 2002. 456 с.
4. Григорий Нисский. Об устройстве человека / пер. и послесл. В.М. Лурье под ред. А.Л. Верлинского. СПб.: АХИОМА, 1995. 176 с.
5. Давыденков, О., иерей. Понятие «силы» и «энергии» в святоотеческом богословии // Велия благочестия тайна: Бог явился во плоти. М.: ПСТБИ, 2002. 182 с.
6. Гаврилин, В. Годовой круг // Музыкальный мир Георгия Свиридова. Сб. статей / сост. А. Белоненко. М.: Советский композитор, 1990.
7. Гаврилин В. Музыка Свиридова в Ленинграде. // Вечерний Ленинград. 1980. 5 июня. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/slus/haya/serd/29.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
8. Из писем Вильгельма фон Гумбольдта / Пер. О. Окропидзе // Иностранная литература. 1989. № 11. С. 236-237.
9. Камчатнов, А.М., Николина, Н.А. Введение в языкознание: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000. 232 с.
10. Курт, Э. Основы линейного контрапункта. Мелодическая полифония Баха / пер. с нем. З. Эвальд; под ред. Б.В. Асафьева. М.: Госмузиздат, 1931. 304 с.
11. Ланглебен, М. Вокальная мелодия в плену у языка // Музыка и незвучащее / ред.: Вяч. Вс. Иванов, Е.В. Пермяков, Т.В. Цивьян. Москва: «Наука», 2000. С. 91-116.
12. Полякова, Л. Вокальные циклы Г. В. Свиридова. Изд. 2-е. М.: Советский композитор, 1961. 72 с.
13. Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. URL: <http://golden-ship.ru/knigi/3/simeonNB-Sl1.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
14. Свиридов, Г.В. Высокие идеалы современности // Вечерний Ленинград. 1966. 15 октября.
15. Свиридов, Г.В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.
16. Сохор, А. Георгий Свиридов. Изд. 2-е, доп. М.: Советский композитор, 1972. 320 с.
17. Элик, М. Свиридов и поэзия // Георгий Свиридов. Сб. статей / сост. Р.С. Леденев. М.: Музыка, 1971. С. 58-124.

REFERENCES:

1. Augustine. On the Number of Soul. Creations in 11 parts. Reissue in 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteiya-Kiev, Utsimm-press, 1998. 752 p.
2. Asaf'ev, B.V. Musical Form as a Process. Selected Works. In 5 vols. Vol. 5. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. Pp. 163-276.
3. Weidle, V.V. Embryology Poetry: Articles on Poetics and Theory of Art. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2002. 456 p.
4. Gregory of Nyssa. On the Structure of Human. St. Petersburg: AXIOMA, 1995. 176 p.
5. Davydenko, O. The Concept of «Power» and «Energy» in the Patristic Theology. Great Mystery of Godliness: God was Manifest in the Flesh. Moscow: PSTBI, 2002. 182 p.
6. Gavrilin, V. The Annual Cycle. Georgy Sviridov's Music World. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1990.
7. Gavrilin, V. Sviridov's Music in Leningrad. Evening Leningrad. June 5. 1980. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/slus/haya/serd/29.htm> (date of access: January 1, 2015).
8. From the letters of Wilhelm von Humboldt. Inostrannaya literatura. № 11 (1989). Pp. 236-237.
9. Kamchatnov, A.M., Nikolina, N.A. Introduction to Linguistics. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2000. 232 p.
10. Kurth, E. Fundamentals of Linear Counterpoint. Bach's Melodic Polyphony. Moscow: Gosmuzizdat, 1931. 304 p.
11. Langleben, M.M. Vocal Melody in the Thrall of Language. Music and the Dumb. Moscow: «Nauka», 2000. Pp. 91-116.
12. Polyakova, L. Sviridov's Vocal Cycles. 2nd ed. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1961. 72 p.
13. St. Symeon the New Theologian. The Words. URL: <http://golden-ship.ru/knigi/3/simeonNB-Sl1.htm> (date of access: January 14, 2015).
14. Sviridov, G.V. The High Ideals of Modernity. Evening Leningrad. October 5 1966.
15. Sviridov, G.V. Music as a Fate. Ed. by A.S. Belonenko. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2002. 798 p.
16. Sokhor, A. Georgy Sviridov. 2nd ed. Moscow: Sovetskiy Kompozitor, 1972. 320 p.
17. Elik, M. Sviridov and Poetry. Georgy Sviridov. Ed. by R.S. Ledenev. Moscow: Musica, 1971. Pp. 58-124.

УДК 398.8 : 17.018.22

*Жилов М. С.,
Алексеева О. И.,
Жирова О. Я.*

**ГЕНЕЗИС НАРОДНОЙ ПЕСНИ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
КОНТЕКСТ**

Жилов Михаил Семенович, доктор педагогических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: zhirov@bsu.edu.ru

Алексеева Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королева, 7, г. Белгород, 308033, Россия; E-mail: alex-amritam@mail.ru

Жирова Ольга Яковлевна, кандидат педагогических наук, профессор

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королева, 7, г. Белгород, 308033, Россия; E-mail: knarhor7@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлены материалы исследований эволюции русской народной песни Белгородского региона в историко-культурном контексте. Народная песня рассматривается как особое словесно-музыкальное искусство, в содержательном и жанровом богатстве которого воплощены своеобразные черты национального характера русского народа. Рассматриваются различные гипотезы объяснения генезиса народной песни, истоков народного творчества в целом.

Анализ культурологической классики, посвященной народному музыкальному художественному творчеству и обработка авторских фольклорно-этнографических материалов используются для обоснования тезиса о том, что народная песня обладает повышенной «валентностью», способностью к самовозрождению, саморазвитию, потенциальной готовностью «осовремениться».

Материалы исследования могут быть использованы в различных формах образовательной и просветительской работы культурологов, искусствоведов, краеведов.

Ключевые слова: народная песня; генезис народной песни; музыкальный фольклор; песенные жанры; музыкальное творчество; духовные ценности; этнические традиции.

*Zhirov M. S.,
Alekseeva O. I.,
Zhirova O. Ya.*

**FOLK SONGS GENESIS:
HISTORICAL AND CULTURAL
CONTEXT**

Zhirov Mikhail Semenovich, Doctor of Education, Professor

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; E-mail: zhirov@bsu.edu.ru

Alekseeva Olga Ivanovna, PhD in Philosophy, Associate Professor

Belgorod State Institute of Art and Culture; 7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia; E-mail: alex-amritam@mail.ru

Zhirova Olga Yakovlevna, PhD in Education, Associate Professor

Belgorod State Institute of Art and Culture; 7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia; E-mail: knarhor7@mail.ru

ABSTRACT

The article presents the studies of Russian folk songs evolution in Belgorod Region with reference to culture and history. A folk song is seen as a special verbal and music art.

Distinctive features of the national character of Russian people are embodied in its content and genre richness. The authors discuss various hypotheses that explain the genesis of folk songs and the origin of folk on the whole.

To support the thesis that a folk song has a high "valence", the ability to self-development, the potential willingness to be "modernized" the authors give the analysis of culture classics devoted to folk music artistic creation and folklore and ethnographic material processing.

The research can be used in the educational process by culture scientists, art historians, and ethnographers..
Key words: folk song; genesis of folk song; folk music; song genres; musical creation; cultural wealth; ethnic traditions.

Возрастающий интерес к народной традиционной культуре, фольклору, народному искусству в XXI в. отражает потребность российского общества в национальной идентичности, восстановлении исторической памяти, стремление людей к духовному саморазвитию, формированию чувства укорененности в своем «почвенном» социокультурном пространстве. Поэтому столь актуальным представляется обращение к непреходящим духовно-нравственным ценностям и идеалам, воплощенным в народной художественной культуре, представленной инструментальным, хореографическим, обрядовым фольклором, устно-поэтическим, драматическим, декоративно-прикладным творчеством, народным зодчеством, изобразительным искусством, народной игрушкой. Имеются в виду уходящие вглубь веков национально-культурные традиции, неразрывно связанные с исторической памятью, выполняющие ключевую объединяющую роль, способствующие сближению и взаимопониманию между людьми, утверждению принципов согласия и толерантности, являясь при этом источником формирования морально-этических норм. Более того, механизмы функционирования традиционной культуры оказываются способными «найти баланс между экономическим, техническим развитием человечества и гуманистическим, нравственным воспроизводством» [5, с. 275].

Осмысление народной художественной культуры как целостной системы различных видов и жанров народного творчества дает основание подойти к анализу понятия «народное песенное творчество» как особого рода словесно-музыкального искусства, охватывающего разнообразные по идейно-эмоциональному содержанию и особенностям художественной формы музыкальные и музыкально-поэтические произведения устной традиции, созданные и исполняемые различными социальными группами общества (крестьянами, рабочими, ремесленниками, военно-служилыми людьми, охотниками на промыслах, солдатами и матросами, представителями интеллигенции), каждая из которых имеет свое специфическое «лицо», свой определенный момент включения в культурно-творческую деятельность.

Народное музыкальное творчество, воплотившее черты национального характера народа, отношение людей к окружающей действительности, к родной природе, семье, к происходящим историческим событиям, нашло наиболее яркое и полное отражение в гармоничном единстве слова и мелодии, представленном словесно-музыкальными произведениями разных жанров, среди которых песни, эпические сказы, причитания, трудовые припевки, частушки, большинству из которых традиционно присущи глубина и значительность содержания, яркое национальное своеобразие поэтического и музыкального языка, высокое совершенство художественной формы. Осмысление народной песни с точки зрения ее генезиса позволяет представить этот вид творчества, органично сочетающий музыку и поэзию, как феномен культуры, сотворенный человеком и природой, «необычный, исключительный факт, явление, данное нам в опыте, чувственном познании» [14, с. 1408].

Термин «volkslied» (народная песня) впервые ввел немецкий поэт, философ, историк и критик И. Г. Гердер (1744-1803), в сборниках «Голоса народов мира в песнях» (1778) и «Народные песни» (1779) указав на прямую связь песни с музыкой природы, историческим прошлым, отметив, что литературный компонент песни позволяет проследить всю культуру народа. Таким образом, песня выступает как культурологическая парадигма, «модель», интегрирующая господствующие ценностные идеалы, нормы и образцы жизнедеятельности посредством слова и звука, – формирующих, в конечном счете, мировоззрение человека, его эстетическую, нравственную, духовную, художественную сферы в контексте этноса и цивилизации. Выступая как синтез артефакта (материального начала, формы) и эстетического объекта (духовного начала, содержания), песня бытует и сохраняется благодаря своему содержанию, запечатлевающему духовные ценности: общественные представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливости, смысле истории и назначении человека, – понятия «жизненной философии», обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса.

В этом контексте народная песня предстает единицей обыденного философского (преимущественно этического) сознания, культурно значимым, аксиологически окрашенным и мировоззренчески ориентированным словесно-музыкальным феноменом народной художественной культуры.

Результаты анализа трудов русских философов XIX–XX вв. (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вл.С. Соловьев), исследователей народного искусства (П.Г. Богатырев, В.Е. Гусев, М.А. Некрасова, Е.В. Гиппиус, И.И. Земцовский, В.Э. Линева, А.Н. Сохор, М.А. Стахович, В.М. Щуров, К.В. Квитка), экспедиционные материалы авторов, введенные в научный оборот и использованные в качестве эмпирической базы исследования, позволяют утверждать, что народная песня – как наиболее яркий, распространенный и доступный вид музыкального фольклора – выступает основой познания бытия народа, духовного и практического опыта предшествующих поколений в виде знаний, ценностей и образцов жизнедеятельности.

В связи с многовековой традицией погружения народной песни в культуру этноса мы вправе рассматривать ее жанрово-видовую структуру как полифункциональную культурологическую парадигму, созданную синтезом правдивого человеческого чувства и звукозодчества, синкретизмом слова, музыки, танца и ритуальности. Прослеживая эволюцию песенного фольклора с древних времен до настоящего времени, необходимо выделить несколько основных периодов в ее развитии, конкретно-исторические процессы которых (социальные, политические, экономические, культурные) существенно влияли на судьбу русской народной песни.

Возникновение русской народной песенности корнями уходит в глубь веков, в древнюю славянскую культуру, в язычество восточнославянских племен и этнических групп, населявших европейскую часть территории дохристианской Руси. Зародившись в самой примитивной форме много тысячелетий назад, песня неуклонно развивалась, эволюционировала в лоне народной художественной культуры, в тесной связи с языком народа, его мышлением, историей, бытом, что неиз-

менно находило отражение и в напевах, и в текстах песен. «Городом я шла зарею, ко двору пришла тучею, к воротам бурею. Ударила в ворота золотою стрелою». А потому-то так справедливо утверждение Л.В. Кулаковско-го: «песни, созданные народом, отнюдь не примитив, но результат весьма длительной эволюции, многих тысячелетий непрерывного развития» [7, с. 5].

О наличии песни как первобытной формы фольклора у наших далеких предков свидетельствуют многие данные, в частности, языческие памятники, из которых следует, что русы, жившие родами, «в песнях воспевали возле костров вечерних о древней славе нашей, о священных реках наших, где города отцы наши имели и эту землю оставили и в другую землю ушли, которую мы с времен тех держим, и как в древности было – округа наши, города и огневища на новой земле создали» [9, с. 24]. Уже в период образования восточных славянских племен распространенными были игрища и обряды, сопровождаемые хороводами под «алилешные» песни, подтверждение чему находим в одном из первых документов Древней Руси: «Устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними» [10, с. 21]. Отголоски северянских «игрищ межю селы» ясно просматриваются и сегодня в бытующих на Белгородчине (Яковлевский, Прохоровский районы) песнях, где дается конкретное описание умыкания невесты: «Город завоевавши, деревню разоривши, Татьянушку взявши»; «Были, были да поехали, меня младу да покинули, а я млада завоевана»; «Ой, да мы походим, мы пойдём, да белую Марьюшку ши да возьмем». Подтверждение факту умыкания невесты находим и у А. Терещенко, который, анализируя брачные отношения древлян, пишет: «Молодые люди обоюго пола сходились на игры между селениями, плясали и пели бесовские песни, потом уводили с собою невест» [15, с. 317]. Авторские музыкально-этнографические исследования на территории современной Белгородской области в период 1970–2014 гг. позволили нам выявить рудименты ряда этих обрядов в Белгородско-Курском и

Белгородско-Воронежском регионах. Наиболее отчетливо они проявились в традиции межсельских игр, плясок, вождения танков и карагодов на «гранях»: «...А нам надо девушку, девушку, ой, дид-ладо, девушку, девушку. Лови, лови, волче, сераю гусыню за белаю шейку»; *Селезень утицу загонял, селезень серу загонял...*». Эти песни отражают свое время – время раннего христианства – и несут на себе его приметы. На наш взгляд, важно отметить развитость социальной организации и практический смысл подобных игрищ, которые не могли появиться в одночасье, а значит, имели длительную предысторию.

Стремление древних людей в ярком выразительном образе запечатлеть и передать другим свои наблюдения, мысли и чувства о наиболее важном, существенном в их трудовой жизни вело к возникновению разнохарактерных музыкально-поэтических и песенных произведений, как-то: трудовые припевки и выкрики, заклинания стихийных сил и явлений природы (солнца, дождя, мороза), трудовые и обрядовые песни. Для более легкого усвоения этих музыкально-поэтических произведений им придавалась складная ритмически упорядоченная форма, обычно в соединении с напевным интонированием, с более или менее развитым песенным началом. В песенном творчестве русского народа до настоящего времени сохранились песенные жанры, непосредственно связанные с трудовой деятельностью, с ритмом трудовых процессов. Это особого рода трудовые припевки, сопровождающие некоторые виды наиболее тяжелых артельных работ (передвижка бревен, рубка леса), не имеющие развитого словесно-музыкального текста, основанные на традиционных трудовых возгласах («Раз-два, взяли», «Раз-два, двинули», «Ух!»). Однако именно такие припевки дают нам представление и о древнейшей песенной традиции, имеющей форму напевно интонируемого речевого выкрика, призыва-возгласа, призыва-восклицания. Более того, с течением времени из таких простейших трудовых возгласов и небольших трудовых припевок песенного типа сформировались мелодически и поэтически весьма развитые трудовые песни: «Дубинушка», «Эй,

ухнем», «Во всю-то ночь мы темную» (артельные, бурлацкие – «лямочные»).

К числу древнейших по происхождению песен восточных славян относятся и различные виды земледельческих песен годового круга (так называемых «календарных»), исполняемых в определенное время года, иногда даже в строго определенное число. Главная тема в песенном творчестве древних восточных славян – земледельческий труд и те явления природы, от которых зависела успешность труда: «Казарики, казарики, нате вам гнездышко, а нам дайтея летушка»; «Ой, кулики, жаворонушки, прилетайте к нам у одонушки...»; «Дождик, дождик, припусти, а я сяду под кусты. Богу молиться, Христу поклониться».

Научные изыскания этнографов, фольклористов дают основание утверждать, что первоначально архаическая песня, отразившая коллективное бессознательное, стала впоследствии ярким, поэтическим воплощением «языческой романтики» (Б.А. Рыбаков), мировоззрения человека дохристианского космоса, подчиненного законам земледельческого цикла и зависимого от многочисленной плеяды богов славянской мифологии и прочих существ ритуальной праздничной обрядности: «За дижою сижу, питярнею возу. Свят, свят вечер (из подблюдной песни); «Мороза, мороза, ходи к нам в хату кутью есть! А в летку не приходи, под корень сховайся. А станешь морозить, станем тебя кнутом сечь!» (из обряда «гукания Мороза); «Ой, каледа, мы тебе подарим, коня с седлом, с золотой уздой. Твоему сыну сераю гусыню». А дочери сундук с добром, с золотым замком» (из песни-колядки).

Таким образом, мы находим подтверждения тезису, что основой русской традиционной песенной культуры в архаический период становится мифология, что не противоречит общеевропейским канонам объяснения синкретичной природы поэзии, всего художественного творчества.

Уже в прафольклорный период песня является неотъемлемым, гармоничным истоком зарождающейся культуры, подтверждение чему находим в отразившей легендар-

ную историю древних славян (при всей неоднозначности ее аутентичности) «Велесовой Книге»: «Мы начинали, великую славу Ему [Триглаву] воспевали, Сварога-Деда богов восхваляли» [2, с. 64]; «<Свентовита> пляшущего мы воспевали, к нашему Богу зывали мы» [2, с. 65]; «... Магура поет песни свои к сече...» [2, с. 72]; «Матерь Сва славу поет нам, чтобы мы воспевали походы на врагов» [2, с. 69]; «имели мы в тот день игрища перед очами старших: и силу юноши показывали, они быстро бегали, пели и плясали» [2, с. 76]; «и поет птица Матерь Сва нам, чтобы мы подняли мечи свои на защиту свою <...> И на этой земле – враги, и она бьет их, «она сражается за нас» [2, с. 77]; «Матерь Сва поет над нами, и должны мы стягом нашим дать трепетать на ветру, а коням нашим – скакать по степям» [2, с. 79].

Выделившись, согласно учению Аристотеля, из протоплазмы хорических действий, песня сохраняет свое синкретическое, словесно-музыкальное начало, постепенно усложняя жанровую систему и содержание, но не отказываясь от ведущих мифологических образов, мотивов и сюжетов. В результате глубочайшего проникновения человека в таинство окружающего мира, единения человека и природы, мать-сыра земля, Вода, Небо, Солнце, Огонь, Ветер, Конь, Дерево (как воплощения судьбоносных сил) и другие стихии, предметы, животные, растения и по сей день сохраняемы в песнях («Расступися, мать-сыра земля»; «Ясная волнушка вставая, конь под Иваном играя»). О глубинных мифологических истоках народной песни свидетельствует традиционное обращение в словесно-музыкальных произведениях к Ладу, Ладе, Леле – покровителям мира, благополучия, любви, процветания, в которых, согласно вторичному источнику, «мняше себе добро, веселие и любезно житие стяжати... поюще: Ладю, Ладю!.. руками плещуще и о столь биюще, воспевают» [6, с. 340], что нашло отражение и в многочисленных песенных образцах («Как на поле, на поляне, ладу, ладу. Как на поле, на поляне душель мая»; «В лузю, лузю, да в зеленом, ладу, ладу. В лузю, в лузю да в зеленом, душель мое»). Постепенно песня, рожден-

ная мифом, «чудесной в словах данной личностной историей» (А.Ф. Лосев), помимо заклинательно-магической функции начала выполнять и другие: познавательную, выразительную, художественную, апеллятивную, контактно-устанавливающую, – которые, в итоге, снискали самой песне доминирующую роль среди других жанров народного художественного творчества, а ее исполнителям (как мифологическим героям: античному Орфею, силой пения усмирявшему диких зверей и переносившему горы, древнеславянскому Велесу, научившему людей высокому искусству поэзии, а также вещим птицам Сирину, Алконосту, Гамаюну, Диву) – отражение в памятниках народной словесности.

Христианизация Руси – далеко не однозначное явление для народной песни, корни которой уходят в язычество, а потому она сохраняет его могучее влияние, постепенно включаясь в новую религиозно-духовную систему. Языческие корни, по мысли М.С. Жирова, «первая и основная примета в развитии архаичной песни, связанной с эпохой земледельческого календаря» [3, с. 12], поэтому главной темой песенного творчества древних восточных славян является земледельческий труд, земля-матушка, «земелюшка-чернозем, ходи тучно, чернозем» (из хороводной песни). Бесспорно, христианизация Руси – переломный и важнейший этап в развитии русской народной песни, когда древняя земледельческая поэзия находит продолжение в формировании нового полирегионального образования – архаического фольклора, органично воплотившего в себе культуру языческого мира и новую религиозную идеологию, которые, в частности, нашли отражение в ряде архаичных песенных жанров. Так, к примеру, в колядках, приход Коляды, Овсеня (мифологических персонажей) сопровождается шествием трех «братцев» (Рождество Христово, Василь Косарецкий, Крещение Христово) – христианских образов.

Образцы зафиксированных в регионе архаичных песен-пожеланий также свидетельствуют о наличии в них элементов языческой и православной культуры, а перевоплощение колядующих по окончании песни-коляд-

ки в «наседок»: «Квох, квох, выведу тридцать двох, и чтоб ни один не сдох» – на наш взгляд, напрямую связано с древними магическими закличаниями, так как содержит в себе образы-символы плодородия [4, с. 22]. В традиции «сеять из рукава» зерна овса, ржи, пшеницы, гречихи в «Красный» угол избы (под образа) под обрядовые песни: «Со скотом, с животом, со пшеничкой и овсом», «Торох, торох, зароди, Бог, горох, жичку, пшеничку, ячмень, гречичку»; похлестывать для здоровья освященной вербной веточкой детей: «Верба-хлест! Бей до слез! Вставай, умывайся, красным коком разговляйся»; в выпечке обрядовых лестничек, подбрасывании их в поле вверх, под песенку: «Дай, нам, Боже, много тоже ржи, пшеницы, конопицы!»; в «окликании» Егория холодного, почитаемого в народе как хранителя домашних животных: «На нас, православных, оглянись, скотинушку обереги от стужи холодной и зверя лютого», – свидетельства близости в народной поэтике языческих божеств и святых христианского пантеона.

Резюмируя, скажем: есть все основания констатировать, что с начала второго тысячелетия, когда окончательно сформировалось русское крестьянство как основная часть общества, дальнейшее развитие русской песенности было тесно связано с крестьянским фольклором: мифами, обрядами, ритуалами, празднествами.

Каждая последующая эпоха вносила определенные перемены в жизнь русского человека, что, в свою очередь, накладывало отпечаток и на русскую народную песню. Облик ее существенно менялся: отмирали и зарождались новые жанры песенного фольклора, обогащался музыкально-поэтический язык песни, расширялся круг сюжетов, поэтических образов, музыкально-выразительных средств, менялись формы бытования фольклорной песни. Народное песенное творчество наполнялось новым содержанием. Так, эпоха Киевской Руси (период русского средневековья) подарила потомкам великолепные образцы героического эпоса: сказы, былины, баллады о подвигах русских богатырей, о доблести простого воина.

Другим магистральным направлением развития русской народной песни можно считать процесс этнокультурного синтеза – восприятия и переработки на русской почве различных этнических традиций. Этнокультурное взаимодействие происходило как по историко-религиозной линии «язычество – христианство», так и по этно-горизонтальной – между различными этническими образованиями и группами, проживающими на территории современных славянских государств. Память о «севрюках» сохранилась, к примеру, в южнорусском песенном фольклоре («Не честь, не хвала сватова, прислал мужика-севрюка. Не умеет мужик говорить, не умеет мужик челом бить...»).

Опираясь на данные исследований Р.И. Иванесова, Л.Ф. Бузника, М.С. Жирова, Д.К. Зеленина, В.М. Щурова, можно утверждать, что родственность русского языка белорусскому и украинскому – это прежде всего результат общности происхождения трех восточнославянских языков, а не результат их взаимовлияния. Справедливость этой точки зрения находит подтверждение в сравнении песенного фольклора трех славянских народов, «костяком» напева которого является стих с устойчивой цезурой, организующий ритмику и логику мелодического развития музыкально-поэтической строфы» [16, с. 44]. Для нас весьма важны и выводы о том, что «точная граница может быть проведена только между великоруссами и малоруссами в тех местах, где и те и другие – поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия» [13].

Бытовавшая на территории края и выражающая народное представление о сословной иерархии русская народная песня формировалась не только как полиэтническое, но и как полисоциальное явление, воплощенное в текстах песен («...сам помещик, сам крестьянин, сам холоп и сам боярин...»). Принципиальное значение в данном контексте имеет заключение Н.М. Лопатина: «Народная песня в пору расцвета народного творчества создавалась не исключительно простонародьем, в иных народных песнях видны следы образования в среде боярской, в среде военнорусских людей» [8, с. 66]. Вместе с тем, создателем, носителем и хранителем русской пес-

ни было, главным образом, основное народонаселение, в классический период развития фольклора – преимущественно крестьянство, которое и сформировалось как сообщество благодаря фольклору [12, с. 18]. А.И. Арнольд обобщает: «Социокультурная структура деревенской Руси была традиционно устойчивой <...> семьи были сложными семьями старого типа с сильнейшими пережитками бытовой патриархальности <...> семья выполняла все основные культурные функции: она была производственной ячейкой; члены семьи сами производили для себя все, что необходимо для жизнеобеспечения; во многом она заменяла школу; в семье профессия и мировоззрение передавалось по традиции; она была ядром социальной организации и контроля, ибо представляла собой общность, находящуюся под контролем общественного мнения окружающих; жизнедеятельность ее членов регулировалась обыденным правом (нравы, обычаи)» [1, с. 244].

Однако некоторые ученые не разделяют точку зрения о необходимости поисков первичных истоков фольклора исключительно в крестьянской среде. Справедливо утверждение В.Я. Проппа: «Фольклор имелся раньше, чем на исторической арене вообще появилось крестьянство» [11, с. 18]. В этой связи весьма интересно замечание музыковеда Ю.В. Келдыша о том, что на начальных этапах культуры фольклор (в том числе песенный) в его многообразных формах и проявлениях захватывал обширную сферу жизни, а его удельный вес в художественной культуре, например, средневековья, был значительно выше, чем в системе искусств нового времени.

Появление в связи с бурным развитием городов других социальных групп, динамичное расслоение населения, насаждение прозападных духовных ценностей, расцвет профессионального светского искусства и другие явления нового времени способствовали зарождению новых творческих течений. Свой песенный фольклор возникает в среде рабочих, солдат, интеллигенции, мещан, купцов, студентов и города в целом. Следует подчеркнуть, что все эти новообразования песенного фольклорного творчества имели немало

общего, так как сформировались на основе крестьянской песни, питаясь ее многовековыми традициями. Например, крестьянская песня послужила сюжетно-образной основой для создания песен рабочих. Лирической протяжной крестьянской песне своим происхождением обязан и русский романс.

На основе всего вышеизложенного можно констатировать, что русская народная песня имеет конкретно-историческую окраску и конкретно-исторический смысл: сакральный, ритуальный, эстетический, прагматический. В границах исторических эпох возникали фольклорные парадигмы, или волны, связанные с конкретными историческими событиями. Песенный фольклор имел свои особые закономерности возникновения, расцвета, затухания, включения в культуру.

В свою очередь, современные течения музыкально-песенного фольклора, со временем обретая самостоятельность, в той или иной мере влияют на традиционное песенное творчество. В тематику и содержание народных песен проникали и проникают новые сюжеты и образы из литературных источников. В народе создавались песни на стихи любимых поэтов: К.Д. Бальмонта, М.Ю. Лермонтова, Д.В. Давыдова, В.А. Жуковского, А.В. Кольцова, А.С. Пушкина и др.

Таким образом, картина общего состояния традиционной песенной культуры во все времена была не только мозаичной в историко-стадиальном отношении, но и весьма неоднородной в плане этно-религиозном, нравственно-эстетическом и художественном. Основные черты, параметры и характеристики этой картины сохраняются и в начале XXI в., естественно, с учетом современной социокультурной, политической и экономической ситуации в России. Тем не менее, в связи с уходом из жизни знатоков и хранителей народной песни есть опасность «потерять» целые пласты традиционного песенного фольклора, имеющего архаичные корни (календарные, семейно-бытовые, исторические, протяжные, лирические и т. д.). В контексте сказанного особую научную значимость приобретают полевые, фольклорно-этнографические материалы исследователей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольдов, А.И. Введение в культурологию. М.: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. 349 с.
2. Велесова Книга // Хрестоматия по истории русской культуры. М.: Издательский центр АЗ, 1996. С. 64-79.
3. Жиров, М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 310 с.
4. Жиров, М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры в современных социально-культурных условиях: дис. ... д-ра пед. наук; МГУКИ. М., 2001. 479 с.
5. Каргин, А.С. Народная художественная культура: курс лекций. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 1997. 288 с.
6. Коринфский, А.А. Народная Русь. Смоленск: Фирма «Русич», 1995. 648 с.
7. Кулаковский, Л.В. Песня, ее язык, структура, судьбы: на материале русской и украинской народной, советской массовой песни. М.: Советский композитор, 1962. 342 с.
8. Лопатин, Н., Прокурин, В. Русские народные лирические песни. М.: Музгиз, 1956. 458 с.
9. Пассек Т.С. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна // Советская этнография. 1947. Вып. 6-7. С. 14-38.
10. Повесть временных лет: ч. 1-2 / под ред. В.П. Андриановой-Перетц. М.; Л.: Наука, 1950.
11. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избр. статьи; АН СССР; Ин-т востоковедения. М: Наука, 1976. 325 с.
12. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 457 с.
13. Соболевский, А.И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907.
14. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 4-е. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с.
15. Терещенко, А.В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 2001. 507 с.
16. Щуров, В.М. Южнорусская песенная традиция. М.: Советский композитор, 1987. 312 с.

REFERENCES:

1. Arnoldov, A.I. Introduction to the Cultural Studies. Moscow: Narodnaya akademiya kulturey i obschechelovecheskikh tsennostey. 1993. 349 p.
2. The Book of Veles. Readings on the History of Russian Culture. M.: Publishing Center AZ. 1996. Pp. 64-79.
3. Zhirov, M.S. Regional System of Preservation and Development of Folk Art Culture Traditions. Belgorod: Publishing House of BSU. 2003. 310 p.
4. Zhirov, M.S. The Regional System of Preservation and Development of Traditional Folk Art Culture in Modern Social and Cultural Conditions. Doctoral diss., Moscow State Institute of Culture. 2001. 479 p.
5. Kargin, A.S. Folk Art Culture: Lectures. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 1997. 288 p.
6. Korinfskiy, A.A. The Folk Rus'. Smolensk: «Rusich». 1995. 648 p.
7. Kulakovskiy, L.V. The Song, Its Language, Structure and Destiny: On a Material of Russian and Ukrainian Folk Songs and Soviet Mass Song. Moscow: Sovetskiy kompozitor. 1962. 342 p.
8. Lopatin, N., Proskurin, V. Russian Folk Song Lyric. Moscow: Muzgiz, 1956. 458 p.
9. Passek T.S. On the Question of the Ancient Population of the Dnieper and Dniester Basin. Sovetskaya etnografiya. Issue 6-7. 1947. Pp. 14-38.
10. The Tale of Bygone Years: in 2 parts. Ed. by V.P. Andrianova-Perets. Moscow; Leningrad: Nauka. 1950.
11. Propp, V.Ya. Folklore and Reality: Selected Articles. Moscow: Nauka. 1976. 325 p.
12. Putilov, B.N. Folklore and the Folk Culture. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2003. 457 p.
13. Sobolevskiy, A.I. Russian People as the Ethnographical Whole. Kharkov, 1907.
14. Soviet Encyclopedic Dictionary. Ed. by A.M. Prokhorov. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Entsiklopedia. 1987. 1600 p.
15. Tereschenko, A.V. The Mode of Life of the Russian People. Moscow: Russkaya kniga. 2001. 507 p.
16. Schurov, V.M. The South Russian Song Tradition. Moscow: Sovetskiy kompozitor. 1987. 312 p.

АРХИВ

Пенской В. В.

НАРВСКАЯ «КОНФУЗИЯ»:
ВЗГЛЯД СО ШВЕДСКОЙ СТОРОНЫ**Пенской Виталий Викторович,***доктор исторических наук, профессор*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 3018015, Россия; E-mail: penskoy@bsu.edu.ru*Vitali V. Penskoy***THE NARVA CONFUSION:
A VIEW FROM THE SWEDISH SIDE****Penskoy Vitali Victorovich***Doctor of Historical Sciences, Professor*Belgorod National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Нарвская кампания 1700 г. и сражение под Нарвой 19 (по юлианскому календарю) / 20 (по принятому в Швеции начала XVIII в. летоисчислению) / 30 (по григорианскому календарю) ноября 1700 г. открыли для России и русской армии новую страницу в истории как русского государства, так и общества. Сам Петр, подводя позднее итоги этой неудачной для русских кампании, писал, что «сия победа [шведов – В. П.] в то время зело была печально чувственная, и яко отчаянна всякия впредь надежды, и за великий гнев божий почитали». Однако, продолжал далее царь, «ныне, когда о том подумать, во истину не гнев, но милость божию исповедати долженствуем, ибо, ежели б нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискустве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую б беду после нас оное щастие вринуть могло». А так «сие нещастие (или лучше сказать великое счастье)» (размеры которого, впрочем, были сильно преувеличены Карлом XII и его симпатизантами при европейских дворах – В. П.), по сло-

вам Петра, способствовали тому, что «неволя леньность отогнала и к трудолюбию и искусству день и ночь принудило»¹.

Именно эти слова Петра I стали лейтмотивом изучения истории нарвской кампании и сражения под Нарвой в ноябре 1700 г. в отечественной историографии. Петр своей «Гисторией Свейской войны» заложил и тот фундамент, ту тональность, на которых основывалась позднее вся российская историческая и военно-историческая мысль, рассматривая события ноября 1700 г. как трагический, но необходимый урок. Он резко ускорил ход петровских преобразований и в конечном итоге сделал возможной победу под Полтавой в 1709 г. и превращение России в империю в 1721 г. после заключения Ништадского мира, успешно закончившего «трехвременную школу» Северной войны.

Истории осады Нарвы осенью 1700 г. и сражения 19/20/30 ноября 1700 г. посвящено немало исследований – как отечественных,

¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 209.

так и зарубежных.¹ Однако, несмотря на то, что изучение истории нарвской кампании имеет давние традиции, сказать, что она, эта история, написана и в ней нет больше белых пятен или спорных моментов, нельзя. Новым поколениям исследователей есть еще что сказать.

Предлагаемый перевод письма графа К. К. Вреде, вице-гофмаршала шведского короля Карла XII, участника (как следует из текста послания) сражения под Нарвой, интересен для нас, российских исследователей и читателей, не только тем, что расширяет источниковую базу изучения истории нарвской кампании 1700 г. (что особенно ценно, если принять во внимание тот факт, что основной массив документов по ней до сих пор не опубликован. Это касается прежде всего документов русского командования, которые

были захвачены шведскими войсками в русском лагере и, по всей вероятности, должны находиться в шведских архивах), но и тем, что позволяет взглянуть на само сражение и события, предшествовавшие ему, с «той» стороны. Ценность сведений, сообщаемых в письме, только возрастает по той причине, что оно было написано, как следует из датировки, по горячим следам и носит личный характер.

Перевод письма на русский язык сделан впервые. Автор перевода – А. Г. Чередниченко, автор вводной статьи, комментариев и общей редакции перевода – В. В. Пенской. Текст перевода для удобства разбит на абзацы, в квадратных скобках приведена нумерация страниц в источнике, откуда был взят оригинал (номер страницы предшествует тексту).

Вслед за текстом перевода публикуется оригинальный текст письма.

---

¹ Официальный взгляд российской историографии на нарвскую кампанию 1700 г. отражен, к примеру, в изданной в Москве в 1987 г. «Истории Северной войны. 1700-1721 гг.», из зарубежных – в минувшем году был выпущен перевод 1-й части работы шведского Генерального штаба, посвященный начальной фазе Северной войны (Походы Карла XII. Т. I. Зеландия и Нарва. М., 2014).

Рис. 1. План битвы под Нарвой. Гравюра неизвестного автора, отпечатанная Питером Мортье в 1702-1703 гг. в Амстердаме. Из фондов Государственного музея (Амстердам)¹.

Fig. 1. Plan of the Battle of Narva. Engraving printed in 1702-1703 by Pieter Mortier in Amsterdam. Unknown artist. The State Museum (Amsterdam)

¹ https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Battle_of_Narva_1700.jpg

Перевод А. Г. Чередниченко;
комментарий и общая
редакция В. В. Пенского

**ГРАФ КАРЛ ВРЕДЕ¹ – ОТЦУ²,
24 НОЯБРЯ 1700 ГОДА ИЗ НАРВЫ**

Чередниченко Андрей Геннадьевич, кандидат филологических наук,
Ответственный секретарь Болгарского информационного культурно-просветительского центра
ОО «Местная национально-культурная автономия болгар городского округа Феодосия Республики Крым»
ул. Кирилла и Мефодия, 2/2, пгт Коктебель, г. Феодосия, Республика Крым, 298186, Россия
E-mail: tcherednitchenkoag@mail.ru

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 3018015, Россия; E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Translated by
Andrey G. Cherednichenko,
edited by Vitali V. Penskoy

**COUNT KARL WREDE TO HIS
FATHER, NOVEMBER 24, 1700
FROM NARVA**

Cherednichenko Andrei Gennadievich,
PhD in Philology, Executive Secretary of the Bulgarian Cultural and Educational Resource Center
of PO “The local national-cultural autonomy of the Bulgarians of the city of Theodosia of the Republic of Crimea”
2/2 Cyril and Methodius St., Koktebel, Theodosia, the Republic of Crimea, 298186, Russia
E-mail: tcherednitchenkoag@mail.ru

Penskoy Vitali Victorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Belgorod National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

¹ Автор письма, граф Карл Каспар Вреде родился в 1673 г., камергер (1695) и вице-гофмаршал (1699) шведского короля Карла XII. Происходил из старинного вестфальского рода, одна из ветвей которого утвердилась в Лифляндии. Прапрадед Карла, Каспар фон Вреде, был гоф-юнкером предпоследнего ливонского магистра В. фон Фюрстенберга; прадед, ротмистр Генрих Вреде, прославился тем, что в несчастном для шведов сражении с поляками при Кирхгольме в 1605 г. спас короля Карла IX, отдав ему своего коня (сам Генрих был убит). Вскоре после описанных в письме событий, 1 января 1701 г., Карл фон Вреде умер в Лаисе, небольшом эстляндском городке, где после победы под Нарвой располагалась штаб-квартира Карла XII.

² Адресат письма – отец Карла, граф Фабиан фон Вреде (1641-1712), сын капитан-лейтенанта, барона (с 1653 г.) Каспара Вреде (1606-1667). Сделал блестящую карьеру, был губернатором Выборга, президентом камер- и коммерц-коллегий и редуционной комиссии в Лифляндии, а затем государственным советником, и за оказанные шведской короне услуги в 1697 г. был возведен Карлом XI в графское достоинство, обеспечив тем самым своему сыну Карлу хорошие стартовые позиции.

Монсеньор! Я не хочу опоздать, мой дорогой отец, поставить вас в известность о великой победе, которую наш король только что одержал над москвитями, хотя время не позволяет мне описать вам все обстоятельства сразу.

Вся наша армия свернула лагерь 13 числа сего месяца при Везенберге¹, как я имел честь тогда оповестить вас: первый лагерь был у Махольма², второй – у Хакехоффа³; до этого там

¹ Везенберг – город и замок, известный в русских летописях как Раковор. Ныне – эстонский город Раквере.

² Махольм – вероятно, современный Маху, населенный пункт в северо-восточной Эстонии (уезд Ляэне-Вирумаа) к северу от Везенберга.

³ Хакехофф (Гакгофф), современный Аа – населен-

еще москвиты сожгли несколько домов, но потом до самой Нарвы все было обращено в пепел, так что мы всегда размещались в палатках в разгар компании, в которых мы переносили в первые дни великий холод, а в последние дни постоянный дождь, еще более докучливый, чем холод; между тем, мы предприняли множество очень сложных маршей и переходов [179], особенно к Пигайоки⁴, где мы организовали наш третий лагерь; генерал мо-

ный пункт в северо-восточной Эстонии (уезд Ида-Вирумаа).

⁴ Пигайоки (Пюхайоги, Пюхайоги), современный Пюхайюэ – населенный пункт в северо-восточной Эстонии (уезд Ида-Вирумаа) в 40 км от Нарвы.

сковитской кавалерии, именуемый Шер Мето [Шереметев – А. Ч.]¹, занял этот пост с 4000 или 5000 всадников с намерением сдержать наше наступление, часть их была отправлена на наш берег в поисках фуража, но они сразу были замечены нашим авангардом, состоявшим из 900 всадников, и отступили на другой берег реки; наш авангард взял пост на реке. Несколько раз москвиты с большим криком изображали намерение атаковать, но, так как в ответ на это наши драгуны палили из мушкетов, они отступили; тем временем, вперед были выдвинуты несколько артиллерийских орудий и в сумерках открыли огонь по ним, когда они там перестраивались. Ряды неприятеля смешались, и они бежали, не останавливаясь, до самого своего лагеря под Нарвой, куда они принесли великий ужас.

Мы были слишком уставшими, чтобы их преследовать, и потом мы организовали еще

два других лагеря, у Силламегги² и у Лагена³, владения моей тети. Наконец, утром 20 ноября мы выступили из Лагена и прибыли около 11 часов утра на возвышенность около Нарвы, называемую Хермансберг, где вся армия построилась в боевой порядок; был дан пароль: “Medh Guds hielp”⁴. Укрепления врагов находились у подошвы этой высоты, на которой мы установили нашу артиллерию, и, открыв канонаду, она дала сигнал к атаке на их лагерь; ответный огонь неприятеля был неэффективен, и мы не обращали на него внимания. К 2 часам после полудня началось наступление: полк гвардейцев⁵ на правом фланге и далекарлийцы⁶ с Вермландским⁷ и Хельсингландским⁸ полками на левом; они ударили

¹ Борис Петрович Шереметев (1652–1719). Сын боярина П.В. Шереметева. Стольник (1665). Военную карьеру начал в годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. В 1679 г. «товарищ» воеводы Большого полка князя М. Черкасского. С 1681 г. руководил Тамбовским разрядом (военно-административным округом). В 1682 г. пожалован в бояре. В 1685–1686 гг. участвовал в заключении «Вечного мира» с Речью Посполитой, а затем в переговорах по присоединению России к антиосманской коалиции. По возвращении в Россию в 1687 г. поставлен во главе Белгородского разряда, командуя полками которого, принял активное участие в русско-турецкой войне 1687–1700 гг. (так, в 1695 г. успешно действовал в низовьях Днепра). С 1697 по 1699 гг. в заграничном путешествии, мальтийский кавалер. В кампанию 1700 г. «главный командир» нерегулярной конницы, на военном совете накануне сражения рекомендовал герцогу де Кроа, который командовал русскими войсками под Нарвой, принять бой в поле, не отсиживаясь за укреплениями, но совет Шереметева не был принят, и русские потерпели поражение. После Нарвы Шереметев был назначен командующим русскими войсками на лифляндском направлении. За победу над шведами под Эрестфером в январе 1702 г. пожалован в генерал-фельдмаршалы и кавалеры ордена св. Андрея Первозванного. После неудачного для русских исхода сражения под Гемауэртгофом в августе 1705 г. карьера Шереметева пошла на спад, и активного участия в Северной войне он уже не принимает, после Полтавы фактически находится не у дел. С 1717 г. в отпуске по болезни.

² Силламегги (Силламяги) – местность в 25 км к западу от Нарвы, где в описываемое время находилась переправа через реку Сытке и мельница, а сегодня – город Силламяэ.

³ Лагена – ныне Лаагна, населенный пункт в северо-восточной Эстонии в 10 км от Нарвы.

⁴ «Да поможет нам Бог!» (шведский).

⁵ Гвардейский полк – речь идет о полке королевской пешей лейб-гвардии (Kunglig Majestäts Livgarde till fot). Свою историю ведет с 1521 г., когда будущий король Швеции Густав Васа обзавелся личной охраной. С 1618 г. развернут в полк (Hovregementet/Drabantregementet, дворцовый полк, полк телохранителей), с 1655 г. переименован в полк королевской конной и пешей лейб-гвардии (Kunglig Majestäts Livgarde till häst och fot). С выделением в 1700 г. из его состава корпуса драбантов (Drabantkåren, Kunglig Majestäts drabanter) стал называться полком королевской пешей лейб-гвардии. Элитная часть шведской армии.

⁶ Далекарлийский пехотный полк (Dalregementet) – один из старейших полков шведской армии. Был сформирован как рота (fänikor) в 1542 г. В 1615 г. вошел в качестве отдельного «полевого» полка (Dalregementet) в состав Уппландского «земельного» полка (Upplands storregemente). При реорганизации шведской армии в 1634 г. вошел в число 20 пехотных полков королевской армии. Считался элитной частью шведской армии, своего рода неофициальной гвардией.

⁷ Нерке-Вермландский пехотный полк (Närke-Värmlands regemente) – возник в середине XVI в. как рота (fänikor), набираемая в провинциях Вермланд и Далсланд. В 1614 г. рота вошла в состав «земельного» полка, набираемого в провинциях Нерке, Вермланд и Зюдерманланд. Как отдельный полк существует с 1624 г. При реорганизации шведской армии в 1634 г. также вошел в число 20 пехотных полков королевской армии.

⁸ Хельсингский пехотный полк (Hälsinge regemente) – сформирован как рота (fänikor) начале 50-х гг. XVI в., в 1615 г. вошел в Норрландский «земельный» полк (Norrlands storregemente), с 1630 г. полк Якоба Браге, в 1634 г. переименован в Хельсингский пехотный полк и вошел в число 20 пехотных полков королевской армии.

одновременно и прорвали укрепление, которое было усилено расположенным перед ним рвом и которое москвиты упорно обороняли; когда наши прорвались, вперед двинулась кавалерия: король сам с гвардейским корпусом¹ шел впереди; ошеломленных и потрясенных москвитов гнали со всех сторон, убивая их в огромном количестве, они попытались спастись на мосту, который соорудили на реке, но он разрушился, и они отчаянно отбивались.

Мы убили множество храбрецов, а еще более, 1200 или 1500, их утонуло в реке. Значительная часть москвитов отступила во второе укрепление, где они возвели нечто вроде форта, наши люди несколько раз пытались взять его, но они отбили атаки. Тем временем наступила ночь, и мы вынуждены были оставаться каждый на своем месте из опасения дезорганизации и боязни начать стрельбу по своим [180], как это уже случалось, поскольку финны несколько раз уже открывали огонь по нашим людям вместо того, чтобы стрелять по врагам. Москвиты возвели в лагере множество больших укреплений, но у нас были лучшие в мире солдаты, и после множество атак и стычек они стали подавать сигналы трубой. Они согласились оставить укрепления, которыми владели, так как король пообещал им пощаду как храбрым воинам, и отступить со своей армией и двумя пушками, но теряя свой обоз. Как только это было сделано, генерал-майор Поссе² выступил с 3 батальонами гвардейцев, чтобы собрать их имущество; при этом было обнаружено, что до 1000 оставшихся от полка, называемого Доброзинским³, собрались вместе со старшими

офицерами москвитов в форту; еще 700 человек сидели в редутах вокруг города и 2000 рассеяны по лагерю. Все они должны были действовать вместе со всей их армией. Однако я вовсе не думаю, что укрывшиеся в форту были готовы к этому, так как одни отступали организованно, другие же не только были полностью разоружены, но большая их часть даже была раздета финнами⁴, которые нападали и убивали беспощадно всех, кто не ушел: я думаю, что им нет равных в грабеже, даже наши собственные люди спасались от них, но против врагов они не воевали столь же отчаянно, и в этом случае тоже.

Многие главные генералы и офицеры москвитов, которые были в форте, сдались на свою беду и явились в наш лагерь, в то время как их отряды переправлялись через реку. Тем временем утром пришло известие, что в брошенном лагере оказалось 300 000 экю наличными деньгами, принадлежавших Царю: так как это в силу капитуляции должно было остаться в руках победителей, русских расспросили о происхождении этих денег. В начале они хотели отрицать, что у них что-либо есть, но потом они поспешили сознаться в наличии только 32 000 рублей, которые они уже переправили на другой берег реки; за ними послали офицера, и он их вернул. Но так как этого было недостаточно, то их арестовали и доставили в город Нарву, где с ними, однако, обходились вежливо, они – это комиссар-генерал армии Долго-

¹ Гвардейский корпус – знаменитые драбанты Карла XII. Корпус драбантов (королевских телохранителей) ведет свое начало от личной охраны Густава Васы (см. выше в примечаниях). Как отдельная часть (Drabantkåren) существует с 1700 г. Элита шведской гвардии.

² Кнут Йоранссон Поссе (ок. 1645–1714), сын подполковника, коменданта (с 1675 г.) Кристиансада Йорана Юханссона Поссе (1620–1686). Барон, полковник полка королевской конной и пешей лейб-гвардии (Kunglig Majestäts Livgarde till häst och fot) (1696), генерал-майор пехоты (1700), командир полка Королевской пешей лейб-гвардии (Kunglig Majestäts Livgarde till fot).

³ Неясно, о каком русском полке идет речь. Среди русских полковников под Нарвой нет ни одного, чья фамилия подходила бы под это слово. Вероятно, К. Вреде искажил название лейб-гвардии Преобра-

женского полка, который, правда, оборонялся в Вагенбурге на правом фланге русского расположения. Форт, о котором идет речь в этом письме – укрепление в центре русских позиций (см. план сражения), который защищался полками «генеральства» новгородского губернатора князя И.Ю. Трубецкого (см. ниже) – солдатскими Р. Брюса и И. Кулома, стрелцкими новгородскими полками З. Вестова, М. Баишева и псковскими Ю. Вестова и В. Козодавлева.

⁴ Очевидно, речь идет о солдатах сводного финского полка (Finskt regemente) генерал-майора Георга Юхана Майделя, составленного осенью 1700 г. из рот, переброшенных весной 1700 г. в Ригу из Финляндии, – Абосского (Åbo läns infanteriregemente), Тавастхусского (Tavastehus regemente), Бьернеборгского (Björneborgs regemente), Саволакского (Savolax regemente), Ниландского (Nylands infanteriregemente) и Выборгского (Viborg läns infanteriregemente) пехотных полков.

рукий¹, генерал Головин², генерал-[181]фельдцейхмейстер Трубецкой³ и многие принцы и

¹ Яков Федорович Долгорукий (Долгоруков) (1659–1720), князь. Начал придворную службу при Алексее Михайловиче, комнатный стольник при Петре Алексеевиче. В 1687 г. ездил с посольством во Францию, затем руководил Московским Судным приказом, в 1695–1696 гг. участвовал в Азовских походах. В конце 1697 г. назначен воеводой Белгородского разряда, за успешные действия против крымских татар пожалован в бояре. С упразднением в начале 1700 г. Иноземского и Рейтарского приказов и учреждением взамен упраздненных «особого» приказа (позднее приказ Военных дел), в котором ведались бы «генералы и полковники и подполковники и иные нижних чинов начальные люди, иноземцы и новокрещенные и русские и копейщики и рейтары и солдаты и всяких чинов ратные люди сухова пути» был назначен во главе новообразованного приказа с чином «генерал-комиссара». Взят в плен шведами после неудачного сражения под Нарвой и пробыл в нем до 1711 г., когда сумел бежать и вернулся в Россию. По возвращению домой был снова назначен во главе комиссариатского ведомства, занимавшегося снабжением армии, и сделан сенатором. С 1717 г. председательствовал в Ревизион-коллегии.

² Автоном Михайлович Головин (1667–1720), сын боярина М.П. Головина. Начал придворную карьеру комнатным стольником Петра I; в 1692 г. пожалован в генерал-майоры, и в ведение Головина переданы потешные, поскольку Головин, по отзыву князя Б.И. Куракина, хотя и был «человек гораздо глупый», но ценился Петром потому, «что оной из стольников первой, который знал солдатскую езерцицию...». В 1694 г. уже генерал, участник всех петровских «потех» (в т. ч. знаменитых Кожуховских маневров) и Азовских походов. Под началом Головина был 3-й выборный солдатский полк (позднее разделенный на гвардейские Преображенский и Семеновский полки). С конца 1699 г. руководил набором и обучением «новоприборных» солдатских полков. Летом 1700 г. Головину поручено формирование «генеральства» (дивизии), во главе которой он выступил к Нарве. Оказавшись после неудачного сражения в плену, пробыл в нем до 1718 г. Кавалер ордена св. Андрея Первозванного (1719).

³ К. Вреде перепутал двух участников нарвской драмы с русской стороны. Упомянутый им боярин князь Иван Юрьевич Трубецкой (1667–1750) в 1700 г. был новгородским наместником и генерал-майором (с 1698 г.), начальником «генеральства», сформированного из солдатских и стрелецких полков Новгородского разряда. Попав в шведский плен, Трубецкой пробыл в нем до 1718 г., когда был обменен вместе с генералом Автономом Головиным на шведского фельдмаршала К.Г. Реншильда, после чего сделал блестящую карьеру – стал кавалером орденов св. Андрея Первозванного и Александра Невского, генерал-фельдмаршалом (1728), сенатором (1730), побывал генерал-губернатором Киева и Москвы. Генерал-фельдцейхмейстером русской армии в 1700 г. был имеретинский царевич Александр Арчилович (1674–1711), обучавшийся артиллерийскому делу

князя. На рассвете один из генералов московитов по имени фон дер Вейде⁴, который занимал приблизительно с 6 000 человек, о чем мы все-таки совсем не были осведомлены, крыло их лагеря возле деревни Иоала, прервал отдых армии, предложив сдаться на условиях почетной капитуляции; ему ответили, что он может надеяться на милость Короля, но ему самому нужно сложить оружие и убедить своих людей последовать этому примеру; подумав, он согласился на это. Это было неожиданно – все-таки, если бы он нас атаковал, он неминуемо бы нам нанес поражение, так как мы были чрезвычайно уставшими и во время всей кампании не ели, не отдыхали в течение многих дней, и к тому же все наши люди напились медовухи, обнаруженной в палатках московитов, и только немногие

в Голландии и с мая 1700 г. ведавший Пушкарским приказом и именовавшийся генералом артиллерии (генерал-фельдцейхмейстером). Попав в шведский плен, Александр Арчилович был отпущен в Россию без выкупа в 1710 г. (после Полтавы) и умер по дороге в Финляндии.

⁴ Адам Адамович фон дер Вейде (1667–1720). Один из ближайших сотрудников Петра I, сын полковника солдатского строя Тимофея Андреева сына фон дер Вейде, выехавшего в Россию при Алексее Михайловиче. В 1692 г. – капитан солдатского строя, в 1693 г. переведен майором к преображенцам, отвечал за строевое учение «потешных». С 1696 по 1698 гг. – за границей, участвовал в качестве наблюдателя в кампании принца Евгения Савойского против турок в 1697 г. Автор строевого устава (1698). Полковник, генерал-бригадир (с 1698 г.). С конца 1699 г. вместе с боярином Ф.А. Головиным набирал и обучал даточных в новые солдатские полки в Преображенском под Москвой, с января 1700 г. – драгунского полка. В июне 1700 г. «за многие его службы и рдение» Вейде был пожалован в полные генералы и назначен «шефом» Лефортова (1-го выборного солдатского) полка. Вслед за этим Вейде было поручено формирование отдельного «генеральства» (дивизии), во главе которого новоиспеченный генерал выступил к Нарве. В ходе сражения со шведами 19 ноября Вейде и его дивизия после первоначального замешательства сумели все-таки удержать свои позиции, но Вейде при этом получил тяжелое ранение («дважды зело жестоко ранен есть», «застрелен в бок из фузей»). Наутро следующего дня Вейде, подчинившись общему решению генералитета, согласился прекратить сопротивление в обмен на разрешение покинуть лагерь и отступить от Нарвы. Сам Вейде был задержан шведами и объявлен военнопленным, оставаясь в шведском плену до 1710 г., когда был обменен на рижского губернатора генерала Н. Штротмберга. После возвращения в Россию в 1711 г. продолжил военную службу.

офицеры могли вернуться в строй. Эти люди были хорошо вооружены голландскими фузеями с багинетами¹: они быстро переправились через реку, а их генерал [Вейде – В.П.], который был легко ранен, остался у нас.

Кроме названных ранее офицеров, во время вечерней атаки были захвачены вне укреплений, когда они спасались бегством, герцог де Кроуи², которому царь поручил командование двумя днями ранее, генерал Алларт³, командовавший укреплением, он находился еще и на службе у короля Польши, генерал-майор Ланг⁴, отправленный к самому королю, и полковник Блуменберг⁵,

который командовал полком, который хорошо защищался в маленьком форте и назывался Царским⁶. Мы никогда не праздновали более великой победы, так как атаковали с 8000 человек 40 000 укрывшихся в укреплении; говорили, что их было 80 000, но в действительности их в укреплении не могло быть более 40 000; мы захватили около 130 хороших пушек, из которых 100 были отличные из чугуна и били с невероятной силой, некоторые из них стояли против Ивангорода, и 40 мортир⁷, хороший запас пороха, бомб, гранат и ядер, их лагерь со всеми палатками и бесценной добычей в них, так что наши солдаты вывозили добычу на протяжении 8-ми дней, помимо всего взято было более 200 штандартов и знамен⁸.

Мы потеряли всего около 800 человек убитыми и ранеными; можно также справедливо оценить, что потери московитов были не больше, но я считаю, что, по крайней мере, утонуло 5000 их самых [182] храбрых и лучших солдат. У нас больше погибло офицеров, чем солдат. Главными были генерал-майор

¹ Багинет – прообраз штыка, кинжал на длинной деревянной рукояти, которая вставлялась в ствол фузеи.

² Карл Евгений де Кроа (Круа, Круи, Крой) (1651-1702), герцог. Из старинного аристократического брабантского рода. Начал службу в датской армии, с 1677 г. генерал-майор, в 1678 г. – генерал-лейтенант. С 1682 г. – в имперской армии, с 1683 г. – фельдмаршал-лейтенант, участник венской кампании 1683 г. С 1688 г. – фельдмаршал, активно участвовал в боевых действиях с турками на Балканах. С 1698 г. на саксонской службе в чине фельдмаршала. В августе 1700 г. прибыл с дипломатической миссией от Августа II к Петру I, взят последний в поход под Нарву. Накануне сражения Петр, покидая лагерь русской армии, поручил командование своими войсками герцогу, который был вынужден уступить настоятельным требованиям царя. На последовавшем военном совете де Кроа, вопреки предложению Б.П. Шереметева дать приближающимся шведам полевое сражение, принял решение обороняться на занятых позициях, что и послужило одной из главных причин поражения русских. Во время возникшей после начала шведской атаки неразберихи в русском лагере сдался в плен шведам.

³ Людвиг Николай фон Алларт (Галлард) (1659-1727), барон. Выходец из шотландского дворянского рода, сын бранденбургского генерал-майора Генриха Галларда. Служил в саксонской армии, участвовал в войнах с турками, генерал-лейтенант. В составе саксонской миссии прибыл в Россию в 1700 г. В сентябре 1700 г. послан в лагерь русской армии под Нарвой, прибыв на место назначения, взял на себя руководство осадными работами. Сдался в плен шведам вместе с герцогом де Кроа, в 1705 г. обменян на шведского генерала А. Горна. С 1706 по 1712 гг. на русской службе, затем снова на саксонской, с 1721 по 1725 гг. снова на русской службе, затем в отставке.

⁴ Август фон Ланг (Ланген), барон. Генерал-майор, чрезвычайный посланник саксонского курфюрста и короля Речи Посполитой Августа II Сильного при русском дворе. Прислан в Москву в июне 1700 г. Сдался в плен шведам вместе с другими саксонскими офицерами из окружения герцога де Кроа.

⁵ Иван Иванович (Иоганн Эрнст) фон Блуменберг (Блюмберг, Бломберг), барон. Курляндец, из старинного дворянского рода (известного с начала XIV в.), имевшего вестфальские корни. В русской армии

с 1697 г. (по другим данным – с 1696 г.). Полковник-регентар (с осени 1697 г.) 3-го выборного солдатского (будущие Преображенский и Семеновские гвардейские полки), отвечал за строевую часть полка и обучение солдат. Сдался в плен шведам во время сражения вместе с саксонскими офицерами из окружения де Кроа. Примечательна приписка в «Истории Свейской войны» сделанная против записи о пленении Бломберга: «Сей не яко пленник, но более своею волею, оставя свою команду, к неприятелю ушел наперед» (История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 208). Бломберг единственный из командного состава русской армии, взятого в плен в сражении под Нарвой, кто удостоился такой «чести».

⁶ Речь идет, видимо, о Преображенском полке, хотя нельзя исключить, что Вреде называет «Царским» полком оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, которые еще недавно, в начале 1700 г., были 1-й и 2-й «тысячами» 3-го выборного солдатского полка генерала А.М. Головина.

⁷ О русской артиллерии в Нарвской кампании 1700 г. см.: Великанов В.С. Полковая артиллерия русской армии. 1700-1709 гг. // Старый Цейхгауз. 2011. № 6(44). С. 80-87; Великанов В.С., Лобин А.Н. Русская артиллерия в Нарвском походе. 1700 // Старый Цейхгауз. 2012. № 4(48). С. 3-10.

⁸ О знаменах русской армии под Нарвой в ноябре 1700 г., в том числе и взятых в качестве трофеев шведами, см.: Великанов В.С. Знамена русской армии в Нарвском походе 1700 г. // Старый Цейхгауз. 2000. № 5(37). С. 2-10.

ГРАФ КАРЛ ВРЕДЕ – ОТЦУ,
24 НОЯБРЯ 1700 ГОДА ИЗ НАРВЫ

Риббинг¹, полковник Ханс Хиндр. Реббенер², Кнут Лейонхувуд³ из гвардейцев, далекарлийский майор, два капитана гвардейцев, Йохан Бонде⁴ и Аке Ульфспарре⁵, лейтенанты Йоран Ульфспарре⁶ и Герман Бонде⁷ и множество других, немногие, кто сражался, избежали ранений. Клас Флеминг⁸ легко ранен,

но без последствий. Мой брат⁹ чувствует себя хорошо, так же как и все, кто взял добычу во время этих событий; но я же больше потерял, чем приобрел: я следовал за гвардейским корпусом в течение всего дня, и 3 моих слуг следовали также с моими лошадьми, мой камердинер Готфрид получил, находясь рядом со мной, ранение из мушкета и упал навзничь, я передал его коня другому слуге, но тот не смог его удержать, и в это самое время мы столкнулись с врагами, вот почему нужно было его оставить там умирать; я же потерял коня, который унес мой плащ и всю поклажу; своего черного коня я искал всю ночь после того выстрела из мушкета – я не знаю, как его вернуть. Вот все мои доходы. Я умоляю вас, мой дорогой отец, передать мои комплименты мадам – моей матери¹⁰, и я к вашим услугам, монсеньор, ваш очень смиренный и очень послушный сын.

Нарва, 24 ноября 1700. Карл К. Вреде

Оригинал письма на французском языке взят Н. Г. Устряловым в архивном издании 1840 г¹¹. и перепечатан в работе: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. СПб., 1863. С. 178–182. Публикуя письмо К. Вреде, историк отметил, что «неправильная орфография подлинника еще более, кажется, была изуродована издателями Дела-Гардиева архива».

Monseigneur! Je ne veux pas manquer, mon cher pere, de vous faire scavoir la grande victoire que notre Roi vient d'emporter contre les Moscovites, quoique le terns ne me permette pas de vous en ecrire toutes les circonstances pour cette fois. Toute notre armee decampa le 13 du mois de Vesenberg, comme j'eus alors l'honneur de vous le mander: le premier camp fut à Maholm, le second à Hakehoff; jusque la les Moscovites n'avoient encore brulés que quelques maisons parci par la, mais depuis ce camp la jusques à Narva tout etoit reduit en cendre, de sorte que nous avons toujours

¹ Юхан Риббинг (ок. 1642–1700). Сын капитана Бенгта Эрикссона Риббинга (1616–1642). Обучался в университете Уппсалы. На военной службе с 1666 г. Полковник Ниландско-Тавастгусского рейтарского полка (Nylands och Tavastehus läns kavalleriregemente) с 1687 г., генерал-майор кавалерии (1700). В сражении под Нарвой командовал кавалерийским резервом.

² Речь идет о полковнике Хансе Хенрике Ребиндере (Гансе-Генрихе фон Ребиндере) (1645–1700). Сын барона Хенрика IV Бернадссона Ребиндера (1604–1680), генерал-майора кавалерии, начальника финской милиции и финского губернатора с 1673 г. На военной службе с 1670 г. Полковник Абосского пехотного полка (1679), с 1695 г. полковник Карельского рейтарского полка (Kareliska eller Viborgs- och Nyslotts läns kavalleriregemente), которым командовал в сражении под Нарвой.

³ Кнут Лейонхувуд (1674–1700). Сын Акселя Габриеля Лейонхувуда (1650–1732), камергера вдовствующей королевы Хедвиги Элеоноры (1672), ассессора коммерц-коллегии (1673). Учился в Уппсале, в 1693 г. продолжил обучение в Голландии, затем в Париже. В 1694 г. завербовался на службу во французскую армию. Лейтенант лейб-гвардии (1696), адъютант драбантов (1696), капрал драбантов (1700). Дальний родственник генерала Адама Людвиг Левенгаупта.

⁴ Юхан Филип Бонде (1659–1700). Сын Торда Ульфссона Бонде (1619–1683), подполковника Сконского рейтарского полка (Skånska regementet till häst) с 1658 г., губернатора Скараборга (с 1660 г.), президента редукионколлегии (1675). Капитан лейб-гвардии (1697).

⁵ Аке Ульфспарре (1670–1700), сын Густава Ульфспарре (1634–1710), полковника Остготского пехотного полка (с 1674 г.). Начал военную службу в Емтландском драгунском полку (Jämtlands dragonregemente), в 1698 г. служил во французской армии. С сентября 1700 г. – капитан лейб-гвардии.

⁶ Йоран Ульфспарре (нач. 60-х–1700), сын майора Эрика Ульфспарре (1636–1694). Учился в Уппсале с 1676 г., в гвардии с 1685 г. (сперва рядовым пикинером, затем сержантом, фенриком, в 1696 г. произведен в лейтенанты). Дальний родственник Аке Ульфспарре (прадед Йорана и прапрадед Аке были братьями).

⁷ Герман Бонде, (?–1700). Брат Юхана Бонде, лейтенант лейб-гвардии (1700).

⁸ Видимо, речь идет о капитане Класе Флеминге (ок. 1660–1706), сыне генерал-майора Хенрика Флеминга (1625–1697).

⁹ Ларс Вреде (1678–1704). Капитан лейб-гвардии.

¹⁰ Графиня Брита Ларсдоттир фон Вреде, урожденная Круус аф Гудхем (1652–1716).

¹¹ Grefvarne Wrede CC. & L. (Ur deras bref till Fadren) 1700–1703 // Dela Gardiska Archivet eller Handlingar ur Grefl. Dela-Gardiska Bibliotheket på Löberöd. Trettonde delen. Handlingar och Upplysningar rörande Svenska historien i Adertonde seklet. Lund, 1840. P. 141–148.

campé en pleine campagne, ou nous avons extrêmement souffert les premiers jours du grand froid et les derniers d'une pluie continuelle qui étoit encore plus incommode que le froid; ce pendant nous passames plusieurs defilés et passages tres difficiles, surtout à Puiajochi où nous primes notre 3-me camp; le General de la Cavalerie Mouscovite appelé Cher Meto avoit occupé ce poste avec 4 ou 5000 chevaux en intention de nous en empêcher le passage, une partie avoit même passé de notre côté pour aller au fourage, mais d'abord qu'ils aperceurent notre avantgarde que ne consistoit cependant qu'en 900 chevaux, ils se retirerent de l'autre cote de la riviere; notre avangarde prit poste sur le bord de la riviere. Les Mouscovites firent plusieurs fois mine avec des grands hurlements de vouloir passer, mais comme on leur repondoit par nos dragons avec quelques coups de mousquets, ils s'arrestoient d'abord; cependant on fit avancer quelques pieces de canons et on tira sur eux, quand ils s'y attendoient le moins parcequ'il faisoit déjà obscur: cela les fit retirer en grand desordre et ils ne se sont arretés que dans leur camp à Narva où ils porterent une grande epouvante. Nous etions trop fatigués pour pouvoir les poursuivre, depuis cela nous eûmes encore deux autres camp à Sillameggi et à Lagena, une terre de ma tante. Enfin le 20 Novembre nous partimes de grand matin de Lagena et arrivames environ sur les 11 heures du matin sur une hauteur aupres de Narva qu'on appelle le Hermansberg, ou toute l'Armée se rangea en ordre de bataille; le mot fut donné: *medh Guds hielp*. Le retranchement des ennemis occupoit le bas de cette hauteur, sur laquelle nous postames notre artillerie qui jouoit continuellement pendant qu'on donnoit les ordres pour l'attaque, dans leurs camp; ils nous repondoient de meme sans aucun effet parceque tous leurs coups nous passaient. Vers les 2 heures après midi on marcha à l'attaque: le Regiment des gardes à la droite et les dalkarls avec les Regiments de Vermland de Helsingeland à la gauche; ils donnerent tous à la fois et emporterent le retranchement, quoiqu'il fut fort haut avec un fossé en avant et que les Mouscovites firent une vigoureuse resistance; quand les notre eurent passé, on fit avancer la cavalerie: le Roi lui même avec les gardes du corps fut un de premiers; alors le choc fut extrêmement rude, on poursuit les Mouscovites de tous côtés, on en tua une furieuse quantite, ils se voulurent sauver sur un pont qu'ils avoient sur la riviere, mais il se rompit, alors ils se deffendirent en desesperés et

nous tuerent beaucoup de braves gens, cependant plus de 1200 ou 1500 furent noies dans la riviere. Une grande partie des Mouscovites se retirant dans un second retranchement qu'ils avoient fait comme une espece de fort, nos gens essaierent plusieurs fois de les forcer, mais ils furent repoussés. Cependant la nuit arriva qui nous obligea de nous tenir chacun dans son poste de peur du désordre, et de nous entretenir nous même, comme il étoit déjà arrivé, car on peut dire que les Finnois nous ont fait dans cette occasion plus de mal que de bien – ayant fait plusieurs de charges sur nos propres gens, au lieu de les faire sur les ennemis. Les Mouscovites étoient encore les maitres de plusieurs postes considerables dans le camp, qui nous auroient couté bien du monde à emporter par force, quand ils nous firent demander un trompette pour nous envoyer quelqu'un pour accorder avec nous; après plusieurs allies et venuees, on convient qu'ils nous livreront les postes qu'ils tenoient, et moyennant quoi le Roi leur promettrait, parcequ'ils s'étoient deffendus en braves gens, de se retirer avec leurs armes et même d'emmener avec eux deux canons, mais qu'ils laisseroient tout leur bagage. Cela fait, le general major Posse fut envoyé avec 3 battallions des gardes pour en prendre la possession: on trouva qu'ils étoient dans le fort pris de 1000 d'un Regiment qu'on appelle Dobrosinski, avec tous les principaux officiers Mouscovites; dans une redoute aupres de la ville il y'en avoit 700 et outre cela pris de 2000 dispersés dans le camp tous devoient etre compris dans cet accorder d'emporter leurs armes. Mais je ne crois point que d'autres ayent profités de cet avantage que seulement ceux qui avoient été dans le fort, car ils se retirerent en troupe, les autres ont tous non seulement été desarmés, mais même la plupart deshabillés par les Finnois, qui se jetterent dessus et tuerent sans misericorde tout ceux qu'ils trouverent ecartés: je ne crois pas qu'ils ayent leurs pareils au monde pour piller, à peine nos propres gens se peuvent ils sauver de leurs mains, mais contre l'ennemis ils ne se sont guerre signalés, pour cette fois. Plusieurs des principaux generaux et officiers Mouscovites qui s'étoient trouvés dans le fort s'arresterent pour leurs malheur dans notre camp, pendant que leurs troupes passaient la riviere, car on apprit le matin qu'il y avoit eu dans le camp 300.000 écus en argent comptant qui appartenoit au Czaar: comme cela en vertu de la capitulation devoit rester entre les mains du vainqueur, on leurs demanda ce qu'il

étoit devenûs? Au commencement ils voulurent nier tout à fait qu'il y en avoit eu, mais étant pressés ils avouèrent seulement 32.000 roubles qu'ils avoient même déjà fait passer de "autre côté de la Riviere; on envoya un officier après et on les retira. Mais comme cela n'étoit point assés et qu'ils ne vouloient point livrer le reste, on prit occasion de la les arrester et de les ammener prisonniers dans la ville de Narva, ou ils sont pourtant fort honêtement traittés, leurs – sont Dolgorouka commissaire general de l'armée, le general Golovin, le grand maitre de l'artillerie, Trebiscoa et plusieurs princes et knes. A la pointe du jour on apporta un lettre au general Welling, de la part d'un general Moscovite nommé Von der Veide, qui occupoit encore avec environ 6.000 hommes, dont nous n'etions pourtant pas instruit du tout, un bout de leurs camps auprès du village Ioala, le quel se voyant coupé du reste de l'armee offrit de se rendre, pourveu qu'on lui voulut accorder une bonne capitulation; on lui repondit qu'il pouvoit tout esperer de la grace du Roi, mais qu'il falloit mettre les armes bas et qu'alors on le laisserait passer avec ses gens; a quoi il se resolut apres un peu de façon. S'il avoit pourtant eu le coeur de nous attaquer il nous aurait infailliblement battûs, car nous etions, extremement fatigués, n'ayant guerre ni mangé ni reposé pendant plusieurs jours, et d'ailleurs tous nos gens étoient ivres du brandevin qu'ils avoient trouvés dans les tentes des Mouscoviles, qu'il etoit impossibles au peu d'officiers qui nous restoient de les ranger. Ils étoient tous gens de bonne-bien armés des fusils et des bayonettes d'Hollande: on leur fit passer la riviere au plus vite, mais le general lui même qui etoit un peu blessé est resté chés nous. Outre les Officier ces devant nommés on prit le soir de 'attaque dehors du retranchement comme ils etoient sur le point de se sauver, le Due de Croui au quel le Czar avoit donné le commandement de toute l'armée en partant deux jours auparavant, le general Allart qui avoit donné le dessein de leurs retranchement, il est autrament au service du Roi de Pologne, le general major Lang envoie du même Roi et le colonel Blumenberg qui commandoit le Regiment qui se defendit si bien dans le petit fort et qu'on appelle le Regiment du Czar. Nous ne pouvons jamais asser louer bien de cette grande victoire, car ce quelque chose d'innoui que d'attaquer avec 8.000 hommes 40.000 dans un retranchement aussi bien entendû que le leurs; ils se sont toujours estimés eux meme 80.000, mais effectivement il ne pouvoit y

avoir dans le retranchement plus de 40.000; le nous ont laissé on partage environ 130 belle pièces de canon dont il y plus de 100 de fonte et quelques uns dont ils s'étoient servis pour battre Ivanegrod d'une grosseur extraordinaire, pris de 40 mortiers, une bonne provision de poudres, de bombes, des grenades et de balles, leurs camp avec toutes leurs tentes et la dedans un butin inestimable, que nos soldats auront de la peine à pouvoir emporter en 8 jour, outre près de 200 estandars et drappaux. Tout cela nous coute environ 800 hommes de morts et autant de blessés; on ne peut pas encore le scavoir au juste, ni la perte des Moscovites non plus, mais je l'estimerai bien avec les noyés a 5.000 leurs plus braves et tairs meilleurs soldats. Nous avons a proportion perdu plus d'offieiers que des soldats. Les principaux sont le general maior Ribbing, le colonell Hans Hindr. Rebbener, Knit Leyonhufvud dans les gardescorp, le maior des dalkarls, deux capitaines aux gardes Iean Bonde et Ake Ulfsparre, deux lieutnants Iöran Ulfsparre et Herman Bonde et plusieurs autres, fort peu on échappé sans quelque blessure dont pourtant la plupart guerriront. Clas Flemming est un peu blessé, mais sans consequence. Mon frere se porte bien avec tous les autres auxquels vous pourriés prendre quelque butin dans cette occasion; mais moi, j'y ait plus perdu que gagné: j'ai suivi le gardes du corps pendant toute la journée, et comme 3 de mes valets suivoient aussi avec mes chevaux, mon valet de chambre Gotfried receu tout aupres de moi un coup mousquet au travers du corps, qui le renversa, je le fis remettre a cheval par mon autre valet, mais il ne peut pas se tener et en meme temps nous somes poussés par les ennemis, ce pourquoi il fallut le laisser la qu'il est mort; je perdis aussi le cheval qu'il montoit avec mon manteau el tout ce qu'il avoit dessus; mon cheval noir que je montois pendant la nuit eut un coup de mousquet au travers—je ne scai s'il en reviendra. Voila tout mes profits. Je vous supplie, mon cher pere, de faire mes compiments à madame ma mere et de me voir toute ma vie, Monseigneur, votre tres humble et tres obeissant fils.

*Narva le 24 Nov.
1700.*

Charles C. Wrede.

УДК 004.55:930.25

Московкин В. М.,
Моисеева С. А.

**ПУБЛИКАЦИИ ОБ ИНКУНАБУЛАХ
В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ ИНТЕРНЕТА**

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Моисеева Софья Ахметовна, доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

Для изучения степени представленности в Интернете научной литературы об инкунабулах проведено тестирование терминов «*incunabula*», «*incunabulum*», «инкунабула» и их производных с помощью поисковых систем Google Scholar и Google Books на 50-летних интервалах времени, с учетом статусов размещенных в этих интервалах книг: full text, preview, snippet view, no preview. Сделан краткий обзор найденных литературных источников разных статусов.

Систематический поиск в Google Books позволил идентифицировать каталоги инкунабул классических университетов Ленинграда (Санкт-Петербурга), Казани, Саратова, Томска, Харькова и Львова, первые два из которых представлены в открытом доступе. Из этого следует актуальность создания «Сводного электронного каталога инкунабул научных библиотек постсоветских университетов». На примере Харьковской инкунабулы Альберта Великого «*De animalibus*» (Mantue, 1479) показана возможность анализа представления конкретной инкунабулы в крупных традиционных и электронных каталогах.

Ключевые слова: инкунабула; открытый доступ; Интернет; Google Scholar; Google books; *incunabula*; *incunabulum*.

Moskovkin V. M.,
Moiseeva S. A.

**PUBLICATIONS ABOUT THE
INCUNABULA IN THE OPEN
INTERNET ACCESS**

Moskovkin Vladimir Mikhailovich, Doctor of Geographical Sciences, Professor
Belgorod National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Moiseeva Sofya Akhmetovna, Doctor of Philological Sciences, Professor
Belgorod National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: moiseeva@bsu.edu.ru

ABSTRACT

To study the representation of scientific literature on incunabula on the Internet the authors test the terms «*incunabula*», «*incunabulum*», «*incunabula*» and their derivatives in the Google Scholar and Google Books Search Engines using the 50-year intervals and the status the books were posted in these intervals: full text, preview, snippet view, no preview. The authors give a brief review of literature of different statuses.

A systematic search in Google Books made it possible to identify the incunabula catalogues of classical universities of Leningrad (St. Petersburg), Kazan, Saratov, Tomsk, Kharkov and Lvov. The first two of them can be found in the public domain. It implies the relevance of making the «Consolidated electronic catalogue of incunabula research libraries of post-Soviet universities.» Drawing on the example of Kharkov incunabula of Albert the Great «*De animalibus*» (Mantue, 1479) it is shown the possibility of submitting a specific analysis of incunabula in major traditional and electronic catalogues.

Key words: incunabula; open access; the Internet; Google Scholar; Google Books; incunabula; incunabulum.

Введение. На протяжении последних более чем пяти веков два события кардинально меняют наш мир. Это изобретение книгопечатания и Интернет. Многие полагают, что в будущем Интернет в конкурентной борьбе вытеснит книгопечатание, но, как известно из математической теории конкурентных взаимодействий, кроме режимов подавления, существуют и режимы взаимного сосуществования двух или многих конкурирующих объектов. Поэтому в нашем случае – как у книгопечатания, так и у Интернета будут свои ненулевые ниши.

Более того, именно сейчас Интернет должен помочь сохранить гутенберговское наследие и передать его будущим поколениям, иначе оно может исчезнуть с лица Земли. Этой благородной цели посвящена деятельность компании Google по оцифровке и индексированию всего значимого книжного наследия (около 120 млн. книг).

В настоящее время в рамках проекта Google Books, к которому подключено более 40 крупнейших библиотек мира, оцифровано и индексировано около 5,5 млн. книг, изданных начиная с XV в. [9].

О размахе книгопечатания в прошлые годы можно судить по работе [10]: в ней отмечается, что до 1801 г. в Западной Европе было издано 1,75 млн. книг (под книгой понималось издание, насчитывающее более 50 стр.), до 1923 г. было опубликовано 6 млн. книг (18 % книг из WorldCat). Согласно Закону об авторском праве США, все эти книги, опубликованные до 1923 г., в 2008 г. перешли в статус общественного достояния.

Из всего значимого книжного наследия наибольший интерес представляют инкунабулы, то есть книги так называемого «колыбельного периода», изданные с момента начала книгопечатания Иоганном Гутенбергом в середине XV в. до 1 января 1501 г. Термин «incunabula» впервые в научный оборот ввел немецкий филолог Бернхард фон Маллинкродт (1591-1664) в 1640 г. [15]. Эти первенцы мирового книгопечатания как свидетели и участники тех культурных достижений, которые принесла с собой эпоха Возрождения, всегда были и остаются предметом постоянного поиска, хранения и тщательного изучения [3].

Но в эпоху Интернета недопустимо, чтобы эти издания оставались под семью замками

и были доступны лишь ограниченному числу исследователей. В идеале они все должны быть оцифрованы и размещены в открытом доступе. Это позволит не только сохранить для будущих поколений эти книги в виде электронных копий, но и стимулировать процесс их активного содержательного изучения и сравнительного анализа гораздо большим кругом исследователей. Инкунабулы, хранящиеся во многих уголках мира, нельзя рассматривать как национальное достояние отдельных стран, все они являются мировым, по крайней мере, европейским культурным наследием, и поэтому должны быть открыты всем. На них уже давно истекли все авторские права, и, следовательно, все они находятся в статусе общественного достояния и могут быть свободно размещены в Интернете. Во многих случаях это избавит исследователей от преодоления огромных расстояний в целях изучения того или иного редкого издания.

В отличие от американского Google, европейцы, декларируя аналогичную цель – обеспечение доступа к книжному наследию Европы, что будет способствовать его изучению и сохранению, пошли по пути создания электронных каталогов старопечатных книг и корпоративных сетей доступа к полнотекстовым документам. Так Консорциум европейских научных библиотек (CERL) с 1994 г. создает базу данных Hand Press Book (книги периода ручного прессы, напечатанные до 1830 г.). С 1997 г. эта база данных, насчитывающая в настоящее время более 1 млн. книжных изданий, стала доступна для поиска, но поиска ограниченного, только для членов Консорциума [1]. Очевидно, что работа по созданию Европейского электронного каталога старопечатных книг продвигалась бы намного быстрее, если бы она основывалась на идеологии и технологиях открытого доступа.

На такой идеологии основан другой европейский проект «Universal Short Title Catalogue»¹, деятельность которого началась с каталогизации французских католических книг в 1997 г., а в 2007 г. он приобрел общеевропейский масштаб.

Самые обобщенные данные, полученные участниками проекта «Universal Short Title Catalogue» (USTC), дают хорошее представление о пространственном размещении печат-

¹ См.: <http://www.ustc.ac.uk/>

ных центров и старопечатных изданий (до 1650 г.) по странам Европы. На сайте этого проекта отмечается, что в начальный инкунабульный период функционировало свыше 200 печатных центров, многие из которых к 1500 г. прекратили существование (обанкротились). После начальной эры экспериментов с книгопечатанием, в период с 1490 по 1520 гг. индустрия книгопечатания консолидировалась вокруг ядра печатных центров. Они размещались в крупных торговых городах Германии, Италии и Франции и оставались локомотивами печатной индустрии в течение первого века книгопечатания. В рамках более раннего проекта VD XVI в Германии было идентифицировано около 100 000 старопечатных изданий, к ним USTC-проект добавил более 4000 изданий. Отмечено, что печатные центры Германии были сильно диверсифицированы.

Во Франции печатные центры были созданы в 40 городах, но в Париже и Лионе издавалось 80 % книг. По проекту USTC в этой стране было идентифицировано 80 000 старопечатных изданий.

В Италии идентифицировано 66 000 старопечатных изданий, причем важнейшим центром книгопечатания в этой стране была Венеция.

К 32 000 известных изданий Нидерландов USTC проект добавил еще 5000 изданий.

В Швейцарии крупнейшими центрами книгопечатания являлись Базель, Берн и Цюрих. Вышеуказанные пять стран были ответственны за выпуск 87 % всех старопечатных изданий. Всего в рамках проекта USTC было идентифицировано 350 000 изданий, выпущенных до 1650 г.

В открытом доступе находятся также «Incunabula Short Title Catalogue» Британской библиотеки, насчитывающей около 30 000 изданий¹.

Отметим также открытый электронный каталог англоязычных изданий «English Short Title Catalogue» (ESTC)², в котором размещено 460 000 библиографических описаний книг из коллекций Британской библиотеки и из коллекций около 2000 библиотек мира, книг, опубликованных в период с 1473

по 1800 гг. в Великобритании и Северной Америке. 1473 год в этом каталоге выбран в связи с началом в этом году книгопечатания на Британских островах. Кроме того, существует каталог «Early English Book Online», в котором размещено 26 000 названий книг из A.W. Pollard and Redgrave's Short Title Catalogue, изданных в период с 1473 по 1640 гг. В отличие от трех предыдущих электронных каталогов открытого доступа, для работы с ним требуется регистрация.

С удовлетворением отметим, что относительно недавно Российская Национальная библиотека разместила в открытом доступе свой электронный каталог инкунабул³, в котором на начало октября 2012 г. насчитывалось 3263 экземпляра.

В перспективе, когда в открытом доступе разместят не только электронные каталоги инкунабул с их краткими библиографическими описаниями, но и будет представлено репрезентативное количество полнотекстовых инкунабул, тогда для более широкого круга исследователей появится возможность проследить миграцию книг, их судьбы через изучение штампов, владельческих подписей и рукописных помет.

Несмотря на то, что инкунабулы детально описываются и изучаются в местах их хранения, на сегодня существует очень мало работ по пространственному их распределению, не говоря уж о пространственно-временной диффузии или миграции инкунабул из мест их печатания в места хранения. Указанные выше электронные каталоги старопечатных книг, включающие большие коллекции инкунабул, могут лежать в основе таких исследований. В этой связи уникален «Incunabula Short Title Catalogue», в котором указываются не только географические места издания книг, но и места их хранения.

Тестирование латинских терминов «incunabula» и «incunabulum» с помощью Google Scholar и Google Books. Для решения того, насколько весомо представлена в Интернете научная литература об инкунабулах, следует провести тестирование латиноязычных терминов «incunabula» и «incunabulum» с помощью Google Scholar и Google Books. В первом случае мы идентифицируем кластеры научных статей, порожденные вышеуказанными

¹ См.: <http://www.bl.uk/catalogues/istc/index.html>

² См.: http://estc.bl.uk/F/?func=file&file_name=log-in-bl-estc.

³ См.: www.nlr.ru/r/in/incunab.php

терминами; во втором случае будут идентифицированы аналогичные книжные кластеры [2]. Следует отметить, что еще один термин, «*incunabulus*», является малоупотреб-

ительным и отклики на его запросы практически отсутствовали. Результаты первой серии экспериментов представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Отклики на запросы терминов «*incunabula*» и «*incunabulum*»,
полученные с помощью Google Scholar 14.09.2012 г.**

Table 1.

*Responses to search queries of the terms «incunabula» and «incunabulum» obtained
through Google Scholar, September 14, 2012*

Термины / Terms	Количество откликов / Number of responses			
	Поиск по всей статье / Search all over the article		Поиск по заголовкам статей / Search by title articles	
	Включая цитирование / Including quotations	По крайней мере резюме / At least summary (abstract)	Включая цитирование / Including quotations	По крайней мере резюме / At least summary (abstract)
Incunabula	8890	6650	709	123 (26)*
Incunabulum	950	739	24	8 (1)

*В скобках указано количество полнотекстовых файлов / In parentheses is the number of full-text files.

Для уменьшения информационного шума (под ним мы понимаем публикации с плохо описанными метаданными) в расширенном поиске фиксировались все семь предметных категорий. Сами термины записывались в строке «with exact phrase» («с точной фразой»). Из таблицы 1 следует, что на порядок более активно используется термин «*incunabula*». Анализируя использование этого термина в научных публикациях, мы заметили, что первые идентифицируемые работы идут, начиная с 1701 г.¹, причем они заимствованы из Google Books.

Книжные отклики в Google Scholar прослеживаются вплоть до 1812 г. Первая журнальная статья появилась в 1813 г. [11]. До 1890 г. журнальные и книжные отклики чередуются между собой на паритетных началах, и только с 1890 г. наблюдается превалирование журнальных откликов, в которых встречается термин «*incunabula*» при поиске по всему документу.

¹ Sigonius, Carolus and Johannes, Nicolai. De republica Hebraeorum: libri VII, 1701.

Работы в данной специфической и редкой области исследований, публикуемые на протяжении более трех веков, цитируются не очень часто. Наиболее цитируемой работой является фундаментальный труд George Sarton, опубликованный в 1938 г. и цитируемый 24 раза [19]. В нем дан анализ научной литературы, представленной в инкунабулах, иллюстрируемый 60-ю факсимиле. Загрузка этого объемистого труда стоит 14 долл. США, но его содержание находится в открытом доступе. Из него видно, что эта работа состоит из трех частей (часть А. Научная инкунабула, часть В. Иконография, часть С. Приложения). Первая часть начинается с определения понятия «научная инкунабула» согласно Arnold Klebs [12], который опубликовал свою работу (каталог научных инкунабул) на год раньше George Sarton в том же сборнике «Osiris». В ней сделано разграничение между понятиями *научной* и *ненаучной* инкунабулы. В первой части работы George Sarton приводятся различия между

инкунабулой и манускриптом, обсуждаются проблемы диффузии и стандартизации знаний, изучается ретрогрессивный характер научной инкунабулы, рассматриваются научная новизна произведений той эпохи, размеры инкунабул. В конце первой части работы описаны национальные и культурные различия авторов научных инкунабул, а также лингвистические особенности их трудов. Во второй части работы приведены перечень иллюстраций в историческом порядке, хронологические резюме к факсимиле в порядке дат издания, указатель мест печатания инкунабул, перечень сотрудничающих библиотек, а также пояснительные замечания относительно каждого из 60-ти факсимиле. В третьей части работы даны списки самых популярных авторов научных инкунабул и лучших их продавцов, списки анонимных научных инкунабул и хронологический список авторов, чьи научные работы были напечатаны до 1501 г.

Помимо основополагающих работ George Sarton и Arnold Klebs следует отметить 15-тистраничный обзор по инкунабулам, опубликованный в Бюллетене Ассоциации медицинских библиотек в 1915 г. [16], который доступен для скачивания, а также отметить диссертационное исследование P. D. Davis из университета Аризоны по инкунабулам [6]. В последней работе, со ссылкой на George Sarton, отмечается, что только одна из 10 книг, напечатанных в XV в., связана с наукой. Рассматривается также критерий Arnold Klebs по разделению научных и ненаучных инкунабул, а также правило каталогизации инкунабул, предложенное Henry Guppy [8]. Это

диссертационное исследование объемом в 131 страницу доступно для скачивания. Интересны и 4-хстраничные предложения William Osler из Оксфорда по созданию генерального каталога инкунабул, опубликованные в Бюллетене Ассоциации медицинских библиотек в 1914 г. [18]. Они также доступны для скачивания.

Следует отметить исследование по американским инкунабулам I. J. MacRae, опубликованное в «American Quest» в 2008 г. [14] и размещенное в Интернете в виде html-файла. В открытом доступе также находятся обзоры и каталоги инкунабул Rutgers University [13], Colby College [20], Boston Medical Library [7], Bodleian Library [5] и др. Они все быстро идентифицируются при запросе «catalogue of incunabula».

При тестировании термина «incunabulum» (табл. 1) в качестве наиболее цитируемой работы оказалась статья Roberto Almagia по картографическим работам Франческо Россели, опубликованная в 1951 г. в «Международном журнале по истории картографии» [4]. Она цитировалась 14 раз. Две самые ранние оцифрованные и индексированные работы, в тексте которых встречается изучаемый термин, были опубликованы 1898 г., но они не связаны напрямую с проблемой изучения инкунабул [17].

Перейдем ко второй серии экспериментов и посмотрим, каковы будут отклики Google Books на два изучаемых нами термина. Для этого они последовательно тестировались в расширенном поиске в строках «with exact phrase» (соответствует поиску по всей книге) и «Return books with the title» (поиск по заголовкам книг) (табл. 2).

Таблица 2.

**Отклики на запросы терминов «incunabula» и «incunabulum»,
полученные с помощью Google Books, 20.09.2012 г.**

Table 2.

*Responses to the queries for the terms «incunabula» and «incunabulum» obtained
using Google Books, September 20, 2012.*

Термины	Количество откликов	
	Поиск по всей книге	Поиск по заголовкам книг
Incunabula	890	720
Incunabulum	660	28

Следует иметь в виду, что при запросах различных терминов, особенно при записывании термина в строке «with exact phrase», Google Books дает невероятно большое количество откликов. Поэтому необходимо просматривать отклики постранично (10 откликов на странице). Таким способом было получено число откликов, отраженное в табл. 2. Отметим, что на запрос «incunabula» Google Books дает 590 000 откликов, а при постраничном просмотре мы приходим к цифре 890. Очевидно, что 590 000 откликов – это

очень много, учитывая, что Google Books оцифровал всего 5,5 млн. книг. Следует принять во внимание, что Google Scholar показывает только первую тысячу откликов, чего нельзя сказать о Google Books.

Исследование с помощью Google Books представленности в открытом доступе книг, в названиях которых встречаются термин «incunabula», на столетних временных интервалах, за исключением неполных первого и последнего интервала, дало возможность построить таблицу 3.

Таблица 3.

Степень представленности в открытом доступе книг, в названиях которых встречается термин «incunabula»; Google Books. 20.09.2012 г

Table 3.

The degree of representation in the public domain of books with the term «incunabula» in the names; Google Books, September 20, 2012.

Временной интервал	Full text	Preview ¹	Snippet ² view	No preview	Всего
01.1450 – 12.1500				14	14
01.1501 – 12.1600	1			4	5
01.1601 – 12.1700	6			33	39
01.1701 – 12.1800	10		1	28	39
01.1801 – 12.1900	2			2	4
01.1901 – 12.2000	1	3	8	153	165
01.2001 – 12.2011					0
ВСЕГО	20	3	9	234	266

¹ общее количество страниц ограничено для показа / total number of pages is limited to display

² показана обложка книги / shows the book cover

Как видим из табл. 3, суммирование откликов по ограниченным интервалам приводит к гораздо меньшему количеству откликов, по сравнению с запросом без ограничения временным интервалом (см. табл. 2 – 720 откликов). Аналогичным образом действует алгоритм и Google Scholar.

Кратко опишем книги, имеющие статус «Full text» и «Preview». Во втором временном интервале обнаружено 70-тистраничное произведение об инкунабулах на латинском языке, опубликованное в 1525 г.¹

В третьем временном интервале обнаружены шесть полнотекстовых документов, два из которых имеют по одной оцифрованной копии. К ним относится труд под названием «Incunabula Typographiae...», представляю-

щий собой первый в мире каталог инкунабул (3000 названий), составленный Cornelius a Beughem и изданный в Амстердаме в 1688 г. Joannem Wolters², а также произведение Theodori Schrevelii, изданное в 1647 г. Severinus Matthaei³. Это произведение посвящено городским харлемским (Голландия) инкунабулам, в которых описываются рост благосостояния города, судьбы людей, мирное и военное время.

В этом же временном интервале обнаружена 14-тистраничная брошюра Johannes Majerus, которую в 1676 г. издал Paulus Platani, она посвящена первым венгерским инкунабулам⁴.

² Beughem, Cornelis. Incunabula Typographiae; Sive Catalogus Librorum. Amstelodami. Apud Joannem Wolters. 1688. 191 p.

³ Schrevelii, Theodori Harlemum. Sive Urbis Harlemensis: Incunabula, incrementa, fortuna varia, in pace, in bello ... Lugduni Batavorum : Excudebat Severinus Matthaei, 1647.

⁴ Majerus, Johannes. Gentis Hungaricae Prima Incunabula. 1676. 14 p. (Издатель Paul[us] Platani).

¹ Hilsbachius, Michael. Primitium Seu Incunabula Latinae Linguae. 1525. 70 p.

В четвертом временном интервале были обнаружены десять полнотекстовых изданий, три из них начинаются со слов «Incunabula Typographiae»¹. Труд Sebastianus Seemiller², посвященный инкунабулам академической библиотеки Ингольштадта, представлен цифровыми копиями двух изданий 1787 и 1789 гг. Произведение Jacobi Friderici Reimmani «Illias post Homerum...» представлено двумя цифровыми копиями с издания 1728 г.³ Кроме того, в этом временном интервале обнаружены полнотекстовые издания Johann A. Fricke (1721)⁴, Christian Runge (1728)⁵, Angelo Mari Quirini (1739)⁶. В статусе «Snippet view» (табл. 3) имеет место отсканированная обложка книги Wilisch, Christian Friderich «Incunabula Scholae...», изданная Victor Richterim в 1712 г.⁷

В пятом временном интервале были обнаружены два полнотекстовых издания⁸.

В шестом временном интервале, из наибольшего количества откликов (165), обнаружено только одно полнотекстовое издание, посвященное итальянским музыкальным инкунабулам⁹. В нем приведены детальные количественные распределения изданий и типов инкунабул. Если все предыдущие рассмотрен-

ные нами издания были на латинском языке, то это первое попавшееся нам издание, опубликованное на английском языке. В статусе «Preview» в рассмотренном интервале времени обнаружен фундаментальный труд Arnold Klebs, цитированный ранее [12]. В нем приведен каталог научных инкунабул, в котором авторы расположены в алфавитном порядке, а книги одного автора пронумерованы двойной нумерацией. Первая цифра в этой нумерации идет в хронологическом порядке выхода книги из печати, а вторая цифра дает перечень мест, где издана книга.

В последнем, десятилетнем, интервале времени отклики на запрос термина «incunabula» отсутствовали.

При тестировании с помощью Google Books термина «incunabulum» на аналогичных временных интервалах не было обнаружено откликов оцифрованных и индексированных книг, имеющих статус «Full text» и «Preview». Обнаружен один отклик в статусе «Snippet view» (01.1901–12.2000), 3 отклика в статусе «No preview» (01.1450–12.1500), 13 (01.1901–12.2000) и 1 отклик (01.2001–12.2011) в этих же статусах.

Ряд фундаментальных англоязычных книг по изучению инкунабул, отсутствующих в открытом доступе, мы почерпнули из ранее упомянутой диссертации P.D. Davis [6]. Практически все наиболее важные книги, выбранные нами из вышеуказанной диссертации, изданы в Нью-Йорке и Лондоне в период с 1893 по 1970 г.¹⁰

Окончание читайте в следующем номере.

¹ Büttinghausen, Caroli. Incunabula Typographiae Oppenheimensis. Heidelbergae : Apud Jacobum Pfaelerum, MDCCLXIII (1763). Müller, Johann Immanuel. Incunabula Typographiae Lipsiensis. 1720. Rungius, Christianus (Christian Runge). Incunabula Typographiae nunc quaife. Anno MDCCXXXVII (1737).

² Seemiller, Sebastianus. Bibliothecae Academicae Ingolstadiensis Incunabula Typographica seu Munich Univ. Bill., 1789. 196 p.

³ Reimmani, Jacobi Friderici. Ilias Post Homerum : Hoc Est Incunabula Omnium Scientiarum Ex Homero Eruta Et Systematice Descripta Anno MDCCXXVIII (1728).

⁴ Fricke, Johann A. Fata iuris et legum scriptorum per saecula tria post undecimum, quae fori ... 1721. 8 p.

⁵ Runge, Christian. Incunabula historiae patriae. Vratislavia, 1728. 4 p.

⁶ Querini, Angelo Maria. Specimen variae literaturae quae in urbe Brixia ejusque ditone paulo post typographiae incunabula florent, ... 1739.

⁷ Wilisch, Christian Friedrich. Incunabula Scholae Annaebergensis: cut incerta est vita Joanni Apud Jo. Victor Richterum. 1712. 269 p.

⁸ Dankovszky, Gregor. Hungariae constitutionis origines, gentis incunabula et diversae sedes : quae e Graecis, Latinis, ... 1826. VIII, 128 p. Neeser, Leonhard. Principatus Wirceburgensis Incunabula. 1803. 44 p.

⁹ Duggan, Mary Kay. Conyers. Italian music incunabula: printers and type. Berkeley u.a. Univ. of California Press. 1992. XI, 323 S.

¹⁰ Carter, Harry Graham. A View of Early Typography Up to About 1600. Oxford: Clarendon Press. 1969. XII, 137 p. Bühler, Curt F. The Fifteenth-Century Book: the scribes, the printers, the decorators. University of Pennsylvania Press. Philadelphia. 1960. Burder, Konrad. The Printers and Publishers of the XV Century with Lists of Their Works... London: H. Sotheran & Co. 1902. Copinger, Walter Arthur, Burder, Konrad and Hain, Ludwig. Supplement to Hain's Repertorium bibliographicum : or, Collections toward a new edition of that work. In 2 pts. London: H. Sotheran & Co. 1898, 1902. Duff, E. Gordon. Early Printed Books. London: K. Paul, Trench, Trübner & Co. 1893. 219 p. Haebler, Konrad. The Study of Incunabula. New York: Grolier Club. 1933. 241 p.; zpt; Kraus, 1967. Schultz, Ernst. Collection of Incunabula and their Value for Scholars. Mount Vernon, New-York: W. E. Rudge. 1928. Stillwell, Margaret B. The Awakening Interest in Science during the First Century of Printing 1450-1550. New-York: Bibliographical Society of America. 1970. XXIX, 399 p.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вербина, Н.Ф., Кузина, Н.Ю. Российская национальная библиотека в европейских организациях и проектах (на примере Консорциума европейских научных библиотек) // Научные и технические библиотеки. 2007. № 2. С. 39-43. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2006/disk2/170.pdf> (date of access: September 17, 2014).
2. Московкин, В.М. Построение кластеров результатов исследования с помощью специализированных инструментов Google // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2012. № 8. С. 9-13.
3. Репринцева, В.А. Первенцы книгопечатания. К 200-летию Харьковского университета : Коллекция инкунабул ЦНБ // Universitates. Наука и просвещение. 2004. № 1. С. 54-59.
4. Almagia, Roberto. On the Cartographic Work of Francesco Rosselli // Imago Mundi: The International Journal for the History Cartography. 1951. Vol. 8. № 1. Pp. 27-34.
5. Coates, Alan. The Bodleian Library and its Incunabula. 2005 26 p. URL: http://www.bodleian.ox.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0018/28017/IncCatIntroHistorical.pdf (late of access: September 17, 2014).
6. Davis, Patricia D. Incunabula at the University of Arizona: A descriptive catalogue. University of Arizona. 1992. 131 p.
7. Fisch, Max H. A Catalogue of the Medieval and Renaissance Manuscripts and Incunabula in the Boston Medical Library // Bulletin of the Medical Library Association. 1944. Vol. 32. № 3. Pp. 398-401.
8. Guppy, Henry. Rules for the Cataloguing of Incunabula. 2nd ed. London: University and Research Section of the Library Association. 1932. 16 p.
9. Hayes, B. Bit Lit // American Scientist. 2011. Vol. 99. № 3. Pp. 190-194.
10. Jones, Edgar. Google Books as a General Research Collection // Library Resources and Technical Services, 2010, Vol. 54. № 2. Pp. 77-89.
11. Kirby, William F. L. S. VI. Strepsiptera, a new Order of insects proposed: and the Characters of the Order, with those of its Genera, laid down // Transaction of the Linnean Society of London. 1813. Vol. 11. № 1. Pp. 86-122.
12. Klebs, Arnold C. Incunabula scientifica et medica // Osiris. 1937. Vol. 4. P. 11.
13. Knoles, Thomas. A Checklist of Incunabula in the Department of Special Collections and Archives, A. S. Alexander Library, Rutgers University // The Journal of the Rutgers University Libraries. 1983. Vol. 45. № 2. Pp. 94-102.
14. MacRae, I. I. American Incunabula. "Grotesque Genesis" and the Genealogical Genre // American Quest. 2008. Vol. 5. № 1.
15. Mallinckrodt, Bernard. De ortu ac progressu artis typographicae dissertatio historica. Cologne. 1640. 125 p.
16. McCulloch, C. C. (Jr). On Incunabula // Bulletin of the Medical Library Association. 1915. Vol. 5. № 1. Pp. 1-15.
17. Newton, Alfred. On the Orcadian Home of the Garefowl (Alca Impennis) // IBIS. 1898. Vol. 40. № 4. Pp. 587-592. DOI: 10.1111/j.1474-919X.1898.tb05543.x
18. Osler, William. The Proposed General Catalogue of Incunabula // Bulletin of the Medical Library Association. 1914. Vol. 3. № 4. Pp. 45-48.
19. Sarton, George. The scientific literature transmitted through the incunabula (An analysis and discussion illustrated with sixty facsimiles) // Osiris. 1938. Vol. 5. Pp. 41-245.
20. Schertz, Morris. Incunabula at Colby College // Colby Quarterly. 1960. Vol. 5. № 5. March. Pp. 78-93. URL: <http://digitalcommons.colby.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1618&context=cq> (date of access: September 17, 2014).
21. Smyth, Albert. H. Shakespeare's Pericles and Apollonius of Tyre // Proceedings of the American Philosophical Society. 1898. Vol. 37. № 158. Pp. 206-312.

REFERENCES:

1. Verbina, N.F., Kuzina, N.Yu. National Library of Russia in European Organizations and Projects (using the example of the Consortium of European Research Libraries). *Nauchnija i Tekhnicheskije Biblioteki [Scientific and Technical Libraries]*. № 2. 2007. Pp. 39-43. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2006/disk2/170.pdf> (date of access: September 17, 2014).
2. Moskovkin, V.M. Building the Clusters of Research Results by Using the Google Specialized Tools. *Nauchno-tehnicheskaya Informatsiya. Series 2. Informatsionniye Protsessy i Sistemy*. № 8. 2012. Pp. 9-13.
3. Reprintseva, V.A. The Firstborns of Book Printing. To the 200th Anniversary of the University of Kharkov: Collection of incunabula CSL. *Universitates. Nauka i Prosvescheniye*. № 1. 2004. Pp. 54-59.
4. Almagia, Roberto. On the Cartographic Work of Francesco Rosselli. *Imago Mundi: The International Journal for the History Cartography*. Vol. 8. № 1. 1951. Pp. 27-34.
5. Coates, Alan. *The Bodleian Library and its Incunabula*. 2005 26 p. URL: http://www.bodleian.ox.ac.uk/___data/assets/pdf_file/0018/28017/IncCatIntroHistorical.pdf (late of access: September 17, 2014).
6. Davis, Patricia D. *Incunabula at the University of Arizona: A descriptive catalogue*. University of Arizona. 1992. 131 p.
7. Fisch, Max H. A Catalogue of the Medieval and Renaissance Manuscripts and Incunabula in the Boston Medical Library. *Bulletin of the Medical Library Association*. Vol. 32. № 3. 1944. Pp. 398-401.
8. Guppy, Henry. *Rules for the Cataloguing of Incunabula*. 2nd ed. London: University and Research Section of the Library Association. 1932. 16 p.
9. Hayes, B. Bit Lit. *American Scientist*. Vol. 99. № 3. 2011. Pp. 190-194.
10. Jones, Edgar. Google Books as a General Research Collection. *Library Resources and Technical Services*. Vol. 54. № 2. 2010. Pp. 77-89.
11. Kirby, William F. L. S. VI. Strepsiptera, a new Order of insects proposed: and the Characters of the Order, with those of its Genera, laid down. *Transaction of the Linnean Society of London*. Vol. 11. № 1. 1813. Pp. 86-122.
12. Klebs, Arnold C. *Incunabula scientifica et medica*. *Osiris*. 1937. Vol. 4. P. 11.
13. Knoles, Thomas. A Checklist of Incunabula in the Department of Special Collections and Archives, A. S. Alexander Library, Rutgers University. *The Journal of the Rutgers University Libraries*. Vol. 45. № 2. 1983. Pp. 94-102.
14. MacRae, I. I. American Incunabula. "Grotesque Genesis" and the Genealogical Genre. *American Quest*. Vol. 5. № 1. 2008.
15. Mallinckrodt, Bernard. *De ortu ac progressu artis typographicae dissertatio historica*. Cologne. 1640. 125 p.
16. McCulloch, C. C. (Jr). On Incunabula. *Bulletin of the Medical Library Association*. Vol. 5. № 1. 1915. Pp. 1-15.
17. Newton, Alfred. On the Orcadian Home of the Garefowl (Alca Impennis) *IBIS*. Vol. 40. № 4. 1898. Pp. 587-592. DOI: 10.1111/j.1474-919X.1898.tb05543.x
18. Osler, William. The Proposed General Catalogue of Incunabula. *Bulletin of the Medical Library Association*. Vol. 3. № 4. 1914. Pp. 45-48.
19. Sarton, George. The scientific literature transmitted through the incunabula (An analysis and discussion illustrated with sixty facsimiles). *Osiris*. Vol. 5. 1938. Pp. 41-245.
20. Schertz, Morris. Incunabula at Colby College. *Colby Quarterly*. Vol. 5. № 5. March. 1960. Pp. 78-93. URL: <http://digitalcommons.colby.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1618&context=cq> (date of access: September 17, 2014).
21. Smyth, Albert. H. Shakespeare's Pericles and Apollonius of Tyre. *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 37, № 158. 1898. Pp. 206-312.

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

*Sergey B. Bystryantsev,
Andrey I. Salov*

«MIGRATION OVERHANG»
IN RUSSIAN ECONOMICS

Bystryantsev Sergey Borisovich, *Doctor of Sociology, Professor*

Saint-Petersburg State University of Economics 21 Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia

E-mail: bystriantsev@yandex.ru

Salov Andrey Ivanovich, *PhD of Economic Sciences, Associate Professor*

Saint-Petersburg State University of Economics 21 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia

E-mail: salov_ai@mail.ru

*Бирюков Н. И.,
Сергеев В. М.*

«МИГРАЦИОННЫЙ НАВЕС»
В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Быстрянец Сергей Борисович, *доктор социологических наук, профессор*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия; E-mail: bystriantsev@yandex.ru

Салов Андрей Иванович, *кандидат экономических наук, доцент*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия; E-mail: salov_ai@mail.ru

In Russia, where people suffer greatly from predominance of officialdom, corruption and excessive monopolism, which lead to the growth of prices, the market bases are distorted and democratic foundations of social order are deformed. The statement of market distortions is not a theoretical problem regulated in statistical reports. This problem engenders aggravation of social tension in different spheres of social life. This applies also to migration which is an major problem in modern Russia. Today, the problems created by migrants and migration are not discussed much. But these problems are the consequences of Russian economics' peculiarities and will manifest until its' character changes.

The international labor migration is an objective process in the open economy and it is an integral part of globalization. All developed countries are involved in the orbit of labor migration. And it benefits migrants as well as the hosting country. In the USA, they developed the theory of a melting pot which spread all over the world. According to this theory, the American nation is formed from immigrants and they made Amer-

ica the foremost country in the world. But practice shows that for the nations and cultures that have already formed this way is unproductive. The migration process is like a double-edged sword, it cuts both sides: it multiplies the national product of the country accepting migrants and simultaneously strengthens its social problems in spite of the policy of multiculturalism and tolerance which is actively carried out.

May be it is necessary to follow certain economic, trade, social macro-proportions which are not yet established by science. Otherwise, you can get into a peculiar «globalization migration trap», when the government of the country, trying to solve certain tasks and problems, provokes by its actions even more serious problems. In this way, some countries including the USA encountered the problems of mass illegal migration, asocial behavior of migrants, and excessive burden on the society. More than that, it turned out that labor migration has certain consequences – when the second and the third generation of migrants which settled in the country differ in their world view from their parents and are often

inclined to perception of aggressive ideologies, Islamic in particular.

The system of multiculturalism sustained a defeat in civilized Europe with its century-long traditions of democratic organization. If so – what shall we say about Russia with all its social, economic and political problems? E. Gaidar in his latest scientific works¹ held to the opinion that Russia, due to its Soviet, past lags 40-50 years behind the West in its level of economic and social development. We can argue about specific figures but it is absolutely clear that for the past 20 years we have almost caught up the West, at least in one question – the intensity of international migration. Russia now is the second country in the world (after the USA) in amount of accepted migrants; it left behind all the countries of the European Union. Therefore, «the migration trap» – is an urgent problem for Russia.

We think that this «trap» in Russia is manifested, first of all, in the form of a peculiar «migration overhang», i.e. an excessive overflow of the national labor market with cheap and mainly illegal unqualified work power, which leads to:

- firm dependence of the country on an inflow of foreign work power;
- deformation with the following degradation of the national labor market;
- strengthening of shadow economy position in the country;
- loss of sphere of activity for a considerable part of national small-scale business;
- support of criminal structures and corrupted officialdom;
- making the industrial sphere of the economy primitive.

However, the main consequence of the «migration overhang», and we agree with M. Delyagin in that, – is the breach in ethnic proportions in the country². Russia is a multiethnic country with 193 nations, with the established economic ties, with intertwining cultural and national traditions. The inflow of new nations into the

country – Chinese, Vietnamese, Turks, Uzbeks, Tajiks, Kirgiz and others with their traditions alien to Russians leads to a tough rejection of new-comers by local population. Even more so because 90-95 % of them are temporary labor force which initially had to stay in Russia for only 90 days, but in fact more than 3,5 million stay in Russia illegally for a year and even more.

The problem is aggravated by two circumstances:

– The migrant flows from the agrarian countries of the East don't spread all over Russia and are not connected mainly with agricultural production, but they are concentrated in 10 megapolices in the European part of Russia, first of all, in Moscow and St-Petersburg. They settle there in retail and street commerce, construction, housing and communal services, roads construction. All in all millions of young, healthy, hungry men who couldn't realize themselves in their homeland are gathered on a limited territory; as a rule, the majority of them don't have any education and don't speak the Russian language.

– A great part of local population in turn became embittered by their life conditions in modern Russia, they don't believe in laws, receiving evidence of that every day. That is why sometimes they are ready to commit mob law, all the more so while according the data, published by N. Svanidze in «Argumenty i Fакты»,³ in Russia, there live 6 million men with a poisonous past.

The «migration overhang» was formed in Russia, first of all, due to the policy of opening the borders with the East, the post-Soviet Central Asia, not taking into account the half a century experience of England and France. Their experience showed to be negative by the 90-es of the last century. Half of the citizens of Marseilles now are the South African expatriates, in London – from territories of the former British Empire. Secondly, Russia has a lot of unsolved institutional, economic and social problems concerning its native population; it takes the 76-th place in the world according to the «indices of happiness».⁴ Though this policy of «open migration doors to the East» eliminates any possibility to solve the problem of visa-free travel between Russia and the European

¹ See, for instance: Гайдар, Е.Т. Гибель Империи: уроки для современной России. URL: <http://www.yeltsin-center.ru/sites/default/files/gibel-imperii.pdf> (date of access: January 4, 2015)

² Аргументы и факты. № 24. 2013 г.

³ Аргументы и факты. № 30. 2013 г. С. 6.

⁴ Аргументы недели. № 46. 24 ноября. 2011 г.

Union countries, the Russian authorities support this policy substantiating it with what they think unconditional arguments.

They mention a basic factor – the demographic situation in Russia. It is well known that from 1998 till 2011, in Russia, there was a so called «Russian demographic cross» when absolute mortality exceeded the birth rate. This was the reason for government actions to stimulate financially the birth rate in the country with the help of «the maternal capital» and unrestrained external migration policy. Though these measures showed to be not so effective if we assign a primary importance not to the government ambitions but to the task of preservation of the nation to which A. Solzhenitsyn urged the authorities. Actually, «the maternal capital» gives an instant result. But those who are born now will enter the labor market in 20 years, at the same time a mature person wants to work till the age of 70 and more, but in Russia, the life expectancy for men is slightly above 60.

Some scientists think that the Russian territory doesn't have enough population, it needs 50-70 million people more.¹ The government think that it is not possible to solve this problem by means of a natural growth. From here follows the elaboration in 2012 of a Government Migration Program, according to which, by 2025, about 15 million migrants will enter the country annually. They hope that part of them will settle in Russia forever and that will improve the situation with the birth rate.

But these considerations to compensate population losses by means of migrants are unreal, because for the past 10 years only 2 million 700 thousand people got Russian citizenship, which is 2 % of the Russian population now. If we consider a longer period – the last 25 years – the population in Russia has decreased more than 3,7 million people taking into account the nationals from the Baltic countries and other post-Soviet states which is not as catastrophic as the followers of the mass acceptance of migrants think.

Russia has really serious demographic problems. Its population gets older. According to the government estimates, in the nearest 10 years,

the able-bodied population will be decreasing about 1 million annually. It will not be possible to replace them by an inflow of immigrants. According to the most optimistic forecasts, they may substitute about a half of labor decrease of Russians physically, but in quality, professionally, they are 90 % worse.

We should rely upon our resources and possibilities, investing in health and education of the nation at the European level, not as we do it now. The Russian government policy now is «the movement up the stairway which leads down»: the new-comers form ghettos on the territories of big cities with mainly Russian population. For example, in St. Petersburg, there are some streets and areas (like the territory of Apraksin Dvor, or Mohovaya Street and Bumazhnaya Street) where the native population is afraid of going outside. The same thing happens in other big cities: Moscow, Yekaterinburg and others.

According to common sense: there should be as much population in the country as it is given by God, nature and history. We should preserve and multiply it, not increase it by foreign nations. Otherwise, the history of ancient Rome, the Byzantine Empire, Austria-Hungary and Khasar Kingdom will repeat again. Lev Gumilev wrote about it, and the historian A. Epifantsev reminds us². As a matter of fact, in the modern world conditions, each country doesn't have the problem of population deficiency and working labor. Russia doesn't have this problem either: in the country, there is rather a misbalance towards the unqualified and semiskilled workers.

From the middle of the 50-es till 1991, the USSR used a system of forming construction battalions in the army, which contravened the international convention On the Compulsory Labor³. In these battalions, there served more than 300 thousands of people on the basis of military duty, but in fact it was a labor duty. The contingent of the construction battalions were mainly the young people from Central Asia and about 20 % of former prisoners from Russian territories⁴. Construction battalions served not only the needs of the army but also the needs of about 20

² Аргументы недели, № 28, июнь 2013 г.

³ Комсомольская правда, 7 января 1990 г.

⁴ Комсомольская правда, 7 января 1990 г.

¹ День за днём. № 22. 31 мая 2013 г.

ministries and agencies of the USSR. Soldiers fulfilled the functions of unskilled laborers at the factories, took part in the agricultural work. These were self-sustained organizations where soldiers were paid about 10 euro a month.

There are no inner sources in the country now, and Russia again has encountered the problem of labor forces shortage, though the conditions have changed: the migrants came to replace the soldiers from Central Asia. The qualified labor force is necessary for the modern market, but the main part of Russian business uses only a cheap force. As the result, the country not only learns the new market phenomena, but resuscitates the old Soviet models in the labor sphere using some new labels. In these conditions, the human capital is not evaluated in the society in any form, and the social lift is ruined and substituted by pulling strings.

The «migration overhang» didn't appear in Russia unexpectedly – it accumulated in the society for years, interlacing with other problems which were not solved in Russia: the absence of competitive market environment, dominance of monopolies, insecurity of private property rights and despoilment of state property, omnipotence of shadow economy and officials' corruption. The «overhang» today influences negatively the basis of the society – the motivation to labor. It washes away because it doesn't secure people the possibility to realize themselves and their ambitions, to solve their complicated daily problems, to get a worthy labor payment to keep the family.

This situation is promoted by a hard policy of paternalism which was inherent to the Soviet period and was liquidated after 1991, but it was gradually revived during the Yeltsin rule and re-established completely when Putin-Medvedev came to power. The main thing in this policy is developing among the population a hope in the state which can solve all personal problems in exchange to peoples' loyalty and approval. Instead of creating conditions for real freedom of choosing their fate in market conditions, the state not only gives presents to the citizens in the form of material goods, such as benefits and privileges, incomes' indexation, distribution of houses and various compensations in the result of technological and ecological catastrophes, but

also makes fantastic expenditures – financing Sochi Olympic games in 2014 and the World Cup Football in 2018. They give promises to make the life in the country better by 2010, then by 2015, then by 2020. And all that is done in the name of one person.

As a result, such policy of combination of non-market authoritarian administration methods in a not too wealthy state with a real market economy existing in the country engenders the beggars' psychology among certain parts of the population. According to sociologists' assessments, there are about 6 million citizens infected by the beggars' psychology and they hope to get more sops from the authorities. Part of the population considers migrants to be «scapegoats» and avenge them with their dissatisfaction with new stagnation in the country. As a result, in Russia, there form double standards of behavior to people, the society is indifferent to undisguised exploitation of foreign people by businesses, and authorities use the migration's carte blanche in their internal political struggle. As a goal of his Administration activity, President Putin declared the creation of Eurasian economic space in the nearest future which would provide free border transition for the citizens of the Commonwealth. V. Zhyrinovsky and M. Prokhorov make their Russian play against the migration background and Moscow Mayor S. Sobyanin¹ and his opposition competitor in the election campaign A. Navalny put the migrants problem as the major tasks of their election programs. Local authorities have their own reasons. In Russia, the rules of foreigners' registration have changed. If migrants stay on some territory for more than 11 months, they increase the quantity of the local population, which gives a reason for local authorities to ask for an increase in subsidies to the region. Besides, migrants are a desired contingent during various types of elections (at local and federal level), because, as practice showed, they are able to vote «correctly».

The situation in the country is such that neither state authorities nor businesses understand the real state of things concerning the «migration overhang» in the economy. Nobody in Russia can tell exactly how many labor migrants are

¹ Аргументы и факты, № 14. 2013 г.

now in the country. The quota asserted by the government for the 2013 is 1 million 700 thousand people¹. But the Migration Office responsible for reception of labor migrants says that there are 3-4 million foreigners working in the country in reality, and independent experts say that there are 2-3 times more migrants. In spite of the fact that there are about 700 legislative acts in the country which regulate migration², the Migration Office doesn't control the situation. There are no strict rules of entry to Russia for migrants from the East, so they come with their internal passports to which a migration card is inserted; this card is intended for 3+1 months stay in the country. As a result, the majority of «migration overhang» in the Russian economy is formed by illegal immigrants who exceeded the time of stay in the country.

In modern conditions, the national labor market runs the greatest risk, because it is in bad condition without migrants. There are more than 5 million unemployed people in the country, and at the same time there is a shortage of labor hands: the structure of demand and supply is diametrically opposite. For example, in the spring of 2013, the supply at the Moscow labor market was 0,53 persons as per a labor place, which is the lowest for the past 5 years. This situation is explained not by the shortage of labor power but by an extremely low labor payment: why should one work if he cannot live on that payment? Besides, the level of shadow economy is high in the country (about 30 %), it absorbs the unemployed without depriving them of this status and leaving for them the possibility to receive the dole.

The «migration overhang» promotes the system degradation of the Russian labor market because it allows employers to hold back the salary growth of their workers and make it very low. As Academician D. L'vov noted, it is the dumping of foreign labor force at the labor market that formed the uniquely low share of salary in the gross domestic product of Russia. The government considers this as one of the advantages of Russia in attracting foreign investments into the country. It doesn't see that in the economy,

there reveals the process similar to the Gresham Law known in science. This law operates in the money circulation field, provided that both gold and silver are simultaneously used as monetary metal. In this case, «worse» money force out the «better» money. The latter move to the other markets or hoard. It is similar to the situation with migrants in Russia: being «worse» workers, but extremely profitable to employers, migrants expand their areal and press out «better» Russian workers. Meanwhile they repeat the myth about the traditional Russian laziness, optionality and hard drinking in opposition to migrants' diligence. We think that improvement of the Russian labor market is possible only if the state secures the growth of volume and quality of education in the country. This can reduce the need for migrants to the acceptable level, which the society can adapt to the real needs of the state.

It is clear that without a preliminary adjustment of initial principles there is no sense to put and solve the complex migration problems. It is necessary to start from the border. It is called a state border, but it is not such in respect of Central Asian states: a lot of labor migrants overflow the country as tourists. To prevent the entrance into the country of «tourists –street-cleaners,» it is necessary to correlate the flow of migrants depending on internal demand. For that, in Russia, it is necessary:

- To regulate a system of quotas in which current migrant quotas are being changed and sold. The rate of quotas should be determined according to the state demands and not according to the interests of private business. All out-staffing structures which organize delivery of migrants to megapolises should be eliminated from the market.

- To stop the practice of migrants' searching for work all over the country. To exclude divergence in registration, residence and place of getting the patent for work.

- Employers who employ illegal migrants should be punished; they should be legally responsible for this. The existing practice of administrative punishment of dishonest employers doesn't have any social effect: in 2011, the activity of 12,192 firms was suspended, 18,240 officials and 15,440 juridical persons were fined more

¹ Аргументы и факты, № 33. 2013 г.

² Смена, 17 июня 2013 г. С. 8-9.

than 2 billion rubles in total. In spite of this, the sphere of shadow migrants' labor is growing.

– To separate the policy in respect of labor force reproduction on the one hand and the use of labor migrants for current economic purposes on the other. Labor migrants should return home when the term of their work is finished. They should not remain in the country creating all the above mentioned problems. But the current state policy in this question is similar to the policy of the USSR in respect of production of meat and milk. Collective farms grew cows of the so called meat-milk group: first, they gave milk and then they were used as meat. As a result, they got from a cow as much milk as from a goat and meat as much as from a sheep.

– They should change the process of deportation of illegal migrants: migrants should not be sent to places where they live, get medical service and food for free, but they should work and earn money for living and travel home. It is immoral to spend tens of millions of rubles of Russian taxpayers annually to send migrants home.

– In Russia, there is a law according to which Russian citizens have a priority right for vacant jobs, but it is not observed in reality, because there is no mechanism of ensuring it. More than that, some companies in the oil industry, construction, entertainment, consumer, food and alcohol industries get the traits of ethnic firms where only people of one nationality work. The Migration Service, MVD, the Ministry of Labor and businesses should cooperate to execute laws and to avoid discrimination of Russians in their own country.

– It is necessary to change the existing practice of job assignment for foreign migrants in Russia, leaving preferential conditions (a visit to the FMS with passport and migration card) only for citizens of Custom's Union countries (Belarus and Kazakhstan). All the rest (Kirgiz, Uzbeks, Tajiks, Ukrainians, Moldovans, Azerbaijanis, Armenians) should get into country with the working visas as all other foreigners. To get the right to work they should get the corresponding quota with the help of their employers and to present all the necessary documents. This is a standard international practice and there is no reason to deviate from it for the sake of former Central Asian republics which separated in 1991 and forced out

other nationalities from all kinds of jobs making them return to Russia. It is also fair, because migrants and employers don't want to legalize the fact of job officially for the sake of economy.

– Employment agencies should check the level of qualification of migrants before they give them a job permission, because as a rule, migrants provide false information. Migrants without professional training should not get the right to work.

It is necessary to make a long-term bilateral agreement with Central Asian states about the use of their labor resources on the territory of Russia. Taking into account the old traditions of international communication, it is necessary to stipulate for joined efforts in establishing the Russian language centers in these countries, free Russian libraries, students' exchange in Russian Universities, establishing centers of professional training for necessary specialists and qualified workers. The Russian federal budget should give money for these purposes. These measures are also necessary, because in Central Asian countries, there is a shortage of workers, as too many young people have gone to work to Russia. As a result, the Central Asian governments introduce restrictive measures against those who go to Russia to work.

Efficiency of Federal Migration Service activity is very low especially nowadays, after its reorganization in 2007. The formation of the «migration overhang» and negative attitude of the population to the vague migration policy is the evidence of that. It was proven by the events in Birulevo (near Moscow) in November 2013. This service should be liquidated; it should be substituted by some other administrative service, analogous to the USA Migration Service. It would be reasonable to create a Coordination Council in the Government of the Russian Federation. It could coordinate an activity 1) of the scientific center which would elaborate economic policy in migration sphere at the Ministry of Labor, 2) of a special migration service aimed at the work with migrants at the Ministry of Internal Affairs, 3) of a powerful independent migration police, which is not connected with any force structures, which should control the rules of residence of labor migrants in Russia.

УДК 101.1; 82-1/-9

*Жиляков С. В.***ЖАНРОВАЯ ПРОБЛЕМА
ПОСЛЕ М. М. БАХТИНА
(ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)**

Жиляков Сергей Викторович, кандидат филологических наук, доцент
Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета,
м-он. Солнечный, 18, г. Старый Оскол, Белгородская область, 309502, Россия; E-mail: szhil@list.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен комплексный подход к жанровой трактовке культуры, коммуникации, человеческого бытия в целом на основе жанровой концепции М. М. Бахтина. Жанр понимается как устойчивого типа высказывание, универсально присущее культуре в любой исторический период и имеющее собственную историческую и трансисторическую сущность, определяемую открытостью и активностью эпистемологического императива.

В контексте исследования оснований и принципов бахтинской концепции, обладающей экзистенциальной, онтологической и эпистемологической значимостью, сформулирована попытка видения жанра как фундаментальной социально-гуманитарной категории.

Ключевые слова: коммуникация; жанр; высказывание; жанрология; речевые жанры.

*Sergey V. Zhilyakov***GENRE PROBLEM
AFTER M.M. BAKHTIN
(ONTOLOGICAL NOTES)**

Zhilyakov Sergey Viktorovich, PhD in Philology, Associate Professor
Stary Oskol Branch of Belgorod State National Research University,
18 Solnechny District, Stary Oskol, Belgorod Region, 309502, Russia; E-mail: szhil@list.ru

ABSTRACT

The paper examines an integrated approach to the genre interpretation of culture, communication, and human existence as a whole, which is based on the genre concept of Bakhtin. Genre is understood as the statement which is cultural inherent in any historical period and has its own historical and transhistorical essence determined by the openness and activeness of the epistemological imperative.

In the context of research of bases and principles of Bakhtin's concept of having an existential, ontological and epistemological significance the author makes an attempt of regarding genre as a fundamental social and humanitarian category.

Key words: communication; genre; saying; genre study; speech genres.

Жанровая проблема не нова. Она существует с тех пор, как возникли сами оформленные элементы человеческой коммуникации, присущие любой сфере деятельности человека. Жанрами, как литературными, так и любыми другими, интересовались, исследуя их, специалисты в различных областях знания: филологи, философы и культурологи. Вполне объяснимо, что каждый исследователь осмысливал эту проблему в соответствии с «цеховыми» установками, обусловленными методологическими принципами того или иного научного направления или школы.

В современной жанрологии сохраняет свою актуальность концепция М.М. Бахтина, основанная на комплексном – филологическом, культурологическом и философском – подходе к решению сущности жанра, что придает ей универсальный характер в понимании проблемы «жанр – человеческая жизнь». Жанр, по Бахтину, – не структура, но формо-содержательное единство, он – бытийная и экзистенциальная сущность человеческой коммуникации. Бахтин не уклоняется и от традиционного представления жанра как единства тематики, стиля и композиции. Жанровый конструкт состоит из элементов целых высказываний, «относительно устойчивые типы» которых «мы и называем жанрами» [1, с. 159]. Однако ученый считает и, вероятно, прав в том, что не существует жанра вне речи, как речи не существует вне жанра, а обоих компонентов – вне процесса коммуникации, который их порождает. Жанр – это вовсе не научная спекулятивная категория, обладающая метафизической природой, он состоит в неразрывных отношениях с социумом. Все жанры так или иначе имеют речевую природу; по этому атрибутивному свойству Бахтин их назвал речевыми или первичными. Речевых жанров великое множество, они обслуживают многомерную и разнородную человеческую деятельность.

Как неоднократно подчеркивалось, отличие бахтинского понятия речевого жанра «от традиционного понятия «жанр» (например, в литературоведении) состоит в том, что у Бах-

тина это не просто тип однородных (или одновидовых) произведений литературы, а реплика, целое высказывание в диалоге (даже когда имеется в виду роман, повесть и т. д.) Он рассматривает речевой жанр в аспекте речевого общения – как факт социального взаимодействия людей, как соотношение и взаимодействие смысловых позиций. Именно диалогичность является определяющим признаком речевого жанра у Бахтина как «единицы речевого общения и деятельности людей» [3, с. 157–158]. Таким образом, ориентированный прагматически, жанр в большей степени, нежели другие компоненты коммуникации, – «живой организм», существующий в условиях культурного общения, причем в условиях любого типа человеческой коммуникации. Жанр сам становится условием речевого взаимодействия людей, генератором мыслительной деятельности. Такой широкий семантический горизонт проблематики свидетельствует о жанре как о культурологической (шире – философской) категории.

С жанром непосредственно связан стиль, индивидуализирующий его с точки зрения автора и обстоятельств коммуникации. «Органическая неразрывная связь стиля с жанром раскрывается и на проблеме языковых, или функциональных, стилей. По существу, языковые, или функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы, этим жанрам и соответствуют определенные стили» [2, с. 241]. Определяя существенные свойства речевого жанра, Бахтин отмечал: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников в той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным по-

строением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [2, с. 327].

Бахтин манифестирует чрезвычайное богатство и разнообразие речевых жанров (высказываний): «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных). В самом деле, к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога (причем разнообразие видов бытового диалога в зависимости от его темы, ситуации, состава участников чрезвычайно велико), и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную, и развернутый и детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений (в широком смысле слова: общественные, политические); но сюда мы должны отнести многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа). <...> Крайнюю неоднородность речевых жанров и связанную с этим трудность определения общей природы высказывания никак не следует преуменьшать. Особенно важно обратить здесь внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами (это не функциональное различие). Вторичные (сложные) речевые жанры – романы,

драмы, научные исследования разного рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают сложный характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплики бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное)» [1, с. 161].

Помимо коммуникативного аспекта, чрезвычайно отзывчив жанр в гносеологическом отношении с действительностью, с которой вступает в диалогическое общение. Описание действительности начинается именно с жанра – завершенного высказывания, – глазами которого художник видит окружающий мир. «Осознание и понимание действительности совершается вовсе не с помощью языка и его форм в точном лингвистическом смысле слова. Формы высказывания, а не языка играют существеннейшую роль в осознании и постижении действительности» [3, с. 310]. Взаимопроникновение двух миров – действительного и художественного – принципиально важный момент дуалистической направленности концепции Бахтина, пишущего по этому поводу: «Нельзя разрывать процесса видения и понимания действительности и процесса ее художественного воплощения в формах определенного жанра» [3, с. 311].

Всякий речевой жанр – не только социально ориентированный конструкт, или эпистемологическая категория, с помощью которой познается и классифицируется произведение литературы. Бахтин отчетливо дает понять, что жанр «есть совокупность способов коллективной ориентации в действительности с установкой на завершение» [3, с. 312], набор методов и приемов онтолого-герменевтического, гносеологического, эстетического понимания действительности. Иными словами, жанр предоставляет определенную версию считывания информации с реальности; он обладает собственным бытием, вторичным, определяемым фундаментальным жизненным бытием. Для автора же жанр является способом бытия. Отсюда неизбежность коммуникации между сторонами-участниками жанротворения, жанровосприятия и элементами им соответствующими (действительность, автор, читатель).

Жанр настолько сориентирован с действительностью на взаимодействие, что безотлагательно реагирует на социально-историческое событие. Вступает с ним в диалог, иницируя участие в *со-общении* о нем. При этом он не только «утрачивает первоначальное отношение к действительности и к реальным чужим высказываниям» [2, с. 327], но сохраняя его субституцию, перенастраивается, модифицируясь в соответствии с целями и задачами жанра, которые на него возложены бытийно (генетически). Индивидуализация жанра в связи с этим является степенью участия в его преобразовании автором и определяется как стиль. Кроме того, свои коррективы в конструирование жанра вносятся культурно-историческими процессами и явлениями. Поэтому только лишь сущностный аспект остается в жанре неизменным, а декоративные, ситуационные акциденции в его составе приобретают новую форму, шлифовку. К таковым, например, относятся метр, ритм, мелодика, рифма, интонация – в лирике; изменение композиционной последовательности, перестановки, количество участвующих персонажей – в трагедии; образ автора, характеристика его заместителей, из-

менение направленности повествования – в эпических произведениях.

Также в зависимости от принадлежности к художественному методу, течению, направлению и школе происходит различное толкование жанра. Существеннейшую организационную роль в жанростановлении играют участники коммуникативного акта (высказывания): адресант, жанр, адресат. Они, вступая в различные отношения, имея разные облики, способны определенным образом влиять на характеристику жанра.

Отношение жанра с художественным произведением – очень тесное, сложное и неоднородное сотрудничество. Очевидно, что некоторые произведения генерируются только одним жанром. Естественно, они имеют малый объем и упрощенную структуру. Однако подавляющее большинство художественных произведений по структуре являются полижанровыми комплексами. И здесь все гораздо сложнее. Сложность состоит порою и в определении доминирующего жанра, и в выявлении всей совокупности жанров и их отношений и функциональной роли внутри художественного единства (целого высказывания). Поскольку первичные жанры в составе художественного произведения, которое есть не просто система набора первичных (простых) жанров, а сложное единство их, уникальная комбинация, представляющая структурный синтез высказываний, отличный от заурядной суммы последних, органически сочетающихся и оттого образующих причудливую форму, своеобразный композиционный ансамбль, не являются простыми структурообразующими компонентами, а выполняют свою функциональную роль, находящуюся во взаимосвязи с амплуа других жанров, входящих в состав сложного высказывания, каковым значится художественного произведения, то и обнаружение их в системе культурного, социального и исторического диалога – чрезвычайно сложное мероприятие. Мероприятие, стоящее того, чтобы познать механизм понимания действительности, глубже – процесс взаимодействия сознания/сознаний, как по линии собственных

связей, так и по вектору: действительность – жанр – сознание.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что бытие жанра – это система всех характерных для его «жизнедеятельности» компонентов: форма, содержание, стиль, адресат, адресант, качество взаимодействия с действительностью. Кроме того, можно добавить генетическую природу жанра, модальность, хронотоп, локус.

Помимо того, бытие каждого литературного жанра, по-видимому, складывается и из установившейся принятой в данный исторический период картины мира, доминирующего мировоззрения, стереотипов мироощущения, в конце концов. Начинать изучать жанр необходимо, конечно, с генетических кодов, заложенных в мифо-ритуальной природе комплексов восприятия и смыслопорождения. Согласно О.М. Фрейденберг, ритуал связан со словом-высказыванием-речью: «Говорит космос-тотем, поздней говорит божество, а там и его жрец-прорицатель, вещающий за него» [5, с. 122]. Ритуал, обретший литературную форму, сохраняет в качестве рудимента тематическое высказывание жертвоприношения (тематическое задание), композиционные элементы (ожидание, молитву, очищение, надежду на вечную память и т. д.), диалогическую природу в интенции бог-жрец-жертва. Триаде «слово-высказывание-речь» соответствует триада участников ритуального действия – «бог-жрец-жертва» – в первобытном синкретическом мышлении. Например, сквозь призму этих отношений можно рассмотреть такой средневековый жанр древнерусской литературы как летописная воинская повесть, предположив, что в экзистенциально-бытийственной основе летописная воинская повесть содержит элемент жертвоприношения, структурно вписывающийся в нее при пристальном аналитическом обнаружении. В классическом виде жертвоприношение – это внутритекстовый мотив. Но с учетом вышесказанного мы понимаем, что мотив в данном случае есть всего лишь микрожанр или первичный, по терминологии Бахтина, жанр. Все эти компоненты

есть в синтезе жанровая форма жертвоприношения (литературная), которая бытийствует в сложном целом художественно-литературного жанра. Бытие жертвенности как жанровый феномен «литературного жертвоприношения» принадлежит типологически летописным воинским повестям, конституированным торжественным пафосом.

И последнее. Жанр, представленный в статусе социальной эпистемологической конвенции, в особенности, имеющий отношение к истории (например, летописи, повести, исторический документ и проч.), обладает определенной познавательной неполнотой [4, с. 381]. Она – неотъемлемый жанровый признак, кроме прочих атрибутов заложенная в нем до рождения (а priori, вследствие невозможности безостаточного познания чего-либо). Поэтому жанру вполне присуща самодостаточная природа с потенциальной проектной ориентировкой на вечное становление ради наивной попытки полного понимания и познания действительности. «Жанр экспрессивно тематизирует высказывание: замысел сказать еще несказанное, опознаваемое в ситуации общения как жизненно важное, изначально окружает жанровое» [5, с. 400], он аккумулирует знания о явном и неявном, но выразимом, истолковывает в рамках вечно становящегося (по причине диалоговой открытости и транспарентности) высказывания о мире. Потому в жанре уже предустановлено допущение некоторой доли неполноты познания мира с одной стороны, а с другой – спрессована потенциальная возможность активного познавательного начала.

Итак, без учета этих жанрообразовательных высказываний невозможно полноценно понять всю ценность литературного процесса определенной исторической эпохи, ее культуру, а значит и саму жизнь человека, его ожидания, желания, ценностные ориентиры, мировоззрение и восприятие действительности.

В рамках данной статьи мы всего лишь наметили некоторые возможные пути постижения онтологии жанра сквозь призму концепции М.М. Бахтина, которая ни в коей мере ими не ограничивается.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 159-207.

2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281-308.

3. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. 248 с.

4. Иванюк, Б.П. Генезис и эволюция жанра: версия обоснования // Жанрологический сборник. Выпуск 1. Елец. 2004. С. 3–11.

5. Ольхов, П.А. Конвенции в историческом познании // Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод / под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 381-401.

6. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

7. Шукин, В.Г. О филологическом образе мира (философские заметки) // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 117–138.

8. Шукин, В.Г. Социокультурное пространство и проблема жанра // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 69-78.

REFERENCES:

1. Bakhtin, M.M. The Problem of Speech Genres. Vol. 5. *The Works of the 1940^s – early 1960^s years*. Collected Works in 7 vols. Moscow: "Russkie slovari". 1996. Pp. 159-207.

2. Bakhtin, M.M. The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. The Experience of Philosophical Analysis. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: "Iskusstvo". 1979. Pp. 281-308.

3. Dement'ev, V.V. *Indirect Communication and Its Genres*. Saratov: Saratov's University Publishing House, 2000. 248 p.

4. Ivanyuk, B.P. Genesis and Evolution of the Genre: the Version of Justification. *Zhanrologicheskiy sbornik*. Issue 1. 2004. Elets. Pp. 3-11.

5. Olkhov, P.A. Conventions in the Historical Knowledge. *Modern Methodological Strategies: Interpretation. Convention. Translation*. Ed. by B.I. Pruzhinin and T.G. Schedrina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia, 2014. Pp. 381-401.

6. Freydenberg, O.M. *Poetics of Story and Genre*. Moscow: Labirint, 1997. 448 p.

7. Schukin, V.G. About Philological Image of the World (philosophical notes). *Voprosy filosofii*. № 10. 2004. Pp. 117–138.

8. Schukin, V.G. Sociocultural Space and the Problem of Genre. *Voprosy filosofii*. № 6. 1997. Pp. 69-78.

УДК 821.531;130.2

Лин О. В.

**СКАЗИТЕЛИ ЛАО ШЭ:
СТРАНСТВУЮЩИЕ МАСТЕРА СЛОВА
И ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ****Лин Олег Винсинович, аспирант**

Институт Дальнего Востока Российской академии наук Нахимовский пр-т, 32, Москва, 117997, Россия

E-mail: ferro_ignique@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается аналитическое описание образа китайского сказителя, его социокультурные смыслы, как они представлены в романе китайского писателя Лао Шэ «Сказители». Традиции сказителей старокитайского стиля являются культурным наследием Китая, которое передается из поколения в поколение; воплощенное в слове, ритме барабана и мелодичности саньсяна мастерство сказителей способствовало распространению местных культур и влияло на эмоционально-нравственное и духовное состояние слушателей. Между тем, сказители в Китае обычно были бедными и обездоленными людьми, которые находились на низшей ступени в обществе. Странники, для которых ремесло разговора оказывалось одновременно уникальным общением, напоминанием своим собеседникам или слушателям о насущном и способом добывания средств к существованию, шли неукоснительно своей жизненной дорогой. Как следует из анализа романа, открытое, свободное слово сказителей помогало им справляться с житейскими неурядицами, в том числе и теми невзгодами, которые в годы войны, казалось, были непреодолимы.

Ключевые слова: сказители; слово; традиции; барабан; саньсян.

Oleg V. Lin

**THE LAO SHE'S DRUMSINGERS:
THE TRAVELLING MASTERS OF
WORDS AND KEEPERS OF TRADITIONS****Lin Oleg Vinsinovich, Postgraduate Student**

The Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russia

E-mail: ferro_ignique@mail.ru

ABSTRACT

The article presents an analytical description of the image of Chinese storytellers creatively presented in the novel of Lao She "The Drum Singers". The tradition of old drum-singing style is transmitted from generation to generation in China; the skill of storytellers embodied in the word, the rhythm of drums and melody of sanxian have always contributed to the spread of local Chinese cultures and affected the emotional, moral and spiritual condition of listeners. Meanwhile, the storytellers with drums in China are usually poor and disadvantaged people who are on the lowest rung of society. The craft of wanderers, drum singers with unique communication, are reminding their interlocutors or listeners about the bread and on the way to get a livelihood. According to the analysis of the novel, their open and free speech helped the storytellers to cope with everyday troubles including those which seemed to be insurmountable during the war.

Key words: storytellers; drumsingers; word; traditions; drum; sanxian.

Устные предания в Китае традиционны: они связаны с семейными ценностями в конфуцианском смысле. Живые переносчики этих ценностей – сказители, жизнь которых, особенности их ремесла, преемственность знаний и умений по запечатлению сказаний и, контрастным образом, низжайшее положение в социальной иерархии отображены в романе Лао Шэ «Сказители» [4, 5]. Что дают и что приобретают сказители? Как удается им сохранять в пестроте повседневной, исполненной рутинных неурядиц, жизни на людях неразменную толику своего мастерства?

В романе обращают на себя внимание прежде всего переезды. Семья перебирается из одного места в другое, спасаясь от военных действий, происходящих в Китае во время Второй мировой войны. Фан Баоцин – глава семейства, Сиулянь – его приемная дочь и Во Нанфэй – его брат втроем образуют основной костяк труппы сказителей, мастеров старокитайского стиля. Их основные инструменты – барабаны, саньсянь¹ – составляют все их пожитки, которые вместе с певческим искусством и разнообразными приемами устного изложения они используют в выступлениях. Они странствуют и под аккомпанемент нескольких инструментов «продают мастерство» (卖艺). Под это определение в китайском языке подходит любое «живое» выступление, в том числе ушу, цирковое представление, музыкальные номера, благодаря которым члены труппы добывают средства для существования. Помимо инструментов другого имущества у них нет или оно быстро покидает их руки, так как во время войны вынужденное кочевничество не позволяет планомерно и обстоятельно осуществлять переезды по стране со всем накопленным добром.

Эти сказители, в первую очередь, – мастера воссоздания особого жизненно-эстетического единства, в котором неразрывны миры человеческих слов и звуков. Посредством слова, а также ритма барабанов, мелодичности саньсяна, силы и тембра голоса они «ведут» слушателей по смысловым и эмоциональным тропам, давно знакомым и каждый раз новым. Во время войны сказители дают возможность публике на время поза-

быть об ужасах происходящего, о воздушных налетах бомбардировщиков, о вынужденном бегстве, и раскрывают перед ними через конкретность сюжета то, что придает сюжету полноту смысла – человеческие чувства: любовь (выступление «大西厢» – «Большой западный флигель») и патриотизм (объединение перед лицом захватчика в ходе антияпонских выступлений). В исторических границах романа Лао Шэ сказители остаются собою и при своем во время повсеместного уничтожения жилых домов, храмов, классических садов, каменных стел с древними текстами и памятников, иных предметов культурной традиции. Они ничуть не изысканные мудрецы – они неграмотны, они воссоздают и толкуют увиденное, услышанное, испытанное. Но они обладают старокитайским умением выражать непреходящие и чувственно конкретные смыслы без сложных элементов, свойственных живущему в себе и для себя обществу образованных. Они гибки: в разных провинциях, городах и селах они выступают, замечая местные обычаи и интересы, уточняют ценностно положительные эмоции, не только развлекая людей, но и мелодично повествуя им о том, как живут повсюду.

Мистер Фан – «порядочный артист из Бейпина². Он выступает в крупных городах: Шанхае, Нанькине, Ханькоу»³ [4], после захвата Пекина японцами добирается с семьей до провинции Сычуань, Чунцина. Для жителей провинции он – приезжий столичный артист с «иноземным» выступлением, которое ранее не доводилось видеть местным жителям, не говоря уже о том, что пекинский диалект отличается от сычуаньского. Многие считают, что «его сказание под аккомпанемент барабана более интересное и изысканное»; в самой провинции больше распространено пение, ю-гу и цимбала. «Однако сведущему артисту надлежит быть скромнее и следует непрерывно приобщаться к новым музыкальным забавам». [4]

Вне зависимости от мастерства и от того, для каких целей применяется мастерство, положение сказителей социально низкое [7, с. 70]. Они расцениваются как шуты, скоморохи, «пе-

¹ Трехструнный китайский музыкальный инструмент, отдаленно напоминающий русскую балалайку.

² Прежнее название Пекина.

³ Здесь и далее при ссылке на источник 4 – перевод автора.

рекати поле», которые не несут практической полезности и служат только для развлечения трудящегося люда. Так во время антияпонских выступлений труппа мистера Фана играет роль антрактного увеселения зрителей. «Зрители никогда прежде не видели сказителей-барабанщиков, да и было им не до того, что происходило перед опущенным занавесом во время перерыва... Кто-то зазывал торговца арахисом, другие обсуждали ход пьесы или делились новостями о войне» [4]. Другой пример – неудавшаяся попытка одного влиятельного военкомандующего купить себе жену – приемную дочь мистера Фана, которая также является преемницей его мастерства сказительства. Такой диалог состоялся между мистером Фаном и посыльным военкомандующего: «Сейчас торговля «живым товаром» запрещена, Вы не знали об этом? / Кто говорит о том, чтобы купить ее? Командующий Ван собирается жениться на ней. Конечно, ему надо проявить к Вам свое уважение. Дом, земля, деньги – все, что понадобится» [4]. Между тем, после одного антрактного выступления мистер Фан принимает решение вступить в войну против агрессора (канчжань) при помощи слова: в своих выступлениях поддерживать в народе стремление сопротивляться (抗- кан).

Судьба семьи мистера Фана трагична и обладает свойственной китайскому культурному полю грустной притягательностью. Родная дочь мистера Фана Да Фэн, будучи избиваемой мужем, говорит, что отец «все-го лишь сказитель, а я – дочь сказителя. Что он может сделать?». Приемная дочь мистера Фана Сиулянь не чувствует материнской любви, у нее «нет ни братьев, ни сестер, нет друзей, нет никого, кто бы любил» [4] ее. Мистер Фан после смерти родного брата произносит фразу: «Старший брат говорил правду. Хороший финал не для артистов» [4].

Жизнь сказителей – это замкнутый круг трудностей для нескольких поколений. Как гласит китайская пословица: «Одно поколение исполняет представления, три поколения испытывают невзгоды» (一辈子作艺, 三辈子遭罪). Из русских аналогов трудно подобрать полностью идентичный по содержанию вариант, однако на стыке нескольких есть смысловое сходство с указанной китайской пословицей: «За грехи родителей расплачи-

ваются дети», «Скоморох голос на гудке настроить умеет, а житья своего не устроит», «Яблоко от яблони недалеко падает», «От плохого семени не жди хорошего племени», «Проси добра, а жди худа!». Традиционность и преемственность искусства сказителей несут в себе приговор не только для сказителя, но и его подопечных и родных.

«Сказители» Лао Шэ – роман и памятник культуры Китая XX века, который обладает собственной поучительной историей. Он был написан в Нью-Йорке в 1948-1949 гг. и издан на английском языке [1]. Рукопись на китайском языке осталась неизвестной. Для китайского читателя роман в 80-е гг. XX в. был подвергнут обратному переводу с английского языка на родной язык автора Ма Сяоми – благодаря ему певцы-барабанщики, the Drum Singers вновь обрели свою сказовую подлинность, а сам роман был опознан как автобиографический. В нем Лао Шэ пишет о себе в лице Мэн Ляна – учителя грамоты приемной дочери мистера Фана, девушки Сиулянь, затем ставшего ее мужем [6]. Лао Шэ – пекинец, Ма Сяоми – нет, к тому же в романе немало песен; и Ма Сяоми пришлось приложить немало сил для того, чтобы справиться с возникшими при переводе сложностями, вернуть пекинских сказителей на их речевую родину. Для написания песен был привлечен артист Бай Фенмин, способный исполнить оригинальную версию «Большого западного флигеля» (大西厢) – сказание о любви двух людей на пекинском диалекте под аккомпанемент барабанов [6]. Сказание, таким образом, пережило войну: другой сказитель смог исполнить его много лет спустя...

Так сошлись в едином ширящемся кругу разные повествования. Возврат к литературному памятнику, созданному Лао Шэ, произошел через другое культурное поле и для «зрителей», которые только тридцать лет спустя после его выхода в свет получили возможность ознакомиться с ним в интерпретации другого автора-переводчика, который представил роман как автобиографическую работу Лао Шэ. Сказительство – не только сами сказители, но и те культурные смыслы, которые они запечатлевают собою, – странствует из места в место, из города в город, из культуры в культуру.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Lao She. *The drum singers*. Trans. Helena Kuo. New York: Harcourt Brace and Co., 1952. Reprinted. Hong Kong: Sanlian, 1987.

2. Лао Шэ. Избранные произведения / Пер. с кит.; сост. Е. Рождественской-Молчановой. Москва: Художественная литература, 1991. 701 с.

3. Лао Шэ. Рассказы. Пьесы. Статьи / Пер. с кит. Сост., вступит. статья и общ. ред. Н. Т. Федоренко. Москва: Гослитиздат, 1956. 335 с.

4. Лао Шэ. Сказители (на кит.). URL: www.bookfree.com.cn (дата обращения 15.02.2015).

5. Лао Шэ. Сказители: пер. с кит. и предисл. Н. Спешнева. Москва: Радуга, 1986. 255 с.

6. Ма Сяоми. Ху Сиецин и перевод «Сказителей» Лао Шэ (на кит.) // *Жэньминь жибао*. 1 апреля 2002. URL: <http://www.people.com.cn/GB/paper39/5861/589592.html> (дата обращения 15.02.2015).

7. Родионов А.А. Жизнь и творчество Лао Шэ // Институт Конфуция (русско-китайское издание). Январь 2013. Выпуск 16. № 1. С. 65-70.

8. Федоренко Н.. Лао Шэ и его творчество: предисл. // Лао Шэ. Избранное. Сборник. Пер. с кит. М.: Радуга, 1982. С. 5-16

REFERENCES:

1. Lao She. *The Drum Singers*. Trans. Helena Kuo. New York: Harcourt Brace and Co., 1952. Reprinted Hong Kong: Sanlian. 1987.

2. Lao She. *The Selected Works*. Ed. by E. Rozhdestvenskaya-Molchanova. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 1991. 701 p.

3. Lao She. *Stories. Plays. Articles*. Ed. by N.T. Fedorenko. Moscow: Goslitizdat. 1956. 335 p.

4. Lao She. *The drum singers* (in Chinese). URL: www.bookfree.com.cn (date of access: February 15, 2015)

5. Lao She. *The drum singers*. Transl. by N. Speshneva. Moscow: Raduga, 1986. 255 p.

6. Ma Xiaomi. Hu Xieqin and translation of Lao She's "The drum singers" (in Chinese) *Renmin ribao*. April 1, 2002. URL: <http://www.people.com.cn/GB/paper39/5861/589592.html> (date of access: February 15, 2015).

7. Rodionov, A. A. The Life and Work of Lao She. *The Confucius Institute (Russian-Chinese edition)*. January 2013. Vol. 16. № 1. Pp. 65-70.

8. Fedorenko, N. Lao She and His Works: Introductory Article. *Lao She. Selected. Collection*. Translated from Chinese. Moscow: Raduga, 1982. Pp. 5-16.